

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ХЛОПОК ОДНОЙ ЛАДОНЬЮ. Том 1

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

Хлопок одной ладонью

«Звягинцев Станислав»

2006

Звягинцев В. Д.

Хлопок одной ладонью / В. Д. Звягинцев — «Звягинцев
Станислав», 2006 — (Одиссей покидает Итаку)

ISBN 5-699-18710-3

Они, наконец, сошлись – люди разных времен и реальностей, но одинаково любящие свое Отечество: Андрей Новиков, Александр Шульгин, их друзья из «Андреевского братства», офицеры Вадим Ляхов и Сергей Тарханов. В одном строю, на поле боя, потому что поодиночке им теперь никак нельзя. Угроза уничтожения мира, в котором они живут, перешла из категории философской в категорию военную. И задача теперь ставится так: выстоять, отразить агрессию, выявить и уничтожить врага. До полной и окончательной победы...

ISBN 5-699-18710-3

© Звягинцев В. Д., 2006

© Звягинцев Станислав, 2006

Содержание

Книга первая	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	55
Глава 7	63
Глава 8	67
Глава 9	70
Глава 10	78
Глава 11	90
Глава 12	97
Глава 13	102
Глава 14	109
Глава 15	113
Глава 16	125
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Василий Звягинцев

Хлопок одной ладонью

Книга первая

Игра на железной флейте без дырочек

*Неужель хоть одна есть крыса
В грязной кухне иль червь в норе,
Хоть один беззубый и лысый
И помешанный на добре,
Что не слышат песен Улисса,
Призывающего к Игре?*
Н. Гумилев

Глава 1

Из записок Андрея Новикова

«Ретроспективы»

Свои действия мы заранее спланировали, как на командно-штабных учениях, проиграв все варианты предстоящего сражения. Благо опыт работы в Сети у нас был уже довольно солидный. Причем в разных ситуациях, и вынужденный, и благоприобретенный.

Поэтому даже никаких особенных усилий не потребовалось. Совсем короткая совместная медитация в абсолютно пустой комнате, где на полу лежали четыре тростниковых татами, а в нише-токонома стоял в кувшине букет из засохших бессмертников и над ним – лист пергамента с японскими иероглифами, тибетскими письменами и арабскими закорючками, которые из вежливости принято называть «вязью».

Это тоже придумал Удолин. Нам с Шульгиным таких дополнительных средств для активизации подсознания не требовалось. Но если человек считает, что нужно, – пусть так и будет.

На этот раз найти Удолина не составило особого труда.

Профессор по-прежнему, как будто и не было в его недавней биографии разных бурных событий, увлекался исследованием древних эзотерических рукописей султанской библиотеки и некоторых хранилищ, в коих обнаружили порядочные фонды пресловутой Александрийской. Это ведь не в новейшие времена придуманная технология – сначала украсть все, что успеешь, а потом списать на других воров, стихийное бедствие или «неизбежную на море случайность».

Во времена позднего эллинизма и раннего Халифата тоже достаточно было библиофилов, которые, пользуясь неудовлетворительной постановкой учета и отчетности, не одну сотню лет потомственно перли все, что представляло художественный или финансовый интерес. Что-то оставляли себе, что-то загоняли на черных рынках Иерусалима, Рима, Константинополя или где там еще находились ценители раритетов, а когда ревизия стала неминуемой, библиотека, как «Воронья слободка»¹, запылала, подожженная сразу с четырех концов.

Одним словом, материалов для научных занятий у Константина Васильевича хватало. Параллельно, утоляя непреодолимую страсть к публичности и многословию, он почти непре-

¹ См. И.Ильф и Е.Петров. «Золотой теленок».

рывно гастролировал между четырьмя главными российскими и полудюжиной европейских университетов, где читал скандальные, но собирающие полные аудитории лекции по нескольким взаимоисключающим дисциплинам.

Это удовлетворяло ненасытную жажду славы и приносило неслыханные гонорары.

Неизбежные же запои он столь мастерски регулировал *скользящим графиком*, соотнесенным с планом гастролей, студенческими каникулами и прочими сложноучитываемыми факторами, что фактически его можно было считать скорее изощренным трезвенником, с некоей тайной целью прикидывающимся пьяницей, чем полноценным алкоголиком.

Разыскать его удалось в древней Саламанке, и для чистоты эксперимента я доставил его легким самолетом через Стамбул и Сухуми на уединенную и близкую к звездам дачу недалеко от Архыза.²

Когда мы расположились на веранде сложенного из дикого местного камня дома, повисшей над многосотметровым обрывом, Шульгин изложил результаты своих последних наблюдений и созревшие предложения.

Далеко внизу, по ту сторону бурной речки, светились редкие огни карачаевского аула, вдоль плато тянул знобящий ветерок, и очень к месту прищлись наброшенные на плечи белые, тончайшей выделки «ханские» бурки.

У мангала трудился лучший во всем горном Карачае шашлычник, присланный наследственным владельцем этих мест князем Курманом Кипкеевым в знак уважения к «большим людям». Сам же он ждал нас в своем дворце в Хасауте завтра.

Запахи стояли умопомрачительные. На всякий случай я заглянул в загородку, чтобы проверить, действительно ли в дело пущен настоящий черный барашек, или, как шестьдесят лет спустя, местные жители для русских лохов красят обычных, грязновато-серых, черной гуашью. Нет, тут все было без обмана.

Вино, конечно, на столах стояло грузинское, из-за недалеких перевалов, и хорошее до чрезвычайности. Ничего другого на стол ставить было нельзя, чтобы уважаемый профессор раньше времени не выскочил в зону неуправляемости. А так поговорили очень хорошо. Издалека подходя к теме, Шульгин вызвал у собеседников (вернее, собеседника, поскольку меня готовить не требовалось) должный настрой.

Астрал, мол, дело давно привычное, и ничего плохого и опасного, кроме научного и развлекательного интереса, он пока не приносил. И вот сейчас возникла еще одна тема. Сложная, скрывать не буду, подчеркнул Александр, но и результат обещает быть не только общепольным, но и до чрезвычайности познавательным для вас, Константин Васильевич. Потому что, по некоторым данным, в возникшей сопредельной реальности проводятся эксперименты по организации собственного канала нам навстречу. Вроде бы как оттуда кто-то «долбит стенку», но она не «крошится», а «прогибается», и в месте приложения усилий образуется «нейтральная зона» с непонятными свойствами.

То есть, если установка Левашова в свое время проткнула пространство-время, как шпага – соломенное чучело, устройство наших «соседей» работает как таран, бьющий в резиновую преграду. Даже не в резиновую, а скорее в свинцовую, потому что «остаточная деформация» очень велика.

И, чтобы подзадорить Удолина, сказал наугад, вернее – интуитивно, и, как не раз уже бывало, попал почти в яблочко.

– Сдается мне, Константин Васильевич, что не научный эксперимент в государственных масштабах там проводится, а некий свой «Левашов» упражняется. Только не на инженерном, а скорее мистическом уровне. Завелся там, предположим, маг и некромант, возможно, превосходящий нас с вами силой ума и способностями...

² Горное ущелье и курорт на Северном Кавказе.

– Это чрезвычайно интересно, – воздев на вилку солидный пучок гурийской капусты, воскликнул профессор. – Мало что эксперимент сам по себе интересен, так никогда в жизни не видел коллегу из иных измерений. Вы – не в счет, – счел нужным уточнить профессор, – прошлое, будущее – это все одно и то же, а вот параллельный мир – это да! – Он закусил и снова немедленно выпил.

– Так, может, посмотрим?

Посмотреть на «коллегу» Удолину в этот раз не удалось, зато само вхождение в астрал «вирибус унитис»³ прошло в этот раз на удивление гладко. Несмотря на то что я обещал Ирине больше не соваться в Гиперсеть, удержаться не смог. Да и работа втроем на порядок повышала безопасность предприятия.

Разумеется, при каждом «заходе» антураж «предбанника», или входного портала (можно еще сказать – интерфейс Сети), оказывался новым, неожиданным, совершенно непредсказуемым. Неизвестно, зависело это «оформление контакта» от текущего состояния самого «компьютера», подсознательного психологического настроя «пользователей» или регулировалось некими «свыше» установленными правилами и принципами.

Наиболее комфортным был предпоследний вход в Сеть Шульгина с Удолиным. Тогда они очутились в заброшенном, одряхлевшем и опустевшем Замке Антона, и всю необходимую информацию Сашка получил частью в беседе с Голосом, частью – войдя в ментальную связь с неожиданно заработавшим личным компьютером форзейля.

И, погружаясь, мы все договорились настраиваться именно на Замок. Привычнее как-то, сохраняется иллюзия безопасности и благожелательности того, кого Шульгин назвал Хранителем, или Душой Замка. И оставалась надежда, что оттуда, в случае чего, можно выбраться в свою реальность чисто «механическим» путем, как это делалось раньше, в самом начале наших приключений.

Запасной парашют, в общем, который помогает летчику спастись, когда отказывает самая навороченная электроника.

Но сейчас, кажется, парашют не раскрылся. Абсолютно банальным образом.

Я ощутил сильнейший удар сначала ногами об землю, а потом, не успев подняться и, как принято, ощупать себя, проверить, целы ли кости и все остальное, получил чем-то твердым по затылку.

В голове загудело, боль отдалась в глаза, но сознания я не потерял. И готов был даже рвануться, вывернуться из обхвативших рук, оказать достойное сопротивление. Совершенно так, как десантник, выпрыгнувший на условленные три костра в партизанском крае, но попавший вроде бы не туда.

Сил у меня хватило бы, чисто физически я человек достаточно крепкий, да и обучен кое-каким штукам, чтобы при необходимости убить врага мгновенно и не оставляя следов.

Однако допустил, сознательно или нет, паузу, после которой дергаться было уже поздно. Знающий человек понимает, что, если в затылок упирается нечто железное, пистолетный ствол или просто торец кочерги, думать следует о худшем. А тут еще умелые руки обматывают тебе запястья сыромятным ремнем. Это нынешняя молодежь не умеет отличить сыромятный ремень от дубленого, а кто жил в *те годы*, помнят разницу.

Потом меня повели. И я по-прежнему не видел ни одного из тех, кто так со мной обошелся в «момент приземления». Кто они и откуда, вот вопрос. Внутри Узла высокоинтеллектуальные Держатели вряд ли пользовались сыромятными ремешками, которыми можно шнуровать ботинки, а если вязать руки, то очень больно становится от пальцев и до лопаток.

³ Viribus unitis (лат.) – объединенными усилиями.

И все равно я соображал, что не в девятом веке меня поймали и скрутили. Простые матерные слова произносились с лексическим оттенком именно конца XX века. Даже в его начале выражались хоть немного, но иначе. Да и стены, двери того здания, куда меня втолкнули, были из цивилизованной жизни.

Со двора и до начала круто спускавшейся вниз лестницы я ощущал позади двух или трех человек, с очень неприятной, странной и агрессивной привычкой толкать под ребра то кулаком, то железом.

Я, конечно, мог бы сейчас начать размышлять о превратностях жизни, о том, в какой межвременной пробой залетел, и даже попытаться напрячь свои *силы*, но понимал, что это бессмысленно. Что планировал – сделал, а сейчас не моя партия.

Надеялся на хорошее каре или флеш, а сдали мелкий мусор, меняй не меняй, лучше не выйдет. На выход сюда мы все силы потратили, а уж куда попали – извините. Сашки рядом нет и Удолина. А что есть? А вот то и есть. Станешь дергаться – пришибут. Посему – потерпим и посмотрим. Одна надежда – не для того сюда затащили, чтобы убить без объяснения причин.

А когда спустились этажом ниже, парни вдруг исчезли. Доверили дальнейшее конвоирование женщине. Одной. И не очень привлекательной.

Она обошла меня справа, на плече у нее висел стволом вниз немецкий «МП» (с чего вдруг?), и довольно спокойным голосом сказала:

– Идите. Не спеша. Здесь довольно круто, а если оступитесь, придержаться будет нечем.

Женщине было лет сорок. Выглядела она неухоженной. Темные волосы давно не мыты, глаза и губы не подкрашены. Свитер крупной вязки, то ли из сероватой шерсти, то ли просто заношен. Плотная темная юбка прямого покроя ровно по колено. Коричневые чулки, издали не поймешь, капрон, нейлон, шелк? Туфли без каблука на толстой подошве. Все практично, но некрасиво и почти не поддается временной идентификации. Плюс-минус тридцать лет. В общем – небогатая интеллигенточка промежутка от Сталина до Брежнева, собравшаяся на шефскую помощь в пригородный колхоз.

А вот три кожаных пенала для автоматных магазинов на ремне с пряжкой «Gott mit uns»⁴ – интереснее. Что здесь – военное время? Какой-нибудь партизанский край? Или наоборот – оккупация, и попал я в руки к местным полициям или власовцам?

Ничего, скоро разберемся. Случалось с нами уже подобное, и не раз. И по своей воле, и по чужой. Когда Сильвия, перебрасывая меня на Валгаллу, что-то не так настроила в своем универблоке, довелось побывать и в личности попавшего в чекистский концлагерь белого генерала, и еще кое-где. Вот и сейчас тоже... Правда, в данный момент я находился в своем собственном теле, и реализма вокруг было многовато.

Обойдя меня сбоку, дама оказалась в такой позиции, что лучше не придумаешь. Даже со связанными руками ничего бы не стоило ее сейчас подсесть под неказистые, в чулках с затяжками ножки. Разом. И покатила бы она, болезная, вниз, стучаясь затылком о края цементных ступеней.

И что?

Убиться не убьется, автомат останется лежать на площадке, а руки как развязать? Никак. Не обо что перетереть ремешки, ни одного острого предмета поблизости не видно. Да и закричит она наверняка, и мгновенно появятся те самые ребята. Или – другие. И непременно приложат прикладами по зубам и по ребрам. Совсем не ко времени. Значит, ваше превосходительство, еще чуток потерпим.

Лестница была какая-то странная. Мы шли вниз и вниз. Литые узорные ступени, зачем-то поверх чугуна крашенные белой масляной краской, и перила тоже чугунные, сделанные давно и с забытым ныне искусством.

⁴ Gott mit uns (нем.) – «С нами Бог». Девиз, штамповавшийся на пряжках и другой амуниции военнослужащих вермахта.

На третьем марше вниз (а ведь ввели меня сюда на уровне земли?) я увидел слева высокую двустворчатую дверь. Она была закрыта на тяжелый засов, однако сквозь щель просвечивал явно дневной свет. Это как возможно?

Возможно, тут же сообразил я, если здание стоит на очень крутом косогоре. Один фасад может быть двухэтажным, а другой – четырех.

Какая ерунда в голову приходит. Впрочем, почему ерунда? В моем положении самая мелкая деталь может оказаться жизненно важной.

– Слышь, девка, а куда мы идем? – спросил я, заранее изобретая себе подходящую для непонятной ситуации роль, никак не интеллигента, а так, прибалтленного слесаря с ближайшего завода. – Я вас вообще не трогал, в разборках ни с кем не связывался. Пушку не ношу, с ментами все тип-топ. Зачем я вам? А вы сами-то из каких?

Мне показалось, что половина сказанного женщине оказалась непонятна. Опять попал не туда?

Но тут же она ответила, совсем не так, как я ожидал.

– Вы лучше говорите, как привыкли. Что же, думаете, я, кандидат филологии, с диссертацией по послевоенной русской лексике, не понимаю, как вы сейчас язык коверкаете? Не нужно.

Тут я натуральным образом обалдел. Уж чего-чего, а такого от «затруханной», той же лексикой выражаясь, женщины, пусть и с автоматом, не ожидал услышать.

Но нашелся.

– Интересно, мадам кандидат, кто же это вам позволил такую тему? Не то чтобы защищать, а вообще прикоснуться? При «бабке усатом» – посадили бы. При Хрущеве – ну, не знаю, в первые два-три года, может, и проскочило б. А потом... Да и, простите, год у вас нынче какой? И лексика моя вас теперь устраивает?

– Вы – из наших? – странным шепотом спросила женщина и вдруг кинулась развязывать стягивающие запястья ремни. Получалось плохо, парни постарались, затянули на совесть.

Я указал глазами на штык-нож у нее на поясе. Нет, в самом деле, люди обвешались оружием, а для чего оно – просто не понимают. И снова, какой непрофессионализм, сказал человек пару слов на подходящем языке, и на тебе – руки развязывают. А вдруг бы я – тот самый враг, от которого они столь неграмотно обороняются? Но, похоже, сам того не подозревая, сказал нечто, позволяющее идентифицировать меня благоприятным образом.

– Из каких – из наших? А! – сделал вид, что догадался. – Из интеллигентов-диссидентов-шестидесятников? Так у вас здесь что, очередная гражданская война, что ли? И про год вы мне так и не ответили...

– Успеется, – в голосе женщины опять проскользнул холодок. Опять, наверное, я допустил какую-то оплошность, и она успела пожалеть о своем порыве. Так откуда мне знать, на самом-то деле, где я и что здесь творится? Допустим, эпоха насильственного свержения Советской власти, а здесь – лагерь ее последних защитников. Тогда я подставился.

Но дело было сделано, и филологичка велела мне идти дальше, а сама приотстала, держа ствол автомата на уровне моих лопаток.

Разминая затекшие руки, я продолжил спуск в неизвестность.

Не очень улучшилось мое положение. Что-то тут опять очень альтернативное, а я – дурак дураком и с совершенно пустыми карманами. Пачка сигарет и зажигалка «Зиппо». Все. Ножа, и того нет. Документов никаких, денег тоже.

«А деньги при чем? – подумал я. – Да хотя бы как вещественное доказательство своей непричастности к их забавам. Посторонний я!»

За тяжелой броневаой дверью, действительно броневаой, да еще и с массивным штурвалом кремальеры, оказался просторный тамбур с многочисленными трубами под потолком и по стенам. Пахло ржавчиной и кошками. Справа и слева двери, тоже металлические.

Женщина приказала открыть левую.

В неярком свете забранных сетками ламп передо мной открылась длинная сводчатая анфилада. Очень длинная. Прямо даже и конца ее не видно. Не хуже, чем в Замке. А вдоль стен – открытые шкафы и застекленные витрины с разными музейными ценностями, причем по преимуществу – оружием. Огнестрельным и холодным. И то же самое оружие, только покрупнее, стояло на огороженных легкими перильцами площадках и подиумах. Пушки, например, трехдюймовки 1902 года, пулеметы «Максима» и других систем на конных лафетах и треногах и еще разное в этом роде.

Весьма напоминает залы и запасники Артиллерийского музея в Ленинграде.

Глубокая ниша во втором от входа зале была обставлена, как кабинет хранителя этого богатства. Старый письменный стол, старый диван с круглыми валиками и зеркалом вдоль верхнего края спинки. Каталожные ящики до потолка, всякая рухлядь по углам, может быть, имеющая историческое значение, но никак не товарную ценность.

Бывал я в подобных местах, неоднократно. Помещения музейных фондов и кабинеты сотрудников везде выглядят почти одинаково. Что в Эрмитаже, что в каком-нибудь областном краеведческом. Органически эти люди не могут выбрасывать старые вещи, мебель в том числе, если она непрерывно и автоматически превращается в антиквариат.

За столом пил чай с черными сухарями старик с узким морщинистым лицом, глубоко посаженными глазами и орлиным носом. Было ему лет восемьдесят, но выглядел он крепким, жилистым и очень напоминал капитана Кусто.

К этому мы тоже успели привыкнуть. Все «видения и посещения», которые устраивали потусторонние силы, обязательно базировались на образах, ассоциациях и аллюзиях, извлеченных из нашей собственной памяти. А больше откуда взять? Увидели мы один раз с Сашкой не для нас приготовленные декорации, так это было то еще зрелище!

Жуткое, честно сказать ...

И сейчас при воспоминании морозцем дернуло по коже.

...Тогда, в Замке, направляясь к кабинету Антона, мы элементарным образом заблудились. Такого просто не могло быть на этом, многократно исхоженном пути. Но тем не менее, пройдя нужное количество лестниц и коридоров, оказались не на пятом этаже, а на первом, перед обширным холлом, двери которого выводили к главным воротам и подъемному мосту.

– Увлекательно, да? – Шульгин поджал губы и посмотрел на меня, как бы в надежде на сочувствие. Я неопределенно пожал плечами. Больше всего мне хотелось, не задерживаясь, проследовать по предложенному маршруту: за ворота и дальше. Но, не будучи по-настоящему отважным человеком, я самолюбив и упрям. И ни за что не позволил бы себе проявить слабость, даже если свидетелем этого – один Сашка.

Второй раз мы попробовали добраться до цели на лифте. Он привез к дверям моей комнаты и дальше просто не пошел.

– Что делать будем, экстрасенс? – теперь я смотрел на Шульгина с некоторой растерянностью.

– Можно, конечно, позвонить Антону, посоветоваться. Но лучше давай еще раз попробуем. Есть идея...

Идея оказалась не слишком плодотворной. То есть по замыслу она была, может быть, и хороша, но Замок, или некие силы, захватившие контроль над ним, не дремали. И в результате мы заблудились всерьез.

Если раньше нам только казалось, что атмосфера коридоров, по которым шли, напоминает антураж готического романа, то сейчас зловещие перемены были видны невооруженным глазом. Чем дальше углублялись мы в лабиринт лестниц и переходов, похожих на те, что таятся за малоприметными дверьми с табличкой «Посторонним вход воспрещен» в старинных театральных зданиях, в Большом, например, или в Мариинском, тем явственнее становилась

печать запустения, все мрачнее закоулки, слабее освещение, гуще паутина и коготь на стенах и потолке. Хотя откуда взяться всему этому в специально сконструированном и в одночасье созданном для вполне конкретных целей здании? Когда Шульгин об этом спросил, я ответил, что не вижу повода для удивления. То, с чем столкнулся при первом посещении Замка Воронцов, тоже не соответствовало облику стандартной инопланетной базы.

– Или мы с тобой подсознательно хотим увидеть именно это, или...

– Или нам довелось увидеть предназначенное не нам. Присмотрись повнимательнее...

Мне будто не хватало именно Сашкиной подсказки. А ведь и на самом деле такое впечатление, что здешние декорации совсем не из этого фильма. Все чуть-чуть, но не так, не по-земному! И кладка стен, и форма сводов, изгибы лестниц и оформление перил. Словно бы архитектор руководствовался не только другими СНиПами, но и не совсем человеческой логикой... Это и имел в виду Шульгин, когда предложил свой план – пройти к Антону той частью Замка, где на нас не рассчитывали и не ждали. Вот только не предположил, что угадает чересчур точно – мы, похоже, забрели в сектор, выходящий на совсем другие миры, предназначенный для охмурения и вербовки существ с принципиально иными вкусами и привычками.

Очень захотелось повернуть обратно, гораздо сильнее, чем в первый раз. Заблудиться, так уж в земном лабиринте, а не инопланетном.

Теперь мы оказались как бы внутри аналога московского ГУМа, разумеется, со всеми поправками на детали чуждой архитектуры, из-за которых простая схема продольных галерей, связанных то висячими горбатыми мостиками, то заостренно-арочной фигурной кладки тоннелями, воспринималась с трудом, как фантазии Мориса Эшера.

И было все раз в десять больше в длину и в высоту, не имело никакого видимого смысла, с человеческой точки зрения, но каким-то целям, безусловно, служило.

Разговаривать, да еще громко, в таком месте не хотелось, поэтому Шульгин тихонько насвистывал попури из первых приходящих на память мелодий, а я молча рассматривал и запоминал все достопримечательности этого загадочного сооружения, ощущая себя одним из героев лемовского «Эдема». И оба непроизвольно все ускоряли и ускоряли шаги.

Сначала мне показалось, что от усталости рябит в глазах. Потом – что на соседней галерее мелькнула крупная крыса. Потом такие же крысы померещились еще в нескольких местах сразу. И раздалось частое мелодичное цоканье, словно стайка крошечных козлят бежит наперегонки по хрустальному полу.

– Саш... – выдохнул я, вскидывая к плечу карабин.

– Стой, не стреляй! Бегом! – Шульгин увидел новую, действительно омерзительно-жуткую опасность одновременно со мной, только тактическое решение у него созрело другое.

Вверху, внизу, на поперечных, переброшенных над тридцатиметровой пропастью мостиках, неизвестно откуда появившись, скользили стремительно-плавной рысью десятки громадных пауков. А может, и не пауков вовсе, а неких паукообразных существ неземного происхождения. Паук и сам по себе отвратителен, даже простой крестовик или тарантул, но когда он размером с кавказскую овчарку...

Пауки, похоже, не проявляли пока интереса к землянам и решали какие-то свои проблемы, но слишком их вдруг стало много, и так угрожающе-близко проносили они свои тугие, как наполненные нефтью бурдюки, брюха... Вот вывернет сейчас один-другой из ближайшего коридора и...

Почти до конца галереи нам удалось добежать без помех, а потом пауки словно бы увидели добычу или получили команду извне.

Прерывая свой механический бег в никуда, они вдруг начали тормозить всеми восемью конечностями, разворачиваться на месте, искать многочисленными фасеточными глазами цель. И вот первый уже помчался вдогонку.

По счастью, все пауки оказались отчего-то на параллельных галереях, и, когда самый прыткий, опередив нас, рванул наперерез по висячему мостику, Шульгин, не останавливаясь, взял его влет, прямо сквозь витые балясины перил.

Гениально придумал Сашка – тонкая оболочка пули, надсеченная глубокими и крутыми надрезами, ударившись в хитин, развернулась тюльпаном. Мельхиоровая розетка со сгустком ртути внутри разнесла чудовищное создание в клочья. Вследствие несжимаемости заполняющей его брюхо слизи.

То делая короткие перебежки, то разворачиваясь на ходу поочередно и прикрывая друг друга огнем, прорвались мы все же к подножию узкой, почти вертикальной лестницы.

Совсем рядом мелькали мохнатые ноги, щелкали, как ножи сенокосилки, устрашающие хелицеры, разлеталась по сторонам и застывала на стенах и полу тошнотворная рыже-фиолетовая гадость...

Если бы хоть немного времени на эмоции, меня непременно бы вырвало, как однажды в сельве, где я наступил на паука размером с куриное яйцо. А здесь с непривычным гулким свистом молотил почти без пауз карабин Шульгина, громыхал, вырываясь из рук, мой собственный, густую сортирную вонь перебивал резкий пороховой запах, и отвлекаться на ерунду было некогда.

Единым духом взлетев сразу на три марша, мы остановились на решетчатой площадке перед узкой металлической дверью.

Шульгин швырнул вниз загремевший по ступенькам предпоследний расстрелянный магазин и вдобавок мстительно плюнул.

– Вот, – сказал он, когда дверь отделила нас от пережитого кошмара. – Я говорил. Пауки. Как раз, кого ты терпеть не можешь...

– Да уж... – меня все же начало запоздало мутить. – А ты кого больше всего не любишь?

– Сложный вопрос, однако... Вслух не будем, от греха. Но за меня не бойся. Очередная подставка все равно снова для тебя будет...

– Не думаю, что третий раз вообще будет. Глупо как-то... За пацанов нас держат. Или убивали бы, или отвязались... – Мне неожиданно стало скучно. В прямом смысле. Все понятно, все предсказуемо. Как в Диснейленде.

И вот здесь, сейчас – чрезвычайное близкое *предощущение*. Похожие коридоры, похожая аура. Только тогда рядом был верный друг и противослоновые карабины в руках, теперь же все наоборот. Решили посильнее припугнуть? На коленки поставить? Как Сашку Сильвия, не сумев в роли Шестакова согнуть, в Ниневию отправила?

Значит, опять мы *их*, сами того не подозревая, прищучили? Или чересчур близко подошли к тому, к чему не следует?

Тогда – тем более вперед, черные гусары! Впереди победа ждет, наливай, брат, чары!

И сразу вспомнилось заклинание Шульгина: «Ловушка, ловушка, я в тебя не верю!»

– Здравствуйте, садитесь, – предложил старик. Указал на древний электрический чайник, алюминиевый, с деревянной ручкой и толстым шнуром в тканевой оплетке: – Выпьете? Горячий. Ничего больше предложить не могу. Света, посмотри, там, кажется, леденцы в банке еще остались...

– Спасибо, я только чаю. Хоть настоящий? Или уже морковный?

Старик усмехнулся.

– Вы историк или непосредственно из эпохи морковного чая к нам прибыли?

– Я журналист, значит, и историк в некоторой мере. Новиков, Андрей Дмитриевич, последнее место работы – еженедельник «За рубежом».

Старик опять усмехнулся.

– Я – директор музея. Вайсфельд Герман Артурович. Это – Светлана Петровна, заведующая архивно-библиографическим отделом.

– С автоматом «МП-38» фонды бережет? А вы еще и Вайсфельд. Из старых запасов ствол? От кого защищаетесь. От белых, от красных, от банды батьки Шпака или наследников Че Гевары?

– Разбираетесь? Вы какого года рождения?

– Пятидесятого. Тысяча девятьсот. Еще бы не разбираться...

– Ну да, ну да. Похоже. А к нам как попали?

Чай из стакана в серебряном подстаканнике был вполне ничего. Краснодарский, а то и индийский «со слоником». Да в горле у меня так пересохло, что и пустой кипяток пошел бы за милую душу.

– Курить можно?

– Курите, и нас со Светой угостите.

Протянул им почти полную пачку «Кэмела» из пароходных запасов. В Крыму я обычно курил отборные турецкие папиросы, а на «Валгалле», вспоминая молодость, баловался американскими сигаретами.

– Из спецбуфета? – со знанием дела спросил Вайсфельд, затягиваясь с жадностью давно не курившего человека.

– Вроде того.

Я никак не мог сообразить, как выгоднее всего держаться и какую легенду излагать.

Судя по тому, как отреагировал директор на мой возраст, место работы, сорт сигарет – здесь что-то около восемьдесят седьмого – девяностого. Канун событий девяносто первого, о которых я так и не успел ничего узнать, потеряв в схватке с грабителями драгоценную пачку газет.

И вдруг, с таким запозданием, я подумал, а не было ли то нападение организовано отнюдь не для того, чтобы отнять у меня кожанку и изнасиловать Ирину в темной подворотне, а именно – не позволить переправить в другое время материальный носитель информации. То, что я успел просмотреть несколько заголовков, сочтено было несущественным, а вот пара сотен печатных страниц, да еще и с фотографиями – парадокс. А если бы Ирина в ресторане не помещала, и я прочел их целиком – выпустили бы нас из девяносто первого, или удар нунчаками по затылку достиг бы цели?

– Ну а к нам как попали? Прямо во двор музея? Чтобы вы стену перелезали, ребята не заметили. Но допустим. Узнали о наших безобразиях и приехали материал собирать? Откуда? Из Москвы? А она вообще еще существует, Москва-то, и хоть что-нибудь за окраиной нашего города?

– Какого города?

– А вот не скажу пока, – хитро сощурился Вайсфельд. – Раз вы утверждаете, что не знаете. Сам не знаю почему, но... И вообще, как это в книжках пишут: «Вопросы здесь задаю я!» – и дробно рассмеялся. Смех у него действительно был старческий.

– Ничего я вам дельного не скажу. Потому что сам ничего не понимаю. Сидели мы с друзьями в комнате, выпивали понемногу, о пустяках болтали. Потом один любитель эзотерики начал насчет астрала, эфирных и тонких сущностей человека распространяться и какую-то мантру или сутру произнес. Меня как схватило, закрутило, встряхнуло, понесло... Только ваши охранники в чувство привели...

Не верите? Так внимательней присмотритесь: в таком виде на разведку ходят или просто в командировки ездят? У меня же с собой вообще ничего. Еще спасибо, я привычки не имею сигареты на стол выкладывать, в нагрудном кармане держу, а то бы вообще труба... Да и то, на троих нам едва до вечера хватит, а потом?

– Ничего, «Беломором», «Примой» и махоркой я вас обеспечу. С другим, извините, временные трудности⁵. Но если вы не шпион, не вражеский агент, отчего вы так нечеловечески спокойны? Я что, думаю, не представляю реакцию нормального человека, с которым случилось бы то, что якобы с вами?

– Профессиональное свойство, если хотите. Бывал я и в плену у никарагуанских «контрас», у «охотников за головами» гостил, с вертолетом в тундре падал. Со шпаной в московских переулках дрался несчетно. Привык, наверное...

– Это хорошо. Вы нам, наверное, пригодитесь. В оружии разбираетесь? Вон у меня «Максим» почти новый стоит, наладить можете?

– Да не вопрос. Но до тех пор, пока вы мне не расскажете, в чем дело и где я, – ничего не будет.

– Договорились. Так в каком году вы занялись вашими медитациями?

Никакой другой год, кроме своего последнего нормального, восемьдесят четвертого, называть смысла не было. Так я и сказал.

– В любом другом случае я бы вам не поверил. А сейчас поверю чему угодно. До прошлого воскресенья у нас был восемьдесят восьмой. Октябрь месяц. Какой теперь – не знает никто. Радио, телевидение, телефон не работают. Самолеты, может, и летают, но не у нас. Поездов, по слухам, тоже пятый день не приходило. Один наш сотрудник на своей машине рискнул отправиться на разведку, хотя бы до соседней узловой станции, но не вернулся до сих пор.

Я хотел спросить, а чем же занимаются партийные и советские власти, милиция, КГБ, армия, наконец, в городе, который внезапно и непонятно оказался отрезан от мира, но Вайсфельд, предупреждая этот естественный вопрос, начал рассказывать все подряд, с самого начала, вполне четко, как полагается профессиональному историку.

Получалось так, что здесь уже произошла глобальная, или локальная, что для присутствующих, включая меня, не имело практического значения, деформация времени. Та самая, о теоретической возможности которой мы неоднократно рассуждали с Антоном и друзьями. Которую в конечном счете и собирались предотвратить. А сейчас, как уже не раз бывало, внутренний настрой определил способ и место контакта с Сетью.

И либо сейчас передо мной крутят своего рода «научно-популярный фильм» в назидание, либо меня действительно занесло в область уже случившегося разлома. Что именно происходит, я узнаю только когда (и если) выберусь. Изнутри процесса догадаться о степени его подлинности практически невозможно.

Ростокин, вон, в тринадцатом веке оказавшись, без малейшего удивления отнесся к наличию на вооружении Ливонского ордена танковых соединений, да и сам в должности князя разъезжал на пушечном броневом автомобиле древнерусского производства.

Хорошо, что у меня самого сейчас несколько большая степень здравомыслия сохраняется. Значит, будем смотреть и слушать, в любом случае пригодится. Если отпустят – для доклада друзьям и размышлений, если нет – для облегчения адаптации.

И еще я подумал, что взрослые мы вроде бы мужики, тертые жизнью, а ведем себя как дети неразумные. Сколько раз уже с такими гиперпереходами сталкивались, а как-то не усвоили, что надо в них снаряжаться, как для парашютной высадки в тыл врага. Обойдется чисто эфирным переносом матрицы, ну и ладно, амуниция не помешает, а попадешь вот так, телесно, хоть на первое время будет комплект выживания.

⁵ Официальное в советское время объяснение отсутствия в открытой продаже каких-либо товаров. При том, что на базах, в спецбуфетах и т. д. то же самое обычно имелось.

Глава 2

Из записок Андрея Новикова.

«Ретроспективы»

...А Вайсфельд продолжал рассказывать.

Привычная жизнь в городе мгновенно перестала существовать. Случилось нечто худшее, чем даже ташкентское землетрясение. Там хоть сохранилась управляемость, базовая инфраструктура и связь со страной. Здесь же...

Буквально мгновенно несколько хронопластов, как при тектоническом сдвиге, наехали друг на друга, и в городе перемешались годы, десятилетия, люди и архитектура.

Если в отдельных «изолятах» стабильность вроде бы сохранилась, то буквально через квартал-другой можно было вдруг оказаться в пределах довоенного города, как его помнил Вайсфельд, причем с теми самыми, прежними жителями. И можно представить, что началось, когда в первые часы катаклизма «современные» горожане, бывшие кто на работе, кто просто на других улицах, в кино и магазинах, кинулись по домам и обнаружили, что с виду почти те же самые строения населены совсем другими людьми, тоже ничего не понимающими, но на порогах «своих» квартир стоящими насмерть.

Многие, построенные в период массовой застройки кварталы пяти-девятиэтажек просто исчезли, вместе со всеми, кто в них на тот момент находился. И тут же, буквально за углом, не менее новые корпуса возвышались, как ни в чем не бывало.

Стоявшее на центральной площади в сотне метров от музея громадное здание Дома Советов, выстроенное в начале шестидесятых и вместившее в себя практически все краевые и городские власти, растворилось бесследно. На его месте раскинулась необъятная, покрытая выходами дикого камня и поросшая бурьяном площадь с остатками разрушенной в тридцатые годы церкви.

То есть здесь оказался локальный участок примерно пятьдесят пятого – пятьдесят седьмого годов, потому что позже уже начали рыть котлован под фундамент «желтого дома», как его сразу же окрестили за цвет стен, сложенных из местного песчаника. По иной причине – тоже.

Доходили слухи, что дальше к окраинам можно провалиться и в дореволюционность, и чуть ли не во времена Дикого поля. Половцы не половцы, но мародеры весьма неприглядного вида по улицам уже бродят, в одиночку и толпами.

Милиция исчезла с улиц в первый же день, потому что руководить ею оказалось некому, а те сотрудники, что не исчезли и не разбежались, по большей части закрепились в уцелевших помещениях служб, ожидая дальнейшего развития событий и распоряжений, если таковые откуда-нибудь вдруг последуют.

Многие горожане, имевшие родственников в окрестных селах, устремились туда, на всех видах еще действующего городского транспорта, собственных и захваченных с боем чужих машинах, а также пешком.

Хуже всего было то, что деформации пространственно-временного континуума продолжались, спорадически и бессистемно, отчего приспособиться к ним было совершенно невозможно. Так, к примеру, посланные с биноклями на крышу наблюдатели сообщали, что несколько раз то появлялись в положенном месте и совершенно исправном виде вокзал и пути

Туапсинской железной дороги, разрушенной во время Гражданской войны, да так с тех пор и не восстановленной, то снова исчезали. Один раз якобы по ней, удаляясь от города, прошел пассажирский поезд из десятка зеленых и синих вагонов.⁶

Точно так же, словно миражи в пустыне, в разных точках города обозначились купола и колокольни давно взорванных церквей. Но выяснить, действительно ли храмы возродились «по-настоящему», или это только обман зрения, возможности пока не было.

Вайсфельд не рисковал посылать своих ребят в дальнюю, явно рискованную разведку. Они и свою-то территорию обороняли с большим трудом. На второй и третий день катаклизма предпринимались неизвестными людьми явно целенаправленные и скоординированные попытки взять здание штурмом, но неожиданно мощное огневое противодействие их образумило. Больше мародеры не возвращались, но гарнизон не терял бдительности. В чем Андрей убедился на собственном опыте.

Герману Артуровичу и большинству его сотрудников вообще повезло. Во-первых, когда исчезло здание Дома Советов, а заодно и находившееся поблизости общежитие педагогического института, тоже послевоенной постройки, в музее был санитарный день, посетителей не пускали, а персонал весь был на работе.

Шок, разумеется, имел место, но общей паники удалось избежать.

Само же полуторастолетнее здание, в целом (как я правильно сообразил) трехэтажное, но сзади имевшее еще три дополнительных цокольных этажа, выстроенное разомкнутым с восточной стороны квадратом, вполне годилось в качестве крепости. Занимавшее целый квартал, с двухметровыми стенами, забранными прочными решетками окнами, подвалами в несколько ярусов (строилось как Торговые ряды богатым местным купечеством по образцу ГУМа, но чуть поскромнее), внутренним двором, трехметровой, тоже каменной, оградой и весьма солидными воротами. Танк проломит, конечно, а с налету не возьмешь. Здесь, в сравнительной безопасности, можно разобраться в происходящем и пересидеть смутное время.

Гарнизон составили около полусотни научных сотрудников, смотрителей, шоферов, слесарей, электриков и плотников, да еще было несколько студентов исторического факультета, помогавших монтировать очередную выставку. Они же первые выбрались на разведку, покрутились по центру, привели с собой еще человек двадцать друзей и подруг, кого встретили поблизости.

Оружия для самообороны в фондах музея было сколько угодно, а вот насчет патронов – плохо. Точнее – почти никак. И тут молодежь нашла выход. По ту сторону ныне опустевшей площади располагались корпуса военного училища. Ребята сбегали, разыскивали приятелей-курсантов, и те, пользуясь общим разбродом и беспорядком, нагрузили полный кузов бортового «уазика» ящиками с патронами. Да сами и привезли. Самых нужных, трехлинейных, образца восьмого года. Заодно договорились об огневой поддержке, если потребуется, и вообще о дружбе и взаимопомощи.

Училище представляло собой столь же старинное и прочное, как и музей, каре корпусов, более чем по сотне метров длиной каждый, с многочисленными подсобными и складскими строениями внутри, собственным стадионом, каштановым парком с эстрадой и танцплощадкой, куда так любили ходить студентки в поисках женихов. И все, почти без исключений, находили.

– Там тысячи полторы курсантов, солдат и офицеров. Если катаклизм больше наш район не затронет, с их помощью надеемся выжить...

Это директор объяснял мне, когда мы уже поднялись на третий этаж и через полукруглое, от пола до потолка окно в зоологическом зале я сам увидел и площадь, и мрачные стены

⁶ В дореволюционное время в России вагоны первого класса (типа СВ) окрашивались в желтый цвет, второго (мягкие купейные) – в синий, третьего (плацкартные) – в зеленый.

училища, похожие на Трубецкой бастион Петропавловки, и пугающую, в свете всего услышанного, панораму центра города с зияющими прогалинами на месте бывших новостроек.

– Вон видите, там, слева, по улице Дзержинского, – указал Вайсфельд, – было Управление внутренних дел.

Я увидел. Ничего особенного не представляющий в архитектурном смысле двухэтажный дом в окружении небольших старинных особнячков. Позади него – густой не то парк, не то роща.

– Его сорок лет достраивали и перестраивали, там в итоге целый «Пентагон» получился, с семиэтажной башней в центре, а сейчас снова – гостиница Пахалова в первозданном, тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, виде. И где теперь милиционеры, уголовные дела, оружейные склады и все прочее? – без особых эмоций, почти академическим тоном спросил директор. – А вы говорите – властные структуры!

– Так значит, предполагаете, что вас накрыло... каким примерно годом?

– Частично от тридцатого до сорокового, частично – послевоенные до пятьдесят седьмого. А если железная дорога – не мираж, так это уже между девятьсот десятым и семнадцатым. Я же здесь всю жизнь прожил, после двадцатого года все помню, каждый дом, каждый проходной двор, по фамилиям и в лицо всех тогдашних известных людей. Одно время – каждую машину по номеру и водителя по имени знал. Музеем тридцать лет заведую. В оккупации тоже был.

Кстати, – вдруг озарило его, – почему оккупация пропущена? Если б еще немцев сюда, да потом бои за освобождение – это ж вообще представить невозможно, во что город превратится...

– Значит, в расчеты не входит, – мудро заметил я.

– В чьи расчеты, о чем вы?

– Знал бы, сказал непременно. Вообще, на вашем месте я бы сразу в училище перебазировался. Там все ж крепкие ребята с оружием, и казармы, и пищеблок, и техника. Наверняка электрогенераторы свои есть, склады НЗ месяца на три, медчасть, госпиталь. Натуральный феодальный замок со всеми его функциями, если до того дойдет...

А сам подумал – вот тебе, пожалуйста, этот провинциальный музей и военное училище – прямой аналог «Валгаллы» и нашего форта. Островок стабильности и выживания в рушащемся мире. А надолго ли?

– Нет, что вы! Как же я могу все бросить? Тут же такие... такие исторические ценности. А архивы! У нас даже подлинные автографы Пушкина, Лермонтова, Одоевского, Толстого есть. Они же все здесь бывали. Вы видите, Светлана Петровна, женщина, автоматом научилась пользоваться, и никуда отсюда не уйдет, хотя ее дома тоже, кажется, больше нет. Хорошо хоть она незамужняя. А другие... Она вон там, на Северо-Западе, жила, – Герман Артурович подвел меня к противоположному окну. Как я и догадывался, здание стояло на крутом обрыве, под которым на сотню метров ниже простиралась громадная ложбина, сплошь покрытая лесом. Лишь в центре посверкивало пятно большого пруда или маленького озера. А дальше к горизонту лес вновь поднимался по склонам, неизвестно куда и на сколько десятков или сотен километров.

«Сибирь здесь, что ли? – подумал я. – Так нет, тополя и каштаны по улицам растут». Никак не получалось определить, где все-таки нахожусь. Ни один известный мне город под имеющуюся картинку не подходил тем или иным параметром. Постой, постой! Пушкин, Лермонтов, Одоевский... Кисловодск, Пятигорск – нет. Орджоникидзе, бывший Владикавказ? Там горы. Краснодар – на равнине...

– Вон там, за кромкой леса, был целый большой район, построенный не так давно. И создавалась панорама чуть ли не Манхэттена. А сейчас – ничего... И что прикажете думать?

Директор махнул рукой.

Я, конечно, готов был сочувствовать всем, однако опять окружающее – только картинка, сюжет, морок. Единственная правильная позиция – вести себя спокойно и собирать информацию.

А если вдруг окажется, что застрял я здесь напрочь (нельзя исключать), тогда и начнем рефлексировать по полной программе.

– С первой минуты хочу вас спросить, уважаемый Герман Артурович, я не дурак, поверьте, и в делах определенного сорта понимаю, – каким образом вы в вашем заштатном заведении сумели накопить такое количество боевого оружия в рабочем состоянии? Что я, не видел, как поганенький именной наган местного героя революционных битв, перед тем, как поместить в витрину, сверлили с нечеловеческой яростью, и по патроннику, и даже по каморам барабана. А у вас – и «МП», и «Максимы», и прочих винтарей немерено, если вам патроны восьмого года машинами завозят... Я советскую власть изнутри знаю, сроду б она такого не допустила.

Вайсфельд снова рассмеялся тем же дробным смехом, но теперь он звучал торжествующе.

– Знаете, да не совсем. Или – московскую знаете, а местную плохо! Первые секретари крайкома – и. о. царя и бога на земле. Если себя правильно поставили. А наши умели, ох, умели. Да что говорить, если с самого сорок четвертого года один как Сталину в доверие втерся, так до безвременной кончины в восемьдесят лет серым кардиналом Политбюро пребывал. Второй едва-едва Генсеком не стал, болезнь аорты подкосила. А третий – стал! Где еще такое видано, уголок страны самый захолустный, а – кузница кадров! Почтище Днепропетровска.

Теперь наконец я понял, где оказался.

Интересный поворотик сюжета, я вам замечу!

Но виду не подал, по тому же принципу: «Ловушка, я в тебя не верю!»

– А вот эта наша коллекция оружия составила из оружейного музея знаменитого Самурского полка, который, уходя на Кавказский фронт в 1914 году, сдал ее на хранение нам. До поры. А пора и не пришла, знаете почему. В Гражданскую кое-что подкопили, и после, тогда с этим проще было. Вы не поверите, немцы в город пришли, на полгода всего, правда, так до наших нижних подвалов не добрались. И никто не предал! Правда, и комендантом случайно оказался интеллигентнейший человек из кайзеровских еще офицеров. Открытые фонды, и то грабить своим не позволил. Так все и сохранилось. Когда немцы бежали, по улицам, столько всего валялось, что тогдашние сотрудники весьма коллекцию пополнили.

А после войны сначала дела никому до наших фондов не было, а потом я, когда директором стал, вместе с тогдашним начальником управления культуры (он понимающий мужик был, боевой кавалерист-доваторец⁷) нашел возможность в приватной обстановке с Первым по душам поговорить.

Так и так, мол, владеем мы одной из ценнейших в Союзе коллекций старого оружия, холодного и прочего, на мировом рынке раритетов миллионы и миллионы долларов стоила бы, особенно в комплекте, а если ваши милиционеры ее попилить потребуют, сразу в цену металлолома обратится.

Он в подпитии был, велел все ему показать. Посмотрел, подумал, одну кубачинскую шашку⁸ себе на память взял и выдал мне охранную грамоту, окончательную. Для всех преемников и на все времена. Вот поэтому нам сейчас есть чем обороняться.

И с продовольствием у нас более-менее неплохо. Тут вот, прямо за углом, большой гастроном, тоже, по счастью, в старом доме расположенный. Ребята под шумок сходили, при-

⁷ Доватор Лев Михайлович – генерал-майор, командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса в 1941 году, прославившегося рейдами в тыл врага в первые месяцы войны. Герой Советского Союза (посмертно).

⁸ Кубачинская шашка – изготовленная в ауле Кубачи (Дагестан), славящемся особым качеством и художественной отделкой холодного оружия.

тащили из подсобок всякого «дефицита» – мясная тушенка, колбасы, сыр. Макароны, мука, соль, сахар, разумеется. Недели на две хватит, наверное...

– А потом?

Вайсфельд пожал плечами.

– Что потом? Образуется как-нибудь или совсем в тартарары покатится. Откуда я знаю, где-то что-то сдвинется в очередной раз, и уже мы исчезнем, а тут заплещется Сарматское море...

Я поинтересовался, есть ли в гарнизоне отставные офицеры или просто люди с боевым опытом?

Оказалось, что в армии служили многие, но больше рядовыми и сержантами. Был отставной подполковник, как раз главный хранитель оружейной коллекции, да ушел два года назад на покой по полной дряхлости. Потому и с «Максимом», и с другими сложными системами разобраться некому.

– А что, возьмете меня в военспецы?

– Так я с самого начала имел это в виду. Приступайте.

Я попросил построить всех, способных (и готовых) носить оружие. Таковых набралось двадцать восемь человек в возрасте от двадцати до пятидесяти, из них три женщины. Известная Светлана Петровна и две студентки – разрядницы по стрельбе. Из «ТОЗ-12» и «МЦ», разумеется, но трехлинейные карабины держали вполне уверенно.

Войско, конечно, так себе, даже «афганцев» среди них ни одного не оказалось, но где другое взять? Держатся люди все-таки уверенно и смотрят бодро.

Огневая мощь состояла из тех же «мошинок» разных модификаций, четырех «Винчестеров», выпускавшихся в Первую мировую в САСШ по русскому заказу и под русский патрон, ППШ и ППС, двух «МП» и ручника «ДП-27».

В общем, неплохо, только для немецких автоматов было всего пять магазинов и патроны, сами понимаете, тех еще лет выпуска. То ли выстрелят, то ли нет. Для наших пистолетов-пулеметов в училище удалось раздобыть лишь десять картонных пачек – 160 штук. Так что лучше автоматчиков держать в резерве, на случай решающего ближнего боя.

Я спросил у Светланы, испытывала ли свой «машинпистол» в деле и вообще как он к ней попал и почему.

– Интересуюсь этим делом, хоть и филолог. Артем Захарович (это тот самый подполковник-оружейник) мне все показывал, разборке-сборке учил. Говорил, что, не дай Бог, конечно, если опять придется, то каждый нормальный человек должен владеть оружием, как ложкой.

– Умный человек.

– Ну вот, когда все началось, я первым делом в склад спустилась и «Шмайссер» себе взяла.

– Какой же это «Шмайссер»? Неужто ваш знаток так говорил?

– Нет, «МП-38, Эрма», конечно, но он сказал, что на фронте все так говорили, для простоты...

– Пусть так, а стреляли или нет?

– Одна короткая очередь, поверх голов.

– Значит, не сгнили еще патроны. На совесть делали. Ладно, будем делом заниматься.

С помощью двух парней, бывших пулеметчиков, «Максим» вытащили из подвалов, я, вспоминая крымские дела, перебрал действительно находящийся в почти идеальном состоянии и тщательно смазанный механизм. Убедился, что все работает как надо. Залили воду в кожух, набили три брезентовые ленты, на что ушло как раз два цинка. Затащили четырехпудовый пулемет на крышу.

Спасибо неизвестному архитектору этого здания, придумавшему устроить над главным входом этакое декоративное излишество в виде трапециевидного каменного фронтона почти

двухметровой высоты с барельефами и круглым отверстием посередине. Возможно, здесь когда-то помещались часы, но сейчас оно идеально подошло в качестве амбразуры.

Отсюда как на ладони видна была площадь, ограда и корпуса училища по ту сторону, еще несколько внушительных старинных зданий в отдалении. Позиция изумительная, центр города просматривается на полную дальность прицельного выстрела.

Правда, в кого и зачем стрелять, пока непонятно, но интуиция подсказывала, что наверняка придется. Иначе что я вообще тут делаю? Со старым музейщиком познакомиться забежал и осмотреть вотчину последнего Генсека? Очень сомнительно.

По въевшейся в натуру привычке немедленно брать ситуацию под контроль я решил, пока все тихо, сходить в училище, познакомиться с кем-то повыше рангом, чем простые курсанты.

Взял в сопровождающие студента-историка Стаса, как раз и организовавшего негоцию с доставкой патронов, повесил на плечо одолженный у Светланы «МП», больше для солидности, а там кто его знает, и отправился.

Стас, немедленно вообразивший себя как бы адъютантом нового командира, человека куда более подходящего к этой роли, чем старик-директор, да еще из самой Москвы, старался тоже выглядеть серьезным и бывалым.

Нормально. Перейдя на четвертый курс, мы себя тоже ощущали весьма крутыми парнями. Пожалуй, самыми, потому что пятикурсникам нужно уже думать о госэкзаменах, дипломах, распределении, аспирантуре и прочих скучных вещах, а четвертый – это авторитет, сила и независимость.

Карабин он повесил на плечо небрежно, стволом вниз. Вроде как признак особой лихости. Одолжившись сигаретой, курил неторопливо, держа ее большим и указательным пальцами левой руки. И одновременно излагал собственную версию происходящего, постоянно ссылаясь на фантастические романы и рассказы, по преимуществу западные, касавшиеся той же тематики.

Многих названий книг и фамилий авторов я даже не слышал, хотя в свое время тоже был не чужд. За рубежом читал все больше испано- и англоязычные газеты, справочники и тому подобное, на беллетристику времени не хватало, а в Союзе две-три новые книжки купишь в ларьке Домжура⁹, если повезет, и все на этом.

– Ты что, по-английски свободно читаешь?

– Читаю немного, только зачем? Сейчас на лотках этого добра столько... Были б деньги да время. Отец мой никак успокоиться не может. Митингует, как на Съезде депутатов. Я, говорит, свою библиотечку НФ в тыщу книжек двадцать пять лет собирал, сколько переплачивал, сколько перед завмагами да продавщицами унижался, и кому это теперь нужно? За неделю можно столько же купить, чего хочешь, а интерес пропал, и азарт...

– Это точно.

Сам я был таким же точно охотником-собирателем, только в своем мире до книжного изобилия не дожил. Правда, успел увидеть лотки и витрины декабрьским вечером девяносто первого. А в других мирах у меня появились совсем другие заботы.

– А отец твой, родители, где сейчас? Не знаешь?

– Они, слава Богу, в Пятигорске. Хотя, может, сейчас и там такое же... – парень махнул рукой и переключился на тему последствий катаклизма исходя из посылки, что все рано или поздно образуется. А вот какая жизнь начнется после – это его занимало гораздо больше текущих событий. Возраст, что тут скажешь...

⁹ Дом журналистов.

Слева от парадного входа, в данный момент наглухо закрытого, Новиков увидел чугунную доску. «Высшее командное училище войск связи имени маршала войск связи Пересыпкина».

Помню я этого маршала по его надгробному памятнику на Новодевичьем кладбище. Там он возвышается над косо срезанным гранитным постаментом в мундире со всеми тщательно выточенными орденами и медалями, прижимая к уху телефонную трубку, витой мраморный провод от которой уходит куда-то вниз. Очевидно, в царство Аида. Или туда, где сейчас обретается тот, кто вручил ему самые большие звезды в тридцать девять лет. Приказы, что ли, продолжает выслушивать? Или обстановку докладывает? Сюрреализм, честно сказать.

За ворота училища нас пропустили свободно, и рассыльный от КПП повел к дежурному офицеру.

Службу и уставной порядок, как я заметил, тут продолжали поддерживать, невзирая на обстоятельства. Учебные занятия, может быть, и не проводились, но празднующихся по территории курсантов не попадалось. Все были заняты каким-то делом. Значит, отцы-командиры на высоте.

Дежурный майор явно принадлежал к преподавательскому составу, что нетрудно было определить по культуре речи и радушию, с которым он принял гостей.

После взаимных представлений естественным образом немедленно перешли к обсуждению ситуации. Опять-таки, чем хорош русский человек – удивительно легко и быстро адаптируется к любому изменению обстановки. Касается ли это смены государственного строя, татаро-монгольского нашествия, начала очередной мировой войны или всемирного оледенения.

Ну что ж? Случилось, так случилось. Будем выкручиваться. Особенно если в данный конкретный момент все не так уж плохо. Сапоги целые, смена белья, запасные портянки имеются, с харчами пока ничего, и бомбы под окнами не рвутся. Начнут рваться – окопчик выроем или в свежей воронке укроемся.

Само собой, по случаю встречи и знакомства майор позвонил в санчасть, и почти мгновенно появился старший лейтенант медслужбы с пузырьком спирта и коробкой крупных, как орех, универсальных поливитаминов зеленого цвета. Закуска приличная и общему укреплению организма способствует.

– А ты, студент, будешь? – спросил старлей, задержав пузырек над краем стакана. Как мне показалось, с неявной надеждой.

– Нет, спасибо, – поморщился Стас.

– Какой же ты, на хрен, студент? А, вы ж там эти, ботаники и филологи. Это медики с первого курса употребляют все, что горит и булькает... Ну, сиди так.

Выпили неразведенного, поговорили, как интеллигентные люди. Майор сообщил, что последние двое суток курсантские патрули, каждый численностью в отделение, при оружии и под командой офицеров не ниже капитана, постоянно выходят в город для изучения динамики текущей обстановки.

– Динамика хреновая, – вставил медик, который, как и положено, невзирая на невысокий чин, на равных общался со всеми, кроме, может, начальника училища, и знал о многом даже больше особиста.

– Чересполосица продолжает нарастать. Каждые полкилометра – другая эпоха. Уже и с царскими городскими встречаться приходилось, и какие-то ногайцы на верблюдах возле автовокзала меновую торговлю бараниной и соленой рыбой открыли. Вид – как во времена Пугачева. По-русски почти не говорят, но весьма интересуются одеждой, обувью, столярными изделиями и водкой... Причем, что особо смешно – нынешнее население куда-то попряталось, а те, что из прошлого, – наоборот, веселятся и тащат, что под руку попадется... Исторический опыт плюс навыки.

Доктор сплюнул в открытую форточку и предложил повторить.

– Хотя какие-то соображения о происходящем у вас имеются? – осторожно спросил я.

– Никаких, – отрезал майор. – Нет и быть не может по определению.

А старлей добавил:

– Идеальным объяснением было бы предположить, что над городом рассеяли гигантское облако аэрозольного ЛСД. И мы все пребываем сейчас в наркотическом кайфе и измененном сознании. Что-то похожее я у Лема читал. Но и это не сходится.

– Вы, связисты высшего класса, как я понимаю, неужели вообще ничего в эфире не ловите? У вас же всеволновые антенны должны быть, радиолокаторы, приемники длинно-, средне- и коротковолновые. Ничего?

– Абсолютно. Глухой фон по всем диапазонам. На экранах локаторов – снег. Проводная связь тоже отсутствует, даже в черте города.

– Тогда почему электричество есть? – задал я вопрос, который занимал меня с того момента, как увидел горящие плафоны в подвале музея.

– Вы – проницательный человек, – уже слегка нетрезвым голосом ответил майор. – Электричество действительно поступает бесперебойно. И это – удивляет. Или – настораживает...

– Или, наоборот, ободряет, – возразил медик. – До ГРЭС сорок километров, до Свистухинской ГЭС столько же, но в противоположную сторону. И ток поступает. Значит – там все в порядке? ЛЭПы уцелели, подстанции... Может, следует направить разведку строго вдоль проводов?

– Мысль, – согласился майор. – Доложу по команде.

Тут я заметил, что студент Стас делает какие-то знаки.

Встал якобы налить себе воды из крана, попутно протянул парню катастрофически пустеющую пачку сигарет.

– Что такое?

– Пойдемте, разговор есть, – прошептал Стас.

Есть, значит есть.

– Ребята, – сказал я офицерам, – нам пора. Спасибо за угощение. Я, собственно, для чего пришел? Связи, понятное дело, нет. Эфирной. Но нитку полевого телефона к нам в музей кинуть можно? На случай чего. У вас, надеюсь, сия архаика сохранилась?

– Есть, как не быть, – закивал майор. – Старое, но верное оружие. Запросто протянем. Сейчас и распоряжусь. Две нитки, два аппарата. Хватит?

– Вполне. И еще – пистолетик не подкинете, по дружбе? «Стечкин», желательно.

– А этого – мало? – спросил майор, поднимая со стола «МП». – Хорошая штука...

– Хорошая, да патронов нет. А длинный винтарь, согласитесь, не совсем то в наших обстоятельствах.

Лицо майора выразило сомнение, причем достаточно слабое исходя из смысла просьбы. Недельку бы назад зашел в дежурку незнакомый мужик и попросил того же самого...

– Парни, да если даже все восстановится, кто с вас за пистолет спросит? На фоне всего прочего, – я указал на площадь, где, по словам Вайсфельда, недавно стояло правительственное здание. – И все ваше ГУВД неизвестно куда делось. Я помню, когда в армии служил, у нас инженер полка майор Хатимович машину ломов списать ухитрился, по гораздо менее сложному поводу...

– И то верно...

Майор повозился в сейфе, достал связку ключей.

– Пошли в оружейку.

В одном из железных шкафов в фанерных ячейках стояло несколько десятков приятно отливающих синевой массивных пистолетов, ниже на полках – пластмассовые кобуры-приклады, в самом низу – пустые магазины и коробки с патронами.

– Выбирайте.

А чего здесь выбирать?

Я взял первый попавшийся, покрутил в руках, передернул затвор. Все нормально. Так же и с кобурой. Рассовал по карманам четыре обоймы, пять или шесть пачек патронов.

– А мне – можно? – умоляющим шепотом спросил Стас, жадно наблюдавший за процессом.

– Да хрен с ним, бери, – махнул рукой майор, – кто его знает, может, завтра ты меня выручишь...

Студент тут же экипировался и патронов нагреб куда больше. Тоже понятно, сам такой был...

Распрощались с офицерами самым теплым образом, пригласили тоже захаживать в гости.

Майор отнюдь не был трепачом, и следом за нами четверо курсантов тут же потянули провода, за неимением столбов цепляя их на ветки деревьев по периметру площади. Аппараты, похоже, были еще американские, ленд-лизовские, судя по футлярам из плотной коричневой кожи. Отечественные телефоны, как помнится, всегда выпускались в простых деревянных коробках.

На полпути до музея мы со Стасом присели на удобно-плоский валун ракушечника. Было не жарко, небо подернули тонкие белесые облака, однако ветерок с юго-востока тянул теплый. Нормальный для юга октябрьский денек.

Парень автоматически поглаживал коробку доставшегося ему пистолета. Ясно было, что при любом развитии событий он его никому не отдаст.

– Так что ты мне хотел сказать? Давай.

– Вы, Андрей Дмитриевич, разведчик? Из Москвы или откуда?

– С чего вдруг взял? Я на полном серьезе попал к вам совершенно случайно. В рамках текущего процесса. А что, иное впечатление складывается?

– Безусловно, складывается. Я что, книжек не читал? И Юлиана Семенова, и Ле Карре, и Алистера Маклина.

Внезапно парень задумался.

– А с другой стороны, будь вы разведчиком, вы бы себя иначе вели. Не подставлялись бы так открыто. Понимаю, способы маскировки бывают разными, но ваши... Перед нашей непрофессиональной командой они совершенно излишни.

– Слушай, Стас, что ты не дурак, я сразу догадался. И отец у тебя хорошие книжки собирает, и ты истории, а не бухгалтерскому учету обучаешься. Теперь давай откровенно и нараспашку: что знаешь и что от меня хочешь.

– Скажите, а когда вы к нам попали, вас ничего не удивило?

Я задумался. Удивило, конечно, многое. Но кое-какие моменты следует сразу отсеять. Другие тоже интересны, но к вопросу студента отношения не имеют. Например, оказался я здесь поздним утром, если не ошибаюсь, а сейчас солнце и за полдень не перевалило, хотя по внутреннему ощущению и по общему раскладу прошло никак не меньше десяти-двенадцати часов. Будем считать – это из другой оперы. А о чем Стас мог всерьез спросить?

– Интересно умеешь вопросы ставить. Далеко пойдешь. Ну а я попаду или нет? Для чего ваш директор в третьем ярусе подвала свой кабинет устроил, когда наверху не в пример комфортнее? Сокровища свои сторожит? Или на самом деле штурма с применением артиллерии боится? Так зачем и кто его будет штурмовать? Может, есть повод? Может, у вас тут бриллианты ведрами хранятся?

Студент не стал больше просить заграничной сигареты, вытащил из нагрудного кармана мятую пачку «Астры».

– Вы там, в Москве, может, не знаете, а у нас здесь с куревом совсем плохо. По студенческому билету в спецмагазине пять пачек в месяц продают. По госцене. А на базаре та же «Прима» или кубинский горлодер без фильтра – вдесятеро. Хотите?

– Ну дай, молодость вспомню.

Сделали по три затяжки. Молча.

Стас явно годился на роль надежного помощника. Умный, соображающий, когда сказать, когда воздержаться.

– Вы правильно угадали, Андрей Дмитриевич. Сидит директор, как Гитлер в своем бункере. А почему? Думаете, за фонды опасается? Нет, у него там штука одна спрятана и, сдаётся мне, со всем творящимся как-то связана. Он человек очень не простой. Вы книжку про реббе Лева и его Голема читали? Так знаете, очень похоже.

– Фильм смотрел когда-то. По книжке снятый, «Пекарь императора» назывался. Кстати, точно подметил, ваш босс на того реббе чем-то смахивает, хотя и немец. Считаешь, он в своих подвалах черной магией занимается и всю эту заварушку со временем сам учинил?

– Есть такая мысль. Только вряд ли черная магия. Здесь с техникой связано. Я почти уверен, что в каморке за последним нижним залом не просто резервный дизельгенератор стоит. Там похитрее что-то.

– Ты сам видел? Или говорил кто?

Стас замялся.

Ну, понятно, студенты народ любопытный, а тут старинные подвалы, лабиринты, оружие и все такое. Куда до них Пандоре и жене Синей Бороды.

– Чего, гвоздем замок ковырял?

– Да нет, зачем, случайно получилось. Солидная, я вам скажу, аппаратура. Много чего наворочено. Жаль, я не физик...

– Надо бы взглянуть, – без излишней ажиотации сказал я. – Сводишь. А теперь так – колодки от пистолетов и лишние патроны спрячем здесь, потом заберешь. Пушки – под ремень. По паре обойм в карманы, и пока хватит. Незачем внимание привлекать. С чем ушли, с тем и пришли. Я автомат Светлане верну, и вроде снова безоружный. Уловил ход мысли?

– Вполне, – глаза у парня загорелись. Мало ему всего уже случившегося, на новые приключения потянуло.

Момент подобраться к интересующему объекту представился ближе к вечеру, который все-таки начал опускаться на город. На окраинах изредка постреливали и из гладкоствольного, и из нарезного. Где-то что-то горело, но не сильно. Может, дачи.

Мы со Стасом спустились к гнезду (или логову) Вайсфельда под предлогом посмотреть, какой еще из пулеметов можно привести в рабочее состояние. По слухам, мол, из военных кругов, в окрестностях появились конные группы вооруженных людей, и выглядят они совершенно как бойцы отрядов Шкуро, оперировавшего здесь в восемнадцатом году и двадцатом. Неплохо бы усилить фланговую оборону. Один «Максим» хорошо, а три лучше.

Негромко позвякивая металлом, мы заканчивали сборку (исправный пулемет в любом случае пригодится), а Герман Артурович со Светланой беседовали в выгородке о чем-то своем, шурша бумагами. «МП» при этом архивистка держала под рукой.

Интересно – вроде бы я вошел в полное доверие, и автомат она мне передавала, а сейчас, будто невзначай, ствол повернут в нашу сторону.

Магия места, может быть? Кто бы тут ни находился, вблизи от заветной комнаты, должен быть под контролем? Карабин студенту с собой деликатно взять не разрешили «постоянные сотрудники», дескать, оставь ты его здесь, чего за перила прикладом цепляться, еще выстрелит невзначай. Пулеметы здесь, а патроны-то наверху, то есть непредвиденные случайности исключены, а что другого оружия у нас нет, как будто само собой подразумевается.

Невоенные люди, даже весьма хитрые и предусмотрительные, вообще чрезмерно склонны полагаться на опасные железки, попавшие им в руки. Мол, если у меня автомат – я царь и бог в зоне действительного огня.

На самом же деле все не совсем так, а часто – совсем не так.

Я поставил на место крышку ствольной коробки. Подвигал тело пулемета в горизонтальной и вертикальной плоскостях: ходит нормально, нигде не заедает.

– Все, Герман Артурович, можно пользоваться. Больше ничего из вашего арсенала в строй ввести не могу – или запчастей не хватает, или калибры не те. Я бы, конечно, и пушечку с удовольствием наверх поднял, так ваши предшественники в свое время боезапасом не озаботились. Хоть один зарядный ящик шрапнели, и пусть есаул Шкуро подходит...

– Спасибо, Андрей Дмитриевич. Забирайте пулемет и несите наверх, а мы со Светланой еще немного поработаем.

– Восхищаюсь! Что значит ученые. За бортом черт знает что творится, а вы работаете. Неужто над древними рукописями? А что у вас там, за стеночкой, не поделитесь информацией? Может, машина времени? – бросил я неожиданно, вставая. Упер кулаки в бока, глядя на Вайсфельда открытым и слегка даже наивным взглядом. – Покажите, я никому больше не скажу, честное слово.

Светлана вскинула автомат, поразительно ловко вздернула затвор левой рукой и нажала спуск.

В тишине подвала звонко лязгнуло, хлопнул капсюль, и ничего больше.

Второй раз повторить попытку ей не пришлось. Реакция и сила сорокалетней женщины и спортивного мужика с боевой подготовкой несопоставимы.

– Садитесь, и вы тоже, Герман Артурович. Фокус рискованный, согласен, но оружие, которым решил пользоваться, нужно знать во всех деталях. Этот автомат стреляет с открытого затвора, следовательно, при закрытом в патроннике пусто. И если верхний патрон в магазине порченный, без пороха, как в нашем случае, то выйдет ровно то, что вышло. На всякий случай, второй я тоже обезвредил. Избавил вас, Светлана, от греха на душе. Уж больно вы нервная. Ну зачем же сразу – и так?

Женщина махнула рукой и отвернулась.

Я протянул «МП» Стасу.

– Приведи в боеготовность.

– А мы, может, поговорим без нервов? – предложил директору. – Я вам ничего плохого делать не собираюсь. И если есть еще пистолет или наган в ящике стола, хвататься за него не советую: живой я вам очень могу пригодиться, а вред? Какой с меня может быть вред на фоне всего окружающего? Это ваших рук дело, не так ли?

Вайсфельд сохранял самообладание с большим трудом. Хотя, казалось, к чему эмоции в такие годы? Китайцы называют восемьдесят – «возрастом начинающейся мудрости».

– Откуда... вы знаете?

– Да ничего я не знаю. Исключительно полет фантазии, как у Шерлока Холмса и патера Брауна. Посмотрел, подумал, сопоставил. Я с подобными штуками уже сталкивался, сам, можно сказать, джеклондоновский «Странник по звездам». Ну, ведите в закрома. Я пообещал – здесь никому ничего не скажу...

– Хорошо. Мальчик пусть останется здесь, и Светлана. Пойдемте.

Вайсфельд шел удивительно твердым шагом. Не испугался, и не поразила его перемежающаяся хромота на нервной почве. Со стариками бывает.

У двери, запертой на массивный, позапрошлого века внутренний замок, обернулся.

– Вас за этим прислали? Это – ваша вещь?

– Повторяю: я не понимаю, о чем вы говорите. Меня никто не присылал, я понятия не имею, в чем здесь дело. Я только спросил – что у вас там, за дверью?

Директор пожал плечами с таким видом, будто ему все наконец-то надоело, и готов он отказаться от должности, передав свои функции тому, кто поумнее и помоложе.

Однако такие старички могут быть опасны. Вдруг у него на полочке за дверью все-таки лежит пистолет или баллончик с газом?

Но нет, никаких резких движений Вайсфельд не совершал. Распахнул дверь, сделал полшага вбок и указал на занимающее полкомнаты устройство.

– Прошу. Смотрите, изучайте, забирайте, если имеете санкцию. Мне это совсем не нужно.

Половину довольно большой комнаты занимало нечто вроде длинноволновой корабельной радиостанции, которую я видел на музейном ледоколе «Ермак» в ленинградском порту.

Гетинаксовые платы толщиной в хорошую доску, стеклянные радиолампы величиной в пол-литровую бутылку и больше, триоды и пентоды в алюминиевых футлярах, путаница без всякой видимой системы спаянных конденсаторов и сопротивлений, реостаты, умформеры, естественно. В школьные годы я еще успел застать именно этот уровень радиотехники.

На стенах распределительные щиты, коммутационные шкафы, амперметры и вольтметры.

Что-то там гудело, мерцало и моментами вспыхивало. Наверное, искры разрядов между сетками ламп. Ничего общего на вид это устройство с машиной СПВ Левашова не имело, но, кажется, исполняло похожую функцию.

– И что это за чудо? Помесь радиолокационной станции наведения с колхозной сноповязалкой? Вам не приходило в голову пригласить для консультации ребят с той стороны площади? Или вы сами вполне справляетесь?

– Ильфа с Петровым цитировать не надо. Старо это. Давайте я лучше расскажу, как все было, а потом подумаем.

Эту комнату мы обнаружили лет пятнадцать назад. Тогда нам выделили деньги на капитальный ремонт и реконструкцию здания. Очень долго в левом крыле размещалась городская библиотека, а потом ей выстроили собственное помещение, а это передали нам.

Ну, естественно, потребовалась перепланировка и все такое. В ходе работ под штукатуркой обнаружилась заколоченная дверь, за ней вот эта комната и оборудование. Судя по количеству пыли и другим признакам, оно пробыло здесь не один десяток лет. Разумеется, я тут же вообразил, что это действительно нечто вроде старинной радиостанции. Может быть, перед войной или уже в войну здесь устроили секретный узел связи, или НКВД вел прослушивание телефонных или радиопереговоров. Ну и в этом роде. Не зря же тогда существовало устойчивое мнение, что «органы» знают все. По телефону люди боялись говорить, радиолюбителей пеленговали после первого же выхода в эфир.

Этот пост тем же целям мог служить. А потом у *них* что-то произошло. Когда в город немцы входили, такая паника и бардак были, что взорвать не успели. Или не захотели, в предвидении будущего возвращения заперли дверь и штукатуркой наскоро заляпали. А с войны никто из тех, кто был в курсе, не вернулся. Очень вероятно.

Могло и иначе случиться: еще до войны станцию из обращения вывели. Знаете, какие тогда были времена, секретность, сверхсекретность и бдительность на уровне паранойи. Все ведомства таились друг от друга, а с тридцать седьмого и до смерти Сталина люди любого ранга, бывало, исчезали так быстро, что не успевали «передавать дела», и многие тайны уходили вместе с ними.

Я историк, много подобных случаев знаю. Вот, к примеру, в Кремле не слишком давно обнаружили в подвале запертый сейф, принадлежавший самому Свердлову. Кто его туда вынес, почему не вскрыли предварительно, каким образом забыли – теперь не узнаешь. Провалился он, никому не нужный, больше полувека (!), а когда все-таки открыли – обнаружили прелюбопытнейшие вещи. Золото, валюта, несколько паспортов на разные фамилии и тому подобное.

Значит, где-то во второй половине восемнадцатого года он, явно не рассчитывая, что Советская власть удержится, собирался бежать. (Уже умирая от туберкулеза, про себя добавил я.)

И подобных загадок в нашей истории масса. Но я отвлекся. Вы знаете, я человек очень осторожный и предусмотрительный, жизнь научила. Никаким властям об этом открытии рассказывать не стал, мало ли что. Меня же и привлекут, или снова у музея все крыло отберут обратно для государственных надобностей.

Я в городе, как уже говорил, всех знаю. Пригласил одного надежного специалиста, он тут возился, возился и объявил, что к радио и телефонии сие явление отношения не имеет. И вообще никаких проводных или антенных выводов от приборов не обнаружено. Только электрокабель подведен и по-прежнему в полном порядке, подает неизвестно откуда триста восемьдесят вольт напряжения. Помимо счетчиков музей ни разу за лишнюю энергию не платил.

Загадочное, короче, устройство.

Чтобы не занимать больше ваше внимание, скажу только, что единственный полезный эффект, который удалось обнаружить, – это возможность реставрировать экспонаты. Любой предмет, помещенный между вот этими решетками, при определенных режимах напряжения и силы тока начинает восстанавливаться. В каком бы он ни был состоянии, хоть ржавый обломок древнего меча, хоть полностью почерневшая икона, за достаточно короткое время возвращается в исходное состояние. Каким он был в момент изготовления.

– Машина времени с задним ходом? А если продолжить? За этот момент? Изделие исчезнет?

– Отнюдь. Восстановилось – и все. Потом вновь начинается естественное старение. У железа – одно, у биоткани – другое. Что особенно полезно для реставраторов, процесс можно остановить на любой стадии. Зачем нам абсолютные новodelы? Вещь должна иметь приличный для экспозиции или изучения вид, но оставаться достаточно старой...

– Действительно. Чудо какое-то. Это ж не только мечта антиквара, это вообще... Беспроblemный ремонт чего угодно... Переворот в мировой экономике.

– И ее же гибель в обозримом будущем. Или как минимум коллапс. Жесточайший всемирный кризис перепроизводства, массовая безработица и так далее... Мы с моими друзьями очень долго размышляли и рассуждали и в конце концов решили все сохранить в строжайшей тайне.

«Ну да, – мысленно согласился я. – Почти то же самое, что дубликатор. Мы и сами ни на миг не вообразили, что следует явить его прогрессивному человечеству для скорейшего построения коммунизма путем достижения всеобщего изобилия. Но ноги тут, похоже, растут из одного и того же места. В смысле, что у дубликатора, что у этой «штуки».

– И как же вы машиной и не попользовались? В реальных целях? Потрясающая выдержка и стоицизм.

– Иногда пользовались. Но нечасто и исключительно в научном смысле. Та же Светлана Петровна много ценных, но безнадежно поврежденных документов ввела в оборот. Экспонаты некоторые привели в подходящее для экспозиций состояние. На этом – все. Но о сути этой работы и самом факте существования устройства знают, вернее, теперь уже знали (увы, годы неумолимы) лишь несколько человек, и никто не проболтался.

– Умеете вы друзей подбирать, – совершенно искренне сказал я. – И, судя по всему, в целях личного обогащения вы аппарат тоже не использовали...

Вайсфельд возмущенно взмахнул рукой.

Да, именно тот типаж, интеллигент-бессребреник.

– Но последнее время случилось нечто неожиданное и непредвиденное, так?

– Именно так. И, может быть, это связано с вашим здесь появлением? – вдруг наставил на меня палец Вайсфельд.

– Или – наоборот. А все же, что произошло-то?

– Неделю назад аппарат включился сам собой, чего раньше никогда не бывало, и заработал в абсолютно другом, незнакомом мне режиме. А обратиться за помощью было уже не к кому. Я умел только включать и выключать систему для «реставрации». А тут началось нечто совсем другое и непонятное. Все гудело, мигало, вспыхивало, вот как сейчас, даже главный рубильник не сработал, хотя я попытался отключить питание...

Вайсфельд указал на мраморный щиток с очень старомодным, массивным медным рубильником, снабженным эбонитовой ручкой, пристойной старому мечу.

– Последним выходом было бы просто перебить силовую кабель, но я, знаете ли, не рискнул.

– Почему?

– Страшно стало, – честно ответил директор. – Самым примитивным образом. Только подумал об этом, как меня охватил страх такой силы, что ни ногой шагнуть, ни руку поднять.

– А то, что случилось там, – я показал пальцем в потолок, – вы связываете именно с включением аппарата?

– Да как же не связывать? Все изменения и парадоксы в городе происходили и происходят в прямом соответствии с тем, как ведут себя стрелки и указатели...

Он показал рукой, и я увидел, что некоторые приборы, внешне похожие на электроизмерительные, но с другими, непонятными символами на циферблатах, круглых и дугообразных, действительно ведут себя как компасы в магнитную бурю или тахометры непрерывно переключаемых с режима на режим сумасшедшим механиком турбин.

– Систему с непривычки заметить трудно, но я за пятнадцать лет кое-как начал в этом разбираться. Вот эта, например, стрелка при работе с предметом весом в килограмм, перемещаемым ко времени своего создания на триста, к примеру лет, отклоняется едва ли на пару микроделений, а сейчас ее зашкаливает, ограничитель едва не гнется. А это может значить что? Я думаю, или деформация по времени на тысячи лет, или по массе на сотни тысяч тонн. Что, в общем, и соответствует наличным потрясениям. Так это только один указатель, а тут их посмотрите, сколько, и все они словно взбесились...

Разобраться во всем этом мне, само собой, было не по силам. Не тот уровень подготовки.

– И что, – осенило вдруг меня, – вы, когда здесь разбирались, никаких схем, инструкций, табличек-указателей не обнаружили? Так ведь не бывает. Обязательно хоть что-то похожее должно быть. Тем более если техника старая. Мы, когда пацанами были, и немецкой трофейной техники насмотрелись, и ленд-лизовской. Станки, машины, радиоприемники, телефоны, самолеты, само собой... Да вы помните. Все было в табличках и надписях. Даже на немецком микрофоне, как сейчас помню, на тангете надпись «Друкен», то есть – «Нажми», а вокруг решетки – «Фейнд херт мит!» – «Враг подслушивает!». Я на токаря учился, на любом станке возле каждой ручки и маховичка – обязательно разъяснение, любому, хоть немножко знающему буквы, понятное. А у вас – не было?

– Было, – согласился Вайсфельд. – И таблички, и довольно толстая рукописная тетрадь со схемами. Только все – шифрованное. Точнее, не шифр, а тайный язык. Написано кириллицей, и почерк хороший, как в старых прописях, но лексика – не иначе с острова Рапа-Нуи. Ничего лучшие лингвисты за все время не поняли. Сами можете взглянуть...

Вайсфельд достал из ящика стола выглядящую должным образом, в меру замусоленную, общую тетрадь в клеенчатой обложке. Я пропустил под пальцами страницы. Действительно, совершенно нечитаемый текст, не имеющий ничего общего ни с одним из знакомых языков. И довольно много листов схем, без пояснений бессмысленных.

И тут в дверь застучали. Сильно и явно нервно.

Когда входили, директор машинально или намеренно повернул головку внутренней защелки.

– Что такое?

Светлана, не входя, крикнула:

– Тревога! Наверху – бой!

– Оставайтесь здесь, – не зная почему, почти приказал я Вайсфельду. – Мы – наверх. Разберемся – вернемся. Если нет – лучше вам все это уничтожить. Даже через страх. Гранату бы вам... Нету! Тогда натащите сюда всякого мусора и зажгите. Может, Стас, ты останешься, поможешь Герману Артуровичу?

– Нет, я с вами. А если что – вернусь, тогда и сделаем...

С крыши я увидел вполне бессмысленное в нормальной логике, но здесь уже неувидительное зрелище. С трех сторон охватывая здание музея, массами подходили верховые, действительно одетые наподобие классических махновцев или «зеленых» со степных хуторов. Черт знает какие жупаны, казакины, венгерки, бешметы и черкески облачали этот народ, горячий коней, стреляющий в воздух из винтовок, карабинов и маузеров.

Их было довольно много – сотни три-четыре.

Если сейчас открыть шквальный огонь из пулеметов, почти в упор, да курсанты с той стороны поддержат, столько можно навалить, что уцелевшие наверняка разбегутся.

Но смысл происходящего, наверное, не в этом?

– Не стрелять! – во всю силу голоса закричал я, надеясь, что услышат не только свои, но и чужие. – Не стрелять до первых прицельных в нашу сторону. Эй вы там, кто у вас главный, что нужно? Я начальник гарнизона, высылайте переговорщиков...

Уже нормальным голосом, только для адъютанта:

– Стас, беги к телефону, скажи дежурному в училище, чтоб пока ждали. А если нас все-ррез станут штурмовать, пусть бэтээры выпускают. У них там три штуки у ворот стоят. Наверняка всем хватит...

Едва я успел выдать последнюю команду, меня, как и раньше уже случалось, вышибло из этой реальности. Я снова ощутил тот самый удар ногами о землю, что предшествовал удару по затылку в музейном дворе. Всего лишь сегодняшним утром...

Глава 3

За время, может, длинное, может, невообразимо короткое, у Андрея в голове успела проявиться только одна отчетливая, законченная и сформулированная мысль: «Ну, сколько же можно? Такое однообразие! Замки, стрельба, подвалы, тайны мадридского двора. Деформации прошлого и будущего. Сталины и вожди Белого движения. А в итоге получаемся вроде девок с Казанского вокзала тех еще лет, которые за три рубля были готовы на любое применение. К ним самые неразборчивые из московских парней брезговали обращаться. Только одичавшие приезжие. Здесь – высшие существа из Высших миров, а туда же...»

И немедленно прозвучал ответ, то ли извне, то ли из недр его собственного сознания и сверхсознания: «К кому претензии? Что хочешь, то и получаешь. Мыслил бы иными категориями, сидел бы в кабинете для VIP-персон Королевской библиотеки и за стаканом виски со льдом получал бы нужную информацию от профессора Хиггинса в исполнении Рекса Харрисона¹⁰. По вашему настрою – что заказывали, то и кушайте. Кстати, могло быть и хуже. У своего друга Шульгина осведомись насчет антуража и климата в Ниневии».

Толчок ногами о брусчатку, отдавшийся снизу вверх вдоль позвоночника, легкий звон в голове, отчетливое ощущение, что в мозгах перещелкиваются какие-то контакты. И – пожалуйста.

Замок встретил его точно таким, каким он выглядел в описании Шульгиным его прошлого посещения. Осеннее небо над внутренними крепостными дворами, ограниченными высокими, мощными, увитыми плющом стенами. Прохладный бриз, завиваясь вокруг донжона, гонял по брусчатке красные листья канадских кленов. Только голоса Стража Замка он не услышал.

Подобрался, приходя в состояние alertности¹¹, огляделся. Всего в десятке шагов от него стояли, точно так же озираясь, Шульгин с Удолиным. Будто бы они очутились здесь одновременно с ним. Или, может, на несколько секунд раньше. Потому что уже обменивались мнениями, не слишком (еще) встревоженные тем, что Андрея нет.

Новиков машинально провел руками по телу от карманов рубашки до колен.

Так: дареный пистолет под ремнем присутствует, две обоймы в карманах брюк – тоже. Главное же – инструкция на неизвестном языке, которую он в момент тревоги вполне осознанно запихнул в боковой карман куртки, – она здесь.

Опять, значит, эфирное якобы тело проявило способность переносить материальные артефакты из мнимых реальностей в столь же мнимые? Или все-таки подлинные? Зачем? Для большей наглядности или с иной целью? Может быть, его и послали в музей именно за этой инструкцией, как Воронцова в сорок первый за Книгой? Туман, пока туман. Но раз его вернули сюда, значит, «там» свою роль он исполнил успешно и в ближайшее время каким-то образом все разъяснится.

Удолин, убедившись, что находится в том же месте, где и в прошлый раз, немедленно предложил Шульгину, еще даже не увидев Андрея, начать очередную экскурсию с посещения полюбившегося ему кабачка. И уже там, в комфортной обстановке, наметить план дальнейших действий.

– Можно, почему нет? – ответил Сашка. – Да, кстати, Константин Васильевич, так мне и не пришлось спросить, вы тогда свои трофеи домой доставить сумели?

¹⁰ Главный герой к/ф «Моя прекрасная леди» по пьесе Б. Шоу «Пигмалион».

¹¹ Алертность – готовность организма к решительным действиям с использованием всех физических и психических сил.

Покидая Замок, профессор (исключительно в виде эксперимента) прихватил из бара несколько бутылок самого изысканного спиртного и, кажется, пару коробок не менее дорогих сигар. После чего возвратился в Стамбул, а Шульгин перенесся в Аделаиду середины XXI века, на палубу яхты «Призрак».

– Как же, как же, Александр Иванович, и был немало этим удивлен. Я до последнего считал, что мы таки оперируем в сфере чистого разума, а тут столь грубое и зримое подтверждение материалистической ереси...

И только сейчас обратили внимание, что и Андрей, приземлившийся несколько дальше, подходит к ним, машинально отряхивая с брюк музейную пыль.

А он, отстав от друзей на несколько квантов «реального» времени и обогнав почти на сутки «внутреннее», схватил еще и некоторую дозу «сетевого наркотика». Наверняка ему успели внедрить в мозги пакет пока что свернутой информации или, по крайней мере, направили ход мыслей и интуиции по какому-то иному пути. Явно ждут, что теперь думать и действовать он будет не совсем так, как если бы не было этого странного по замыслу и исполнению эпизода.

Пропущенный через эфирную «таможню» килограмм боевого железа должен его убедить в чем? Что тот мир такой же подлинный, как и все предыдущие? А для чего «им» это надо, если «они» знают, что он знает, какова цена таких «доказательств»? И все-таки...

Психологическая подготовка? К чему?

Но друзьям он пока ничего говорить не будет. До поры...

– В чем же ересь, Константин Васильевич? – скупое усмехнулся Новиков, услышав слова профессора. Шульгин сразу обратил внимание на эту интонацию и странную задумчивость или, может, сосредоточенность Андрея. Словно бы он за проведенную в Замке минуту успел уже что-то услышать, узнать или как раз в эти мгновения продолжает вслушиваться во «внутренний голос».

– В том, что нельзя смешивать идеальное и материальное. Сам исходный постулат материализма абсурден. Что первично, разум или материя? Это же совершенно разные вещи. Что больше, литр или километр?

– Однако из учебного полета воображения вы привезли совершенно материальные артефакты. И выпили, надеюсь?

– Само собой! Качество соответствовало этикеткам.

– И что же мы имеем на выходе?

– Что нас постоянно окружают те же самые Ловушки Сознания, только куда более изощренные. Они не только подстерегают нас здесь, чтобы схарчить на месте, а вцепляются и следуют за нами. Как клещи. Откуда я знаю, может быть, она отцепилась и исчезла, только когда я выпил все внушенное и протрезвел, а в памяти у меня осталось впечатление, что все было на самом деле...

– Субъективный идеализм в его крайнем проявлении, – поставил диагноз Новиков. В свое время он прошел в аспирантуре курс «Критика современных буржуазных философских теорий». Дискуссия тут была бесполезна.

– В кабачок мы пока не пойдем, а направимся прямым ходом в кабинет Антона. А уже потом, возможно, заглянем и туда. Сравним восприятие одного и того же продукта представителями школ Платона и Демокрита.

Кабинет Антона показался Шульгину не совсем похожим на тот, в котором он побывал в последний раз: почти пустой и аскетически обставленный. Что Александр тогда увидел – стол, несколько жестких стульев, терминал компьютера неблизких человеку эргономических решений. Предельный вариант функциональности – зайди, сделай свое дело и уходи.

А сейчас, как в «золотой век» их с Антоном дружбы, помещение представляло собой нечто пышно-роскошное, подобающее резиденции высокого чина древней, слегка погрязшей в гедонизме цивилизации, чем-то похожей на Китай эпохи Цин, или Мин, черт их там разберет. Стол и компьютер на том же месте, а вокруг – какие-то резные табуреточки, пуфики, шкафчики-бюро, на стенах писанные по шелку цветной тушью полуабстрактные пейзажи и так далее. Сильно пахнет курительными палочками. Сандал, кажется.

– А нас тут ждали, Андрей, – сказал Шульгин.

– Похоже на то, – согласился Новиков. – Давай свой очередной тест, успеют наши хозяева среагировать или нет?

– Какой? – не сразу понял Сашка, но тут же и догадался. Есть такие вещи, совсем вроде со стороны незаметные *реперы*, которые позволяют знающему человеку соотнести реальность подлинную с наведенной галлюцинацией.

Конечно, если контроль за твоим сознанием совсем уже всеобъемлющий и некая машина, или «сущность», специально на протяжении многих лет только и занимается, что отслеживает каждую твою мысль и душевное движение, никуда ты не денешься. Нет даже смысла дергаться, сиди в камере психушки и пускай слюни. Но пока ты в это не веришь...

Он выдвинул левый верхний ящик стола. Точно. Большая деревянная коробка сигар «Ля корона». Отнюдь не шикарный, на эстетов рассчитанный «хьюмидор», палисандровый ящик с термометром и гигрометром, не пачка высушенного и выдохшегося «Беломора», а именно то, что и должно было здесь находиться в рамках исходного сценария: точнее – то, что здесь лежало тогда, когда они считали мир Замка подлинным.

Две сигары выкурили еще до эвакуации на «Валгаллу», третью Шульгин использовал при прошлом посещении, остальные были на месте. Какой-никакой, а знак. Того, что территория по-прежнему контролируется *нашими* силами, и что Замок *помнит* все предыдущее.

– Ладно, принимается, – громко сказал Новиков, долго водил кончиком сигары над пламенем специальной зажигалки, пару раз пыхнул сизо-серым дымом, подошел к окну. За его стеклами далеко внизу плескал в берег не слишком бурными, длинными и пологими волнами вечный океан.

Пора, наверное, попробовать принять управление процессом на себя. Слишком долго он устранился от всего, полностью доверив этот непонятный мир Сашкиному попечению. Думал, что и сам отдохнет и заодно позволит высшим силам забыть о себе. Оказывается, не получилось.

Присел на край подоконника, сосредоточился определенным образом, как полагалось для создания нужной мыслеформы, и начал «вызывать» Антона именно в таком виде и качестве, как при их последней встрече. Со стороны это, возможно, выглядело странно, но Шульгин и Удолин воспринимали происходящее так, как и полагается «посвященным».

Чем-то это напоминало камлание шамана, разве что Андрей не подпрыгивал, не бил в бубен и не выкрикивал магические словосочетания. А в остальном – то же самое. В общем – игра на железной флейте без дырочек.

И Антон появился. По собственному желанию, отозвавшись на брошенный в никуда призыв, или выдернутый из небытия более сильной волей, чем та, что его туда отправила.

Выглядел он вполне прилично, не менее живым, чем раньше, только Новикову показалось, что материальной плотности в нем как-то не хватает. Чуть-чуть, а недотягивает форзейль до того упругого, загорелого, крепкого мужика, каким он явился им впервые. А может, и вправду постарел, вращаясь в своих дипломатических кругах пресловутых «Ста миров», посещение которых он им неоднократно обещал, да так и не сподобился сдержать слово. Или, наконец, у них в метрополии просто не принято носить слишком мускулистые тела. Воздушность там сейчас в моде.

Возник старый дружок ниоткуда, одетый в нечто вроде белой флотской формы, но без погон и нашивок, улыбнулся знакомой располагающей улыбкой, только вот руки не протянул. Присел на том же подоконнике напротив, оперся спиной о стену.

Фокус происходящего был в том, что присутствие Шульгина и Удолина он явным образом игнорировал. Не поздоровался, вообще ни малейшего внимания на них не обратил. Что интересно, они на него – тоже.

Понаблюдали за действиями Андрея, а потом, словно утратив к его затее интерес, приступили к доступными здесь развлечениям. Профессор с любопытством трогал пальцами мелкие детали моделей военных кораблей, стоявших на специальных подставках, разглядывал картины на стенах, проверял содержимое ящиков письменного стола. Александр бегло пролистывал какие-то толстые книги, снимая их с полок. При этом они с Удолиным обменивались ничего не значащими фразами и время от времени отвлекались на дегустацию содержимого бара, оформленного под старинный глобус.

Блок, что ли, особый поставил Антон при появлении, незримую ширму поперек кабинета?

– Поздравляю, командир. У тебя совсем хорошо стало все получаться. Уроки даром не прошли...

Глава 4

Из записок Андрея Новикова.

«Ретроспективы»

Надо, наверное, вкратце зафиксировать для будущих поколений суть протоколно-застольной беседы «братьев», состоявшейся буквально только что, пока она свежа в памяти. Стенограмм за нами никто не вел, а по себе знаю, уже через неделю начинаешь напоминать человеку его собственные слова, а он делает квадратные глаза: «Да ты что! Я? Такое говорил? Да никогда в жизни!» Причины разные. Один просто забыл, а другой успел пересмотреть собственные позиции и не желает, чтобы ему тыкали в лицо прошлыми заблуждениями.

Итак.

Между закусками и первым горячим блюдом Сашка взял слово и широкими мазками изобразил общую картину *международного положения* Братства с момента выхода из *Большой Игры*, которое он обозначил как вполне благоприятное, позволившее каждому из уважаемых членов Собрания осуществлять собственную творческую деятельность и личную жизнь. Таковым оно могло бы оставаться неограниченно долго, особенно в свете того, что мы избавились от утомительного и отнимавшего много сил и времени противостояния с Держателями и их приспешниками.

Продолжая, он доходчиво изложил ход событий, последовавших после небывалого в новейшей истории *потрясения основ*, то есть необъяснимого и невозможного в рамках принятой нами парадигмы возникновения совершенно новой реальности, никак из уже известных не вытекающей...

– Или проявления... – вставил с места Левашов.

– Да, или проявления, потому что присутствующий здесь господин полковник существует гораздо дольше, чем его родная реальность...

Все, будто в первый раз видят, посмотрели на представленного в начале застолья Вадима Ляхова, и ему пришлось, будто японцу, сидя поклониться.

Затем Шульгин рассказал, каким именно образом он наблюдал *новообразование*, какие экстренные меры принял без санкции сообщества и почему счел себя обязанным это сделать.

– Знаете, братцы, долго размышляя над итогами моего, может быть, и неразумного проникновения в астрал, я пришел к выводу...

– А почему на прошлом собрании ты никому ничего не сказал? – первой нарушила негласную договоренность за столом не курить, подожгла сигарету и несколько раз подряд затянулась Лариса. – Опять сталинские методы, что ли?

– На прошлом собрании говорить было просто нечего, – с великолепным самообладаниемотреагировал на очередной выпад Шульгин. – Кроме самого факта возмущения континума, я сам ничего не знал – так вот: я пришел к выводу, что мы впервые в жизни наблюдаем *Ловушку Сознания* во всей ее грозной красе. Последний раз побывав в Замке с Удолиным, я едва-едва избежал ее благосклонного внимания. Равно как и наш друг и коллега Игорь, в полной мере насладившийся предоставленными *Ловушкой* вариантами собственной биографии, но тоже нашедший в себе силы вернуться...

Судя по выражению лица Ростюкина, ему этот намек удовольствия не доставил.

– А сейчас здесь присутствует еще один наш новый товарищ, которому судьба предоставила возможность внутри *Ловушки* родиться, вырасти, достичь значительных постов...

Он указал на Ляхова широким адвокатским жестом.

Последовало всеобщее смятение.

Тот, само собой, не понял, о чем речь.

– Наш молодой коллега, – продолжал Шульгин, в натуре, что ли, вообразив себя Плевако¹², – действительно уроженец псевдореальности, созданной, как мы сумели догадаться, с единственной целью: в корне отсечь возможность нормального существования находящейся под нашим протекторатом реальности 2056, а тем самым загнать в тупик и Главную историческую последовательность путем ее короткого замыкания на реальность господина Ляхова.

Подумав, проанализировав, а точнее сказать, помедитировав в нижнем уровне *астрала*, я пришел к выводу – с *Ловушкой* нужно бороться ее же оружием. Конечно, придется рискнуть. Но если мы войдем в *Сеть* сразу втроем – я, Андрей и Удолин, – должны справиться.

Черт возьми, если мы действительно *кандидаты в Хранители*, что нам стоит заставить *Ловушку* работать на нас? Я даже знаю, кажется, какую феньку ей надо подбросить, чтобы пятьдесят шестой обрел окончательную стабильность. Наш же «удвоенный» Вадим Петрович постоянно будет отслеживать и корректировать процесс изнутри. Приняв на себя, условно говоря, роли Антона и Сильвии одновременно.

Все заулыбались, очевидно, план понравился. Сулящий не только спасение, но и много новой, интересной и увлекательной работы. А то ведь действительно последнее время слишком многие члены нашего Братства жили как бы по инерции.

– А тебя не тревожит, что наша с Антоном деятельность привела... не к самым утешительным результатам? – не в виде протеста, а скорее в шутку спросила Сильвия.

Шульгин тем не менее ответил серьезно.

– Абсолютно не тревожит. Прежде всего, вы постоянно работали враздрай, не столько настоящее дело делали, как другому ходы забивали. Доминошники хреновы! Опять же, конкретная и конечная цели не было ни у тебя, ни у него. А здесь все наоборот. Вон Дмитрий скажет – есть карты, компас, известна точка randevu. Очень сложно дойти?

– Бывает, что и сложно. Однако я обычно доходил... Только хотелось бы знать, где гарантия, что миры как состыковались, так и расстыкуются, и что при этом будет со всеми нами?

– Гарантия есть, – выбросил Шульгин на стол последний козырь. – Наши новые друзья отыскивали стационарный переход из своего мира прямо вот сюда, – он указал в окно на тот отрог хребта, где между камнями скрывалось устье пещеры. – Завтра пойдем его исследовать и снимать характеристики.

– Только давайте решим еще один, организационный вопрос, – предложил я. – Думаю, никто не будет возражать против предложения принять наших новых друзей кандидатами в члены Братства?

Ответом было всеобщее одобрение, частично словесное, частично выразившееся в обращенных к неопитам улыбках и дружелюбных кивках, а от рядом сидевшего Росточкина Ляхов получил даже крепкое рукопожатие.

И Вадим *второй*, не скрывая радости, сделал значительное лицо. Это ведь две большие разницы – агент на зарплате или полноправный член могущественной организации, повелевающей мирами.

А Ляхов вдруг сказал:

– А если я не хочу? Вы можете делать все, что вам угодно, как угодно объяснять, но я в этом участвовать не хочу. Ни в каком качестве.

¹² Плевако Ф.Н. (1842—1909) – знаменитый русский адвокат, прославившийся своим красноречием и умением выигрывать процессы на чисто эмоциональных доводах.

И еще до того, как последовала наша реакция – *старших* членов Братства, – его нежно взяла под локоть сидевшая рядом Лариса:

– Юноша, кто же вас спрашивает?..

//О том, как Шульгин разыскал и перетянул на нашу сторону единственного пришельца из псевдореальности 2005 Вадима Ляхова, я напишу отдельно//.

Итак... еще когда мы вдвоем с Сашкой обсуждали заявленную им проблему чисто приватно и эмпирически, с позиций обыкновенного здравого смысла, включающего, естественно, все предыдущие наши знания и опыт в этом вопросе, я сам для себя уже создал некий план предварительных боевых действий.

(Сашка ведь о чем говорил? Ловушка есть абсолютно самостоятельное явление, живущее по своей собственной программе, запущенное в Сеть еще при ее создании. Значит, по отношению к Сети в некотором смысле она первична. Аналог – мысль, возникшая раньше породившего ее мозга. Ловушка никому не подвластна. Попытка проникнуть внутрь смертельно опасна, грозит быстрым и полным развоплощением. Снаружи на нее воздействовать тоже якобы невозможно, поскольку она не принадлежит ни к какой реальности. Казалось бы – тупик. Но если уйти от дуалистической логики, то возникает то самое, исключенное Кантом «третье» решение. Разыскать в ней самой некоего «бактериофага» и активизировать. Пусть выедает ее изнутри. Еще проще – подкинуть ей нерешаемую в заданных параметрах задачу. Замкнуть контуры накоротко. И понаблюдать...)

Моя разработка в развитие его идеи, как мне кажется, получилась вполне разумной. Не стратегический план войны в целом, ведущий к обязательной победе и безоговорочной капитуляции противника, а всего лишь схема подготовительных мероприятий, скрытой мобилизации и, на крайний случай – приграничного сражения.

Прежде всего – оценить полученные разведданные на предмет их достоверности. При необходимости – совершить командирскую рекогносцировку на театре предстоящих военных действий. В нашем случае – рискнуть, несмотря на все предостережения, все-таки выйти в Сеть и своими глазами увидеть, как оно там выглядит.

После этого – тоже если получится, восстановить связь с кем-либо из Игроков, или пресловутым Антоном, за которым (я на девяносто процентов уверен) какая-то роль в нашем многосерийном спектакле по-прежнему сохраняется.

Если же он выпал из «номенклатурного списка» Держателей, не работает больше их резонером и транслятором, в своем собственном качестве Тайного посла, Брата-советника или, чем черт не шутит, Директора департамента, все равно должен сохранить хоть остаток былых чувств к Земле и своим верным самураям, превратившимся в ронинов.¹³

Мой родной отец, к примеру, достигнув высоких партийно-государственных постов, до конца дней не забывал о своей первой профессии сапожника и любил в свободное время подбивать подметки и ставить набойки на обувь всему семейству.

И лишь после этих *обеспечивающих* действий нам потребуется (или нет) задуматься о чисто практических действиях по поддержанию статус-кво или решительному его изменению.

Я поднялся из ситуационного поста на левое крыло ходового мостика. Отсюда хорошо наблюдать за рейдом и нашим маленьким Замком, безусловно, не дотягивающим до того, настоящего, Антоновского, на восточном побережье Америки.

Сашка однажды высказал идею: а не попытаться ли переместить его сюда? Не намного более безумную, чем все уже происшедшее. Способ такой наверняка был, если исходить из

¹³ Ронин – самурай, потерявший сюзерена и превратившийся в аналог европейского «странствующего рыцаря», но без его романтически-возвышенного статуса. Почти бродяга, вооруженный, но лишенный смысла существования.

гипотезы о нашем относительном всемогуществе. Но мы давным-давно сами себе установили внутренние тормоза, не позволяющие делать кое-какие вещи, если даже они для нас технически возможны. Чтобы не «расчеловечиться» слишком быстро.

А с другой стороны – смешно. Переиграть какую-нибудь войну мы беремся, а перебросить всего-навсего архитектурное сооружение на другой конец Земли – опасаемся. Да, наверное, не в этом дело, не в сотне тысяч кубометров камня, сложенного в определенном порядке, а в том, что Замок – это не только строение. Это – целый мир, невыразимо чуждый для нас, да вдобавок, вероятно, и разумный, что совсем другое дело. Ну, как поселить в своей городской квартире взрослого медведя, а то и вообще старика Хоттабыча, только не такого глуповато-доброего, как у Лагина, а – настоящего джинна.

А погода была хороша. Для того чтобы прогуливаться по палубам парохода, любоваться смутно рисующимися на фоне темного неба еще более темными контурами гор, слушать плеск волн о борта и пирс, бездумно разглядывать звезды на небе и их отражение в воде. Смотреть на огоньки домов поселка, в которых непричастные к заботам о судьбах мира люди пользуются всеми благами комфорта на таком далеком краю земли, что остальные ее обитатели о них даже и не вспоминают.

Нет, ну скажите, проживая в послевоенном ремарковском Берлине, советской Москве, пусть даже в благополучном, но поглощенном своими собственными и не такими уж простыми проблемами Нью-Йорке, стали бы вы задумываться о каком-то там острове, волею древних геологических процессов возникшем черт знает где, между Антарктидой и Австралией? Совершенно как Гоголь писал – отсюда хоть три года скачи – никуда не доскачешь. Ну, скачи, плыви – невелика разница. А вот о том, что климат здесь, неизвестно зачем, устроен самый что ни на есть удобный, и населения ровно столько (и с такими психологическими установками), чтобы жить в достатке, никому не мешая, – так об этом большинство цивилизованного населения Земли даже и не подозревает. И правильно, скажу я вам, делает.

А я вот на мостике совершенно один, никто меня не отвлекает, даже и вахтенного незаметно. Воронцов правильно понимает службу, если пароход не в походе и не в состоянии готовности номер один, так роботам не полагается по собственной инициативе попадаться на глаза представителям высшего комсостава. Само собой, если некто из местных, но не облеченный должной степенью доверия, попытается проникнуть с пирса на палубу, откуда-нибудь из-за кильблока или просто из тени, отбрасываемой надстройкой, непременно появится матрос или унтер-офицер при дудке, с повязкой на рукаве и вежливо поинтересуется, что господину угодно. И вызовет вахтенного офицера, а то и вахтенного начальника. В случае же попытки несанкционированного проникновения на борт совершенно постороннего лица или возникновения иной внешней угрозы, меры будут приниматься решительные и радикальные.

И это, в общем, правильно. Были уже случаи...

Как, например, на севастопольском рейде в двадцатом году.

Меня тогда на борту не оказалось, но со слов Воронцова и путем анализа содержимого памяти палубной «команды» мне удалось создать, думаю, довольно точную реконструкцию случившегося.

«...Воронцов подошел к ограждению левого крыла мостика, облокотился на фальшборт, стал рассматривать перспективу дрожащего бледными огнями по берегам бухты Севастополя, где был совсем недавно. Наверное, проникшие в самые глубины личности рефлексy военного моряка позволили ему среагировать на внезапное изменение ситуации быстрее даже, чем несущим вахту роботам, скорость прохождения нервного сигнала у которых раз в тысячу больше, чем у человека.

В пяти кабельтовых от «Валгаллы» стоял у бочки французский контрминоносец «Лейтенант Борри». Давно устаревший корабль, примерно класса русских послецусимских 600-тон-

ных эсминцев «Финн». Дмитрий скользнул по нему взглядом. Просто так, как по еще одному элементу окружающего пейзажа. И увидел, что миноносец снялся со швартовов и медленно движется к выходу из бухты. Без огней. Не сообщив о своем маневре старшему на рейде. Это его насторожило. Не потому, что он ощутил какую-то угрозу, а из-за нарушения незыблемого морского порядка. Еще через секунду-другую между фок-мачтой и первой трубой миноносца блеснула оранжевая вспышка.

Воронцов метнулся к двери штурманской рубки, столкнулся с роботом, который, напротив, перемещался ему навстречу, захватив своими анализаторами потенциально опасное явление.

«Вот в чем разница между человеком и компьютером, – успел подумать Дмитрий, – из одинаковых посылок мы делаем противоположные выводы».

Влетев в рубку, он с маху, всей ладонью надавил кнопку ревуна боевой тревоги.

Почти тут же пароход встряхнуло. Не очень даже и сильно. Двадцать пять тысяч тонн обладают огромной инерцией. Но у борта взлетел вверх до верхушек мачт грохочущий столб воды, смешанной с огнем и дымом.

Прозевавшие торпедную атаку роботы (в чем не было их прямой вины, готовность номер один на судне не объявлялась) реабилитировали себя четкостью и скоростью дальнейших действий. Еще, кажется, не опал фонтан взрыва, как на пульте вспыхнул красный трафарет: «Цель захвачена. Жду команды». Воронцов не колеблясь нажал танкету «Огонь». Не позже чем через секунду с левого борта беглым огнем замолотила замаскированная раструбом котельного вентилятора скорострельная стотридцатимиллиметровка.

До цели было, считая по-сухопутному, метров шестьсот, и первые же снаряды, без всякой пристрелки, сразу пошли в цель.

Но Воронцов проявил себя еще и мыслящим политиком. И его следующая команда была: «Стрелять только по корпусу под ватерлинию. Десять выстрелов – отбой».

Этого хватило вполне. Вспыхнувшие прожектора раненой «Валгаллы» осветили несчастный миноносец. Мощные, изготовленные в конце двадцатого века снаряды, предназначенные для борьбы с суперсовременными фрегатами типа «Шеффилд» и крылатыми ракетами, в клочья разнесли его правый борт от форштевня до мидельшпангоута. Из машинного отделения струей хлестал перламутровый в галогеновом свете пар. «Лейтенант Борри» быстро кренился и садился носом. И лишь сейчас на его палубе вспыхнуло освещение и зазвенели сигналы водяной и пожарной тревоги.

Еще через минуту загорелись боевые огни линкора «Генерал Алексеев», почти тут же – фортов крепости.

– Прямо тебе – Порт-Артур в январе четвертого года, – успокаиваясь, проронил Воронцов. – Так что у нас случилось?

Робот, демонстрируя хорошую морскую выучку, четко доложил свою точку зрения на инцидент.

– Вот мудаки, – почти беззлобно выругался Дмитрий в адрес своих комендоров. – Могли бы торпеду еще на ходу расстрелять. Но тут скорее я виноват. Всему учил, а такого не предусмотрел...

И тут же стал вслушиваться в корабль. Вроде бы самого страшного не случилось. Ни треска ломающихся переборок, ни гула разливающейся по отсекам воды. И палуба не кренится под ногами. А самое главное – роботы из нижних помещений не подают сигналов тревоги.

Воронцов вызвал на дисплей компьютера информацию о полученных «Валгаллой» повреждениях. Пароход не подвел. Многослойная, титаново-керамическая, усиленная кевларовыми прокладками бортовая броня выдержала удар 450-миллиметровой торпеды. Отмечался только прогиб листов, деформация ближних к месту взрыва шпангоутов, незначительное смещение на фундаментах котлов и машин.

Мостик и палуба в течение следующих пяти минут заполнились поднятыми из постелей офицерами резервного взвода, пока еще остававшегося на корабле.

– Постройте людей на корме, – приказал Воронцов взводному командиру. – Только сначала пусть приведут себя в порядок. Срок – пять минут. А у меня и без этого забот хватает.

Воронцов, отставной капитан-лейтенант советского ВМФ, старший помощник капитана сотысячетонного балкера флота торгового, не имея, в отличие от меня, высшего психологического образования, практическими основами этой науки владел виртуозно.

– Принять в отсеки левого борта пять тысяч тонн воды, крен довести до пятнадцати градусов, дифферент на нос до пяти... – отдавал он команды центральному компьютеру. – Зажечь дымовые пашки за второй трубой. Потребовать с берега буксиры, семафором и гудками подавать сигналы «Терплю бедствие».

Пусть те, кто организовал предательскую атаку, считают, что цель их достигнута. Хоть на первое время...

Одновременно там же, в Севастополе, произошел другой случай, но уже со мной, Левашовым, Шульгиным, Берестиным и девушками – Сильвией, Ириной, Натальей и Ларисой. Эпизод яркий, вместе с предыдущим ставший толчком для появления целого веера событий и последствий как в России, так и за рубежом в 1920—1921 годах, и проявившихся в реальности и Ростоккина, и черт-те знает еще где... А вот в дневник записать удосужился только сейчас, и выглядят те события не давними, конечно, но так... отдаленными.

Особняк, который для нас определил Врангель, стоял в глубине сада, отделенный от тихой окраинной улицы оградой из местного камня-ракушечника. Принадлежал он адмиралтейскому чиновнику довольно высокого ранга, предусмотрительно отбывшему со всем семейством за границу еще весной, и был временно секвестрован для нужд штаба флота, почему и сохранился почти неразграбленным.

Десять его комнат были богато и со вкусом обставлены современной мебелью, напоминали о недавней спокойной и размеренной жизни. В них еще не выветрились запахи непереносимого утреннего кофе, хозяйского табака, мастики для натирания полов, а в женских помещениях – каких-то тогдашних благовоний.

Хозяин, судя по фотографиям на стенах, был человек положительный и не чуждый сибаритства, даже в парадном мундире выглядевший благодушно. Жена и три дочки, не отличаясь красотой, смотрели с группового овального портрета на неожиданных гостей доброжелательно, с одинаковыми непринужденными улыбками.

– Тоже вот, жили люди, – элегически заметил Шульгин, когда дамы разошлись по спальням, а мы вчетвером решили завершить вечер, как встарь, «сочинкой»¹⁴ до полусотни, чтобы не засиживаться слишком долго.

– Они и сейчас где-нибудь живут, и даже, наверное, неплохо. Статский советник, да по интендантской части, вряд ли с пустыми карманами уехал...

Электричество в этот удаленный от центра район провести в царское время не успели, и мы играли при свечах, задернув шторы. Я терпеть не могу ощущения, которое возникает, когда находишься на свету, а в окна, тем более первого этажа, заглядывает ночная тьма. Чтобы не было душно, открыли дверь в коридор, ведущий на обширную веранду.

– Что-то тревожно мне, – сказал вдруг Сашка, только что успешно сыгравший мизер. По традиции за это дело выпили по рюмке «шустовского».

– Чего тебе-то тревожиться? Амнистер, и уже под закрытие идешь... – спросил Левашов, тасуя карты. – Вот я на шести застрял, и никак.

¹⁴ Сочинка – одна из разновидностей преферанса.

– Не в том счастье. А в воздухе такое что-то... Как перед грозой. Пойду-ка я осмотрюсь во дворе.

– Воров боишься?

– Знал бы чего – сказал, – ответил Сашка и вышел из комнаты.

– Вообще-то он прав, – заметил Берестин. – Неплохо было бы охрану при доме иметь. Глушь тут, и время военное.

– Да чего там, – отмахнулся Левашов. – Кому мы нужны? А если и что, так четыре мужика, вооруженные... Не Чикаго же здесь...

Оружия у нас тогда действительно было достаточно. Возвратившись с фронта, и Шульгин с Берестиным и я оставили здесь всю свою амуницию, включая и автоматы с солидным запасом патронов. Да еще и в карманах у каждого было по пистолету.

– А хорошо на дворе, – сказал, возвратившись, Шульгин. – Тишина, и полынью пахнет...

Еще через полчаса встал из-за стола Левашов. Галюн здесь располагался в дальнем углу сада, куда вела узкая дорожка из плитняка. «Вот вроде бы богатые люди, – заметил он про хозяев, – а в доме не сообразили ватерклозет соорудить. Летом-то ничего, а зимой не набегаешься...»

У перил веранды он остановился, залюбовавшись пересекающим угольно-черное небо Млечным Путем. И не услышал, вернее, не обратил внимания на едва слышный из-за треска цикад шорох за спиной.

Негромкий вскрик Левашова услышал только Шульгин. И тут же, видимо, включилась его инстинктивная боевая программа. В подобных случаях он оценивал обстановку и собственные действия только задним числом.

Взмахом руки он погасил все три свечи в канделябре и стремительно метнулся к выходу. Не поняв сразу, что происходит, но зная, что Сашка ничего не делает зря, Берестин потянул из наплечной кобуры «стечкин», а я стал на шаривать в темноте лежавший на диване автомат.

Шульгин приостановился у выходящей на веранду двери. В голубоватом смутном свете ущербной луны заметил в трех шагах от себя бледную двоящуюся тень. Кто-то стоял за растущим посередине веранды старым абрикосом.

Он остановил дернущуюся было к карману руку, но стрелять передумал, а с почти неуловимой для постороннего взгляда скоростью прыгнул вперед. Развернувшись в полете, приземлился позади прячущегося за деревом человека, коротким тычком выпрямленных пальцев под ребра опрокинул его на кафельный пол веранды. От момента, когда он услышал вскрик Олега, прошло едва ли больше пяти секунд.

Со стороны моря донесся мощный даже на расстоянии взрыв. И тут же, словно это было сигналом, по всему саду загремели выстрелы. Целились по окнам дома.

Рядом с Шульгиным, отбивая пластами толстую морщинистую кору, ударило в дерево сразу несколько пуль. Присев на корточки, он тоже выстрелил трижды, каждый раз на два пальца правее вспышек, и, вопреки тому, чего от него ждали нападавшие, рванулся не назад, к дверям дома, а навстречу неприятелю, в темноту сада.

Распластавшись горизонтально, перелетел через балюстраду, упал на четвереньки, с быстротой краба боком отбежал в буйную поросль кустов.

Тут и я из проема двери прикрыл его короткими очередями.

Тактический перевес перешел теперь на сторону Шульгина. Только патронов в его «беретте» вряд ли оставалось больше пятнадцати.

А нападение осуществлялось крупными силами. По вспышкам направленных в сторону дома выстрелов насчитали семь человек. Восьмой валялся на веранде. Наверное, были и еще, с другой стороны сада и на улице.

Я продолжал бить короткими очередями из проема двери, а Алексей перебежал в конец коридора и открыл фланговый огонь. Вот в чем просчитались организаторы налета: они ожидали, даже в случае утраты внезапности, что им ответят максимум три пистолета, и сейчас были в растерянности, приняв выстрелы «АКСУ» за пулеметные. Звук почти как у «Льюиса». А это совсем другое дело – атаковать через открытый двор под огнем двух ручных пулеметов. Через минуту к двум нашим автоматам присоединились еще два. Проснулись и вступили в бой Ирина и Сильвия, имевшие спецподготовку не хуже, чем у «зеленых беретов».

Привстав на колени, Шульгин, как на траншейном стенде, начал посылать пулю за пулей в заранее отмеченные по отблескам дульного пламени цели.

– Сашка, ложись! – перекрывая грохот перестрелки, прокричал Берестин.

Разрывая тьму оранжевым огнем, одна за другой полыхнули три гранаты. Раздался отчаянный вопль смертельно раненного человека. Еще через несколько минут бой прекратился. В «тревожных чемоданах» у нас нашлись сильные аккумуляторные фонари, вроде тех, которыми пользуются путевые обходчики.

Пока мы осматривали поле боя и стаскивали на веранду трупы нападавших, Ирина с Сильвией, не замечая, что выскочили из постелей в ничего не скрывающих прозрачных ночных рубашках, хлопотали вокруг Левашова. Наташа, сама вся в крови от многочисленных, но мелких порезов – ее осыпало осколками оконного стекла, – успокаивала рыдающую и рвущуюся из ее объятий Ларису.

Длинный морской кортик вошел Олегу в спину по рукоятку, к счастью – на два пальца ниже, чем требовалось для мгновенной смерти, и браслет-гомеостат показывал, что он еще жив, а значит, к утру будет в полном порядке. Попади убийца чуть-чуть точнее, и спасти Олега уже не удалось бы.

– Неужели все напрочь мертвые? – спросил Берестин, осматривая тела. – Слишком ты, Саша, метко стреляешь!..

– Ты бы сам поменьше гранатами швырялся. Наташку вон посекло... Вот этот, кажется, еще дышит, – показал Шульгин на кудрявого, пронзительно-рыжего парня в черной толстовке, с развороченным осколками животом.

– Тогда давай быстрее, оживи его чуток, порасспрашиваем...

Через полчаса к дому на «Додже» примчалась высланная Воронцовым группа поддержки из шести офицеров в касках-сферах и бронежилетах. Еще через пятнадцать минут – конный взвод врангелевского личного конвоя.

Прочесывание местности ничего, разумеется, не дало. Пленный, придя в сознание, показал, что в налете участвовало двенадцать человек, друг с другом якобы малознакомых. Половина – бывшие матросы-анархисты, другая – из разгромленного Слащевым отряда бандитствующего «капитана» Орлова. Руководил всем человек лет сорока, по виду грек или обрусевший татарин. Звали его Иван Степанович, но имя, конечно, вымышленное. Сам «язык», задыхаясь и всхлипывая, говорил, что пошел на акцию не из идейных соображений, а за большие деньги. Причины налета не знает, ему сказали, что «надо кое-кого пощупать на предмет золотишка и камушков». В подобных делах он участвовал и раньше, когда грабили особняки и дачи московских и питерских богачей...

Убедившись, что по горячим следам выяснить ничего не удастся, пленного, перевязав, мы отдали в контрразведку для дальнейшей разработки.

Как мы потом уже решили с Сильвией, расчет противника был не так уж глуп. Представить – был бы вместо «Валгаллы» обычный пароход. От одной всего торпеды, тем более двух, он затонул бы почти мгновенно. Миноносец вполне мог после выстрелов незамеченным проскользнуть в море. А одновременно в доме перебили бы нас. И все!

Нет, проявили мы себя тогда очень даже неплохо. Причем в пределах своих «естественных» способностей, без помощи «потусторонних» сил или технических средств. Ну, гомеостат, так это ж не более чем походная аптечка.

Хочется верить, что сейчас здесь – в Новой Зеландии – подобное повторится вряд ли. Был бы наш 2003 год, вполне можно вообразить десант заграничных рейнджеров, или российского спецназа, а в двадцать пятом году – вряд ли. Исключая наших корниловцев, других бойцов, способных взять штурмом базу на краю земли, в мире наверняка нет. Хоть британские «Рипалс» с «Ринауном» будут десант поддерживать.

Да что мне всякие глупости приходят в голову? Тут судьба Галактики с окрестностями под большим вопросом, а я о войсковой операции ротного масштаба размышляю!

К главной ходовой рубке парохода, как заведено, примыкает служебная каюта командира. В сложных навигационных или политических условиях он, бывает, сутками не выходит за пределы этого треугольника: рубка – мостик – каюта. Потому что только капитан, по определению, первый, после Бога, знает все, понимает все и способен принять единственно верное решение. И ведь чаще всего его находит и принимает. Иначе бы давно мореплавание на нашей мокрой планете кончилось само собой.

В тесной, прямо-таки спартанской каютке Воронцова не намного комфортабельнее, чем на его пресловутом тральщике, о котором он так любит вспоминать в минуты сентиментальные, имелся монитор и пульт связи с главным компьютером, а также и прибор для приготовления кофе-эспрессо. Что еще нужно?

Я сел на жесткий вертящийся стул, не спеша выкурил половину хорошей сигары, и тут опять пришло мне в голову нечто неожиданное. Пока в виде гипотезы, не претендующей на истинность, но достойной того, чтобы иметь ее в виду. В случае чего.

С чего вся эта история началась? С того, что Сашка у себя в двадцать пятом году обнаружил явные признаки «времятрясения», возмущения «мировых линий», вибрации суперструн. Назвать это можно как угодно, все равно абстракции слишком высоки, чтобы адекватно переложить их на бытовой язык. Еще не шторм, но усиление зыби, которая часто является предвестником приближающегося шторма или урагана.

Заметил, как опытный штурман, и тут же начал принимать меры, причем слегка выходящие за пределы своей компетенции. То есть самостоятельно полез в астрал и увидел ту самую, доложенную нам картину.

Но вот вопрос. Отчего признаки приближающегося катаклизма докатились до реальности 1925-го, самой благополучной, по словам Антона – полностью изолированной от Главной исторической последовательности, тем более – от химер? Гораздо логичнее и понятнее, если бы возмущения резонировали в 2055—2056 годах, в зоне максимальной нестабильности. Тем более там находился я, как сказано, кандидат в Держатели более высокого градуса¹⁵, чем Шульгин, и должен был ощутить происходящее острее и раньше. Как разные виды животных имеют разную чувствительность к надвигающемуся землетрясению – золотые рыбки, скажем, начинают волноваться уже за неделю, а собаки и кошки – только за сутки.

Естественно, у меня возникло сомнение. Опыт-то общения с пришельцами разных типов и астральными существами, «фигуры не имеющими», накопился достаточный. И далеко не всегда позитивный. Обмануть наивного землянина у них, пришельцев, почитается чуть ли не за доблесть, как у восточных народов – обмануть европейца.

А что, если имеет место знакомая любому преферансисту «наводка в козырь»?

¹⁵ В масонских обществах «градусом» называется ступень иерархии. По аналогии с классным чином «Табели о рангах». Чиновник пятого класса, брат пятнадцатого градуса....

Стоит иметь такую возможность в виду, не бросаться в очередную авантюру, не промерив брод и не обвеховав фарватер.

Глава 5

Пароход «Валгалла», рейд форта Росс, ноябрь 1925 г.

После затянувшегося до полуночи ужина, на котором Братству были представлены братья по разуму из параллельного и химерического будущих, Воронцов заглянул в каюту Левашова.

Давно они с ним не общались, как встарь, как в славные времена скитания по морям и океанам. Молоды они тогда были и, встретившись на старом балкере «Маршал Кулик», сразу подружились. Исключительно, наверное, по причине некоторой не прямой общности судеб.

У Дмитрия не сложилась военно-морская служба, к которой единственно он себя готовил с детства, а вот не пошла. То есть сначала вроде бы пошла, да еще как, в двадцать семь лет получил под команду настоящий боевой корабль (а что? Тралышник в пятьсот тонн – очень даже корабль, раньше эсминцами вдвое меньшего водоизмещения капитаны второго ранга командовали), да попал за границу, на настоящие дела, траление Персидского залива, Красного моря и Суэцкого канала от мин всех существующих в мире разновидностей, щедро набросанных в воспетые капитаном Кусто воды и нашими, и египтянами, и евреями, и вообще бог знает кем. Попадались даже немецкие времен Второй мировой, и каждый день Воронцову мнилось, что загребет трал какой-нибудь раритет времен еще русско-японской.

Даже и ордена кап-лей получил, Красную Звезду, пару арабских блях, медали «За отвагу», ЗБЗ¹⁶, юбилейные к густо тогда шедшим историческим и партийным датам. А вот потом – заколодило. Бывают такие люди – сами о себе все правильно понимают, и окружающие признают и ум, и мужские качества характера, душа почти любой компании, никто даже по злобе и пьянке не скажет, что, мол, Димка Воронцов – жлоб и сволочь. И начальство тоже, в чем главное паскудство, очень даже уважает и ценит, а вот срabатывает звериный, а то и муравьиный даже инстинкт.

Нельзя *такого* – наверх двигать. Угроза он всей существующей, отлаженной, хреново, но функционирующей системе. Если похожие *идеалисты*, один, другой, третий к чинам адмиральским двигаться начнут, порядки свои насаждать, офицеров под себя подбирать, матросов ничемными идеями соблазнять – что же с нами и со всей вообще службой будет?

Раз и другой, при всей положенной выслуге не найдя своей фамилии в приказах на присвоение кап-третьего, хотя сколько уже остолопов получило «рельсы»¹⁷ досрочно, Воронцов понял, что ловить больше нечего. Слава богу, не пришлось под дурака косить и инвалидность оформлять, чтобы в запас уволиться. Выставил пару ящиков египетского пойла «Абу Симбел», десяток блоков сигарет «Кэмел», горсть сувениров пустычных кому положено – и свалил на берег с достойной причиной увольнения и отличными характеристиками.

Аналогично и Олег Левашов «не был понят родною страной». Такая уж дурацкая, простите за выражение, страна у нас сорганизовалась по завершении золотого века Екатерины и внука ее, Александра Первого. Тогда люди исключительно за ум, отвагу и «общественную пользу» в двадцать пять лет генеральские чины хватали. Ну, а потом – увы. Не захотело и в случае Левашова научное начальство сообразить, что куда проще парню этому позволить защитить пару докторских, дать в подчинение НИИ какой затруханый, а потом стриги купоны с его открытий до конца дней.

Нет, не смогли через себя переступить. Страна-то, может, и советская наука в частности, процвели б невиданно, а нам, с нашими диссертациями и монографиями – куда? Из президи-

¹⁶ За боевые заслуги.

¹⁷ Погоны с двумя просветами.

ума хлопать, когда ему очередную Нобелевскую вручают? Простите, товарищи, «народу это не нужно!».

И вот они, значит, Левашов с Воронцовым, каждый по-своему уязвленные, но одновременно полные сил и энтузиазма (молодость, господа, молодость!), встретились на судне, которое гоняло волею пароходского начальства из Калининграда на Кубу, с Кубы в Луанду, оттуда на Владик и вдруг в Новоросс, чтобы не скучали. Северным морским путем тоже ходить приходилось, но это – отдельный разговор.

Само собой, они подружились, хотя обычно разница в должностном положении (старпом и рядовой инженер) такому не способствует.

Впрочем, вся эта история давно известна.

После событий двадцатого – двадцать первого годов пути их как-то незаметно, но основательно разошлись. У каждого свои дела и интересы, своя, если так можно выразиться, «личная жизнь». Один – бывший гений-изобретатель, а ныне политик не совсем даже понятной ориентации, пытающийся реализовывать в условиях красной Полуроссии юношеские идеалы «социализма с человеческим лицом». Постепенно начинающий понимать, что идеалы – это одно, а реальная (пусть даже в иной реальности) жизнь – совсем другое.

Второй – достигший предела своих притязаний адмирал-капитан (полновластный хозяин «Валгаллы», главком небольшого флота, начальник над портом и фактический генерал-губернатор колонии Форт Росс-3, простершейся на сто тридцать лет в двух временных линиях).

Фактически Воронцову не нужно было от этой жизни больше ничего. Верная и любимая женщина рядом, полсотни «без лести преданных» роботов, способных на все (в хорошем смысле слова), практическое бессмертие, возможность поступать только и единственно, как «собственный нрав» захочет.

То есть – «Плывать по морям необходимо. Жить – не так уж необходимо!»¹⁸. А если это совмещается – чего же более? Вдобавок последнее время друзья совсем (или почти совсем) не напрягали его своими, не всегда понятными проблемами.

На «Валгалле», еще с момента ее постройки, у каждого были апартаменты, оборудованные и оформленные в расчете на то, что пароход на все обозримое время жизни может остаться единственным местом их обитания. Ну, там, закинет их неведомая сила в Мезозой, или вообще окажутся они в таких условиях, что на берег можно будет сходить только в составе хорошо подготовленных десантных партий или в скафандрах «высшей защиты».

Лариса, подруга Левашова и девушка с огромным набором комплексов, три сотни квадратных метров оформила в своем, не всегда понятном нормальному человеку, вкусе. А Олегу хватило всего лишь трехкаютного блока, состоящего из небольшого салона, один в один повторяющего его комнату в первом Форт Россе, на Валгалле-Таорэре, рабочего кабинета с терминалом Главного корабельного и нескольких автономных компьютеров (неизмеримо, в тысячи раз более мощных, чем он мог вообразить, начиная работу над установкой СПВ в восемьдесят третьем, когда у него в распоряжении был до ужаса примитивный «Атари» со всего-то 128 килобайтами оперативной памяти и винчестером (аж!) на 40 Мгб). Ну и еще мастерская, где действительно было все, что может взбresti в голову сумасшедшему Эдисону плюс Форду новых времен.

Так вот, Воронцов застал друга именно в мастерской. Верстаки, монтажные столы, инструменты и приборы, парочка пребывающих в ждущем режиме роботов-ассистентов, невообразимое нормальному человеку нагромождение, даже завалы предметов непредставимого назначения, среди которых, тем не менее, Дмитрий идентифицировал несколько знакомых. Например – оловянные стаканчики середины девятнадцатого века, которыми пользовались

¹⁸ Поговорка древнеримских моряков.

калифорнийские золотоискатели, квадратная бутылка виски, гейзерная кофеварка оригинальной конструкции.

Олег, несомненно, занимался сейчас какими-то теоретическими изысканиями. На экране одного компьютера рядами бежали цифры и странные символы, на другом – осуществлялись графические построения, которые неплохо знавшему математику (в пределах, необходимых для мореходной астрономии и расчета торпедных треугольников) Воронцову тоже ничего не говорили.

Левашову же все это доставляло видимое удовольствие. Он невнятно комментировал происходящее себе под нос и, словно ему мало было электронной техники, одновременно писал что-то в большой линованной амбарной книге.

Эта картина очень бы хорошо выглядела в качестве сцены из кинофильма шестидесятых годов, повествующего об увлекательной жизни молодых советских ученых-физиков, что-то вроде «Иду на грозу» или «Девять дней одного года». Фильмов, имеющих весьма отдаленное отношение к действительности, но впечатлявших тогдашних восторженных зрителей «от 16 и старше» и загонявших на невыносимый уровень конкурсы в МИФИ, МФТИ, Бауманское.

Воронцов освободил уголок на краю одного из столов, плеснул в стакан виски, поискал, чем бы разбавить или хотя бы закусить, ничего не нашел и выпил так. Закурил сигарету. Все это время Олег его как бы и не замечал. Впрочем, это было в его стиле.

– Может быть, прервешься на краткий миг? – осведомился Воронцов.

– А? Что? Это ты? Сейчас.

Действительно, ученые люди – странные люди. Сам Дмитрий не представлял, как можно увлечься работой (хотя бы прокладкой курса корабля или командованием аварийной партией во время пожара) настолько, чтобы не заметить внезапного изменения обстановки, в данном случае – появления старшего начальника.

Олег развернулся на вертящемся стуле.

– Извини, действительно заработался я. Тут, знаешь, такие интересные вариантыки наметились... – То есть он не совсем еще десоциализировался и помнил, как следует вести себя приличному человеку в подобной ситуации.

Что за «вариантки» – Воронцов спрашивать не стал. Знал, чем это чревато. Да и цель у него была совсем другая.

– Давай-ка в более уютную обстановку переместимся, – предложил он, беря бутылку за горлышко и указывая глазами на чарки.

В салоне с обшитыми светлым деревом стенами, деревянной же мебелью и многочисленными книжными полками действительно было уютнее. Вдобавок Дмитрий включил имитационный, но почти неотличимо похожий на настоящий газовый камин.

– Проблема, собственно, вот в чем, – начал Воронцов, наливая в стаканчики на треть. В его планы совершенно не входило напоить Олега или напиться самому, но и растормозить товарища, отвлечь его от высокого полета мысли требовалось, иначе толкового разговора не получится. Собеседники должны находиться примерно на одном интеллектуальном и эмоциональном уровне, это первое правило доверительного общения. – Очень много интересного наговорил Сашка, да и вся прочая публика насчет нашего нынешнего положения. Я, как человек воспитанный, по преимуществу сидел и не вякал, если ты заметил. Но моментами ощущал себя дураком. Я вообще все эти годы старался как можно меньше лезть не в свои дела, что позволяло сохранять душевное равновесие и, в общем-то, дистанцироваться от сложностей жизни...

– А если без преамбул?

– Если без, то вот тебе сразу амбула¹⁹. Мне совершенно непонятно, в чем тут все-таки главная фишка. Какая, попросту говоря, гибель мира нам грозит? В чем это должно выражаться, как выглядеть? В параллельных мирах я худо-бедно давным-давно разобрался. Сам туда ходил, воевал и все такое прочее. Белый Крым видел, светлое будущее тоже. Все нормально. Ну, еще два параллельных мира возникло, так их, судя по всему, не два, а двести двадцать два в каждую текущую секунду возникает, опять же, если я правильно в теориях разобрался. В чем острота именно нынешнего момента? Парень этот, Ляхов-второй, или же первый, черт разберет, совершенно нормальный человек, из Ловушки он родом или же нет... Давай на пальцах, с тобой я не стесняюсь некультурность демонстрировать.

Левашов сосредоточился.

Иногда очень трудно объяснять самоочевидные для тебя вещи.

С Андреем и Сашкой проще. Они, достигшие некоего уровня «постижения», очень многое чувствуют интуитивно, моментами говорят такое, что и Олегу удастся понять не с первого раза. Но все же они сосуществуют на близких интеллектуальных уровнях. Соображают, по крайней мере, как и зачем соотносится абстракция с реальностью. Никто не вздумает пытаться нарисовать на холсте адекватный подлинному пейзаж пятимерного пространства. Грубому же эмпирику Воронцову подавай именно это.

– Аннигиляция – это я понимаю. Апокалипсис, Армагеддон, всеобщая ядерная война, пандемия чумы, наконец. Это для меня «весомо, грубо, зримо». Сашка же плетет насчет распада ткани времен и все такое. Вот и давай, производи ликбез. Считай меня дебилом и не стесняйся.

– С чего начнем?

– С этого самого. «В белом плаще с кровавым подбоем...» Или, как Сашка сказал, «ветхое одеяло встряхивают».

– А ты здорово сказал. Не про одеяло, а про плащ. Интуиция. То ли морская, то ли художественная... Все так и есть. Если ты Булгакова вспомнил, так и давай дальше, не останавливаясь. Кто там в мир явился? Воланд. А кто Воланд? Большинство считает, что дьявол. А ведь это нигде не сказано. Некая «сила», что якобы желает зла, но творит добро. Никак это с общепринятым понятием о дьяволе не коррелируется. Однако с появлением Воланда в Москве начало происходить все, что угодно. Именно!

Левашов, кажется, попал в колею. Сейчас бы ему в собеседники Андрея Новикова, тут бы они потешились мыслью! Но перед ним сидел жесткий прагматик Воронцов, который ход мысли Олега улавливал, но поддаваться ее полету не собирался.

– Следовательно, одним из признаков надвигающейся опасности является то же самое? В мире начнет происходить «все»?

– Так точно. Если мир «поедет», примерно то же, что описал Булгаков, начнет случаться непрерывно и повсеместно. Любые бредовые события, причем, мне кажется, окружающим они даже не будут казаться таковыми. Надо бы тебе Шекли, «Обмен разумов» почитать. Над Землей взойдут три зеленых солнца, мамаша будет усердно нести яйца, пять, даже шесть ныне известных нам альтернативных реальностей переключнутся друг на друга, и будет тебе одновременно Врангель в Харькове, Сталин и Троцкий в Кремле, царь Николай и император Олег в Петербурге, который также Ленинград и Петроград, а ты с пароходом сам не поймешь, 2056-й или 1925 год за бортом.

Левашов завершил тираду и залпом выпил, не предложив Воронцову. Тот, не обратив внимания на бестактность, налил себе и сделал небольшой глоток.

¹⁹ Преамбула (лат.) – предисловие. Соответственно «амбула» – основной текст.

– Так я и сейчас не понимаю, – спокойно ответил он. – На той неделе точно был 2056-й, а как вы съехались – чисто 1925-й. И чем ты меня напугал? Вон, сходи за холмы, там вообще черт знает какой. Или – в Замке у Антона какой год был? Так что разъясняй дальше.

Левашов, вспомнив прошлое, затейливо, по-флотски, выругался.

– Здесь, у нас, локальная аномалия. Вполне контролируемая. А начнется, если начнется, – суеверно сплюнул он, – вселенский бардак. Слоны Ганнибала на улицах современного Рима, танки крестоносцев сталкиваются с моторизованной конницей Батыя (кстати, Ростокин нечто подобное уже наблюдал), дальше сам можешь вообразить. Но и это только цветочки. От такого мы хоть на «Валгалле» отсидеться можем. А вот если поведет мировые константы (а их рано или поздно непременно поведет), включая температуру кипения воды, скорость света и постоянную Планка, тогда уж действительно всем гарантированный и мгновенный амбец...

– Ну, ты наговорил. Ей-богу, хочется немедленно подхватиться, куда-то бежать и что-то делать. А что? То, что Сашка придумал, – это поможет?

– Есть мнение, что поможет. Мироздание ведь обладает собственным запасом прочности, побольше, чем у нашего парохода. Игроки, да и мы тоже, прилично его раскатали, но хочется думать, что не фатально. Лучше всего, конечно, попробовать залезть непосредственно в Гиперсеть, разыскать там какие-то предохранители, а лучше – всю базу данных, загасить раз и навсегда любые очаги возмущений, блоки поставить, изолировать наш «файл» или «директорию» от контактов с ней на веки вечные, и пусть там сами разбираются... Только вот я туда ходить не умею, а Андрей с Сашкой – чистые дилетанты.

Хоть бы схема у меня была не такая вот, как Андрей с Сашкой в компьютере нарисовали, а обычная, монтажная, я бы показал, куда отверткой или паяльником ткнуть...

Левашов безнадежно махнул рукой.

– Да-а, ребятки, – протянул Воронцов, – накрутили мы с вами. Черт знает что накрутили...

– Ты же, пожалуй, первый и начал, – с некоторой долей мстительности ответил Левашов.

– Может, и я, – не стал спорить Дмитрий. – Только если б ты свою машинку не придумал, тоже все иначе бы сложилось...

– Конечно. А тут получился классический параллелограмм сил. Ты с Антоном в одну сторону, мы с Андреем и Ириной – в другую, и понеслась... Не дураки были предки, когда сформулировали: «Не буди лихо, пока оно тихо». Мы, ты, аггры, форзейли, Игроки, Держатели какие-то, Удолин с его астралом, теперь в новом реале некий Маштаков объявился. Надо, кстати, сходить к нему в гости, обменяться мыслями...

– Сходи, сходи, если всего сущего тебе мало.

– А! Теперь уже без разницы. Выпьем?

Левашов принадлежал к тому типу людей (вроде описанного Гаррисоном изобретателя-алкоголика), который начинал функционировать легко и раскованно где-то после двухсот грамм крепкого. Сильнее он набирался редко и по специальным случаям, но для растормаживания подсознания и снятия ограничителей здравого смысла ему требовалась как раз названная доза.

– Чего же нет?

Выпили.

– Теперь поясни мне вот еще что, Олег. Считаю, что я уловил и понял почти все.

– Прости, Дим, я вот все в толк не возьму, как ты с нами через все прошел и сохранил эту такую великолепную дремучесть? Мы же с тобой, пожалуй, первый раз на теоретические темы беседуем?

– Может, и не первый, но не в этом сенс²⁰. Как бы тебе объяснить? Жаль, что на пароходе у нас не принято было «курс молодого бойца» для комсостава организовывать. Хотя и целого помполита держали, и не дурак он был, кстати сказать...

– А то я не помню...

– Так вот главная фишка в чем? Никогда не забивай себе в голову информацию сверх необходимой. Я знал наизусть, к примеру, схемы всех трубопроводов на пароходе, расположение всех люков, задраек, кингстонов, должностные обязанности и личные качества каждого офицера и матроса и еще сотни вещей, о которых ты и понятия не имеешь. И в то же время для меня совершенно темным лесом являлось все, связанное с силовыми установками, судовой электроникой и т. д. и т. п. На то «Дед» имелся, он же – стармех. Вот и во всем остальном для меня миллионы проблем – классический черный ящик. Знаю, что на входе, желаю получить конкретный результат на выходе. Все.

– Удобная позиция...

– А иначе не проживешь. Умом стронешься. Но повторяю вопрос. Если мир (и все, что обеспечивает его функционирование) столь сложен, непредсказуем да вдобавок сейчас еще и разболтан, как же несколько человек в состоянии его «отремонтировать» и спасти? Тут же сочетание миллиардов разнонаправленных событий, воле и бессмысленных поступков черт знает какого количества людей и нелюдей, и вдруг – мы!

Пусть десять, пусть двадцать, да умелых, талантливых, гениальных где-то, в астрал проникающих – и тем не менее! Сизиф камень не закатил на гору, а кучка муравьев – закатит? Я еще понимаю, когда нам удавалось судьбы войн и революций решать точечными ударами, а вот в Отечественную уже не получилось, не по зубам кусок оказался. И тут...

Левашов смеялся долго и с удовольствием.

– Как ты, брат, сам себя подставил! Прямо душа радуется. Столько умных вещей наговорил, а напоследок прокололся!

– В чем? – не понял Воронцов.

– А вот в чем. Сколько тысяч тонн водоизмещения в нашей, к примеру, «Валгалле»? Сколько штук разных деталей, начиная от гаек и заканчивая блоками компьютеров? Наверняка миллионы. А ежели пожар на борту, или торпеду засадят под ватерлинию – аварийная партия из двух десятков не слишком даже грамотных матросов может справиться? Пластырь подвести, огонь потушить, донки включить, а потом еще очередным авралом борта и надстройки покрасить и прийти в родной порт в лучшем виде. Ты старпом, тебе виднее...

Довод был совершенно неубиваемый, причем крайне простой и наглядный. В самом деле – все так и случалось бесчисленные тысячи раз в истории мореплавания и морских сражений. И спасали терпящие бедствие корабли, и приводили их домой, подорвавшиеся на минах, пробитые торпедами, искромсанные артиллерийским огнем слабые по отдельности люди, ничтожные по сравнению с громадами плавающей стали и мощностью сотен килограмм тротила. И считалось это, в общем-то, нормой.

– Все, Олег. Уел ты меня по полной. Значит, тут все ясно. Но ведь нужно еще и знать, что делать каждому по боевому расписанию.

– Вот этим я как раз и занимался, пока ты не явился меня развлечь... Андрей сейчас Удолина ищет, намеревается через астрал что-то попытаться сделать, а я над механической частью думаю. Ты мне с пяток роботов выдели, и отправимся завтра тоннель по-настоящему исследовать. Надеюсь, узнаем кое-что новенькое.

Тут ведь опять парадокс наклеивается, вернее, уже вылупился... Очередная закольцовка времени случилась. Форт наш, в отличие от «Валгаллы», все ж таки стабильно привязан

²⁰ Сенс (польск.) – смысл.

к тысяча девятьсот двадцать пятому году и практически существует на главной исторической последовательности.

Следовательно, происходящие здесь события, даже и начавшиеся только сейчас, после того как «братья Ляховы» прошли по «кротовой норе», в любом случае предшествуют случившемуся в «две тысячи четвертом» году. И, значит, в нужный момент информация о наличии и свойствах канала может быть передана Шульгину, работающему *там*, и он сможет должным образом проинструктировать своего Ляхова о необходимости и возможности этим каналом пройти в Новую Зеландию, встретиться с тобой и со мной тоже. До того, подчеркиваю, как состоялось наше совещание, посвященное обсуждению результатов этого перехода...

Разумеется, если это сделать, опять возникнет несколько мелких парадоксов, но после того, что случилось с Берестиным при не совсем удачном походе в 1966 год, мы с ними кое-как научились справляться почти без вредных последствий.

Левашов несколько смягчил оценку того давнего парадокса. На самом деле он тогда в первый раз поставил под вопрос само существование Главной исторической последовательности. Да и судьбу Братства, пусть и опосредованно. В то время Воронцов еще благополучно «ходил по голубым дорогам», ни сном ни духом не ведая, что в далекой Москве происходят события, предопределяющие и его будущую жизнь. И участвует в них (а то и организует), кроме совсем незнакомых ему людей, друг-товарищ Левашов, недавно убывший в краткосрочный отпуск. А если бы вдруг не дал ему Воронцов отпуска?

В общих чертах о той давней истории Дмитрий слышал, частично со слов самого Левашова, частично из разговоров, споров и дискуссий, что велись долгими вечерами в первую зимовку на Валгалле, настоящей, не пароход, носящем ее имя. Но сейчас Олег, благо время позволяло, счел нужным кое-что ему напомнить, потому что тема вдруг стала вновь актуальной. И вообще, и в применении к тому, что они собирались делать.

– ...Ну, ты помнишь исходные условия. Ирина убедила Берестина ей помочь, сбегать на денек в шестьдесят шестой, поспособствовать спасению человечества. Вся легенда, конечно, была сшита настолько белоснежными нитками, что тент на твоём любимом вельботе показался бы в сравнении просто грязной тряпкой...

Воронцов изобразил на лице протест и возмущение, но промолчал.

– Однако Лешка был тогда настолько ею увлечен и так мечтал уложить ее наконец в постель, что согласился. Смешная цена, согласись, за право обладать такой женщиной...

В голосе Левашова промелькнула давняя печаль. Он ведь и сам не один год мечтал о том же самом и моментами почти ненавидел Новикова, который абсолютно незаслуженно владел ее душой и телом, нисколько этого не ценя. Вспомнить хотя бы день, когда Андрей с Ириной приехали к нему на Селигер. Вернее, последовавшую за днем и вечером ночь. Межкомнатные переборки в его избе были достаточно тонкими, он слышал все, что они говорили, уединившись в светелке. О нем самом, об Иркиных делах, о парадоксах истории. И как потом они почти до утра «занимались любовью». Точнее, Ирина по-настоящему любила, а Андрей – «занимался».

Удивительно, давным-давно кончились его к ней «чувства», а вспоминать до сих пор неприятно. Как любую, впрочем, жизненную неудачу. Вплоть до проваленного в восьмом классе экзамена по русскому. Оттого он излагал сейчас историю «Берестин – Ирина» грубовато, с оттенком цинизма.

Запоздалая компенсация.

– Кроме того, что бы Алексей ни писал потом в своём «мемуаре», ему зверски захотелось, если удастся, еще раз взглянуть на Москву своей юности. И в то же время до конца он Ирке не поверил. Такая вот натура. В лес он с ней поехал с несложным расчетом: получится – хорошо.

Нет – у Ирины не будет больше доводов, чтобы водить его за нос... Уединенная лесная поляна, птички поют, чего же лучше?

А в последний момент не сдержался, решил форсировать ситуацию...

– Не боишься? – спросила его Ирина, будто инструктор начинающего парашютиста перед первым прыжком. Он промолчал, только мотнул головой и открыл дверцу.

После многих дней ненастья погода выдалась на удивление. Небо абсолютно безоблачное, густо-голубого, почти индигового цвета, воздух свежий, хрустальный, и лес полыхает всеми оттенками старой бронзы и багрянца...

– Становись сюда, – показала Ирина. – Не забыл? Вернешься через двенадцать часов. Резерв – еще три часа. Если что-нибудь непредвиденное помешает – бодрости не теряй. Тебя все равно найдут и вытащат...

Она смотрела на него не отрываясь, приоткрыв дверку и поставив одну ногу на траву, словно собираясь выйти из машины. Эта вот изящно отставленная ножка, и взгляд, и все остальное сработали, как детонатор. Не дожидаясь, пока Ирина включит свой блок-универсал, он кинулся к ней, выдернул из салона, начал, как говорится, «хватать руками» и так далее...

А она сумела извернуться, оттолкнула его так, что он отлетел на пару метров, и все-таки включила свою машинку. Переход, разумеется, вышел очень грубый, а главное – с пространственным смещением. Если перемножить эти метры на число секунд, уместившихся в восемнадцати годах, и еще сложный интеграл взять по контуру... Впрочем, это уже несущественно. Хронополе сработало, как батут.

Причем Алексей все-таки его пробил и попал, куда направлялся, а вот для Ирины дела сложились гораздо хуже. Мало того что своим аффектом Берестин деформировал псевдовременное поле, взбаламутив поток времени непредсказуемым образом, так и ее бросило обратной реакцией на четыре с лишним месяца вперед, и она оказалась в сумасшедшую пургу на глухой лесной поляне, по колено заваленной снегом. Мне и то страшно представить, как она разгребала снег под колесами, надрывая мотор и буксуя, ползла через заносы, внасквозь продуваемой и пронизываемой снегом легкой одежде искала дорогу в белой воющей мути. Вряд ли не только обычная городская дамочка, но и крепкий мужик смог бы выбраться, оказавшись на ее месте. Как известно, даже матерые ямщики, бывало, запросто замерзали на своих рабочих местах...

Тут, конечно, в основном она виновата. Нельзя слишком долго провоцировать оголодавшего поклонника, да еще и в лес с ним отправляться. А как специалистка... должна была знать, что хронофизика требует точности микронной...

– Откуда? – вставил слово Воронцов. – Сам же говорил, она первый раз такими делами занималась, на глазок, можно сказать, без пристрелки. А уж чего и когда от мужиков ждать – вообще вопрос тонкий. Ну и дальше?

– Дальше она сделала единственное, что пришло в тот момент в голову. Могла бы, как я потом размышлял, поступить и по-другому. Обратиться за помощью к своим. Они б, конечно, быстрее разобрались и меры приняли, только что в итоге со всеми нами случилось бы?

– Это точно, – кивнул Воронцов. – На флотах мало я дураков видел, которые, ЧП допустив, тут же кидались наверх докладывать. Наоборот, все усилия приложишь, пока устранишь последствия, а уж потом... И то, если никак иначе...

– Я о том же. Потому она разыскала Андрея, с которым давно уже отношений не поддерживала, а тут – припекло! Объяснила, что да как, тот решил, что сообразить, в чем дело, в состоянии только твой покорный слуга...

Приложил руку к груди, слегка поклонился, после чего указал Дмитрию на чарку.

– Пора горло смочить. Итак, пригласили на консилиум меня. Ирина объяснила, в чем заключается суть и способ перехода, каким она воспользовалась. Мы с ней посидели, разобрались, в чем сходство и разница с моей методикой, какие вообще имеются у нас варианты. На

самом деле вместо одного стабильного на оси времен возникли два вероятностных мира, и оба крайне неустойчивые. Все мы находимся одновременно и здесь, и в прошлом октябре. Причем буквально любой неосторожный поступок любого, что там, что здесь, может привести к мгновенному «схлопыванию». И что при этом произойдет – вопрос для бо-ольшущего НИИ хронофизики, которого в природе тогда не существовало...

– Будто сейчас есть...

– Сейчас – это другое дело, – отмахнулся Левашов. – Короче, у нас вышло такое изящное решение. Ирину вернуть в октябрь, там она совместится сама с собой, и «вилка» вновь превратится в прямую. И наша аппаратура такой финт проделать позволяла. Правда, обозначилась техническая, а равно и философская тонкость. При наложении миров и времен возможен вариант, в котором нас просто не будет. Вообще. О чем я и сообщил Андрею. Он слегка удивился (повторяю, тогда мы были наивные, как двухмесячные телята, и впервые замахнулись на шуточки со временем).

«Это-то есть как?» – спросил он.

«Вот так. Просто. Про интерференцию слышал? И мы, вроде волн, можем накладиться сами на себя, и привет... Сенькой звали».

«Увлекательно... – сказал Новиков. – Ну, наложимся... И как это будет выглядеть?»

«А как выглядел бы мир, если бы ты совсем и не родился? Да и твои родители тоже. Здорово бы тебя это угнетало?»

«А зачем тогда нам все это нужно?»

«Получается, что если мы этого не сделаем, то же самое может выйти само собой. И даже хуже...»

«Уловил. Если б покойник зашел с бубен, еще хуже было бы. Что вы мне голову морочите? Я все равно в этом деле за болвана, так и спрашивать нечего. Аге квод агис, сиречь – делай свое дело и не высывайся».

«Спасибо, Андрей. Ты даже сам не знаешь, какие вы с Олегом ребята...» – сказала Ирина тихо.

«Ну да! Еще как знаю».

«Я постараюсь сделать все, чтобы устранить всякие парадоксы. Риск минимальный... И если все пройдет хорошо, я появлюсь здесь не раньше завтрашнего утра. Чтобы вас не шокировать...»

Она ушла в спальню переодеваться, и мы остались одни.

«Сможешь?» – спросил меня Андрей.

«Думаю, да, – ответил я с полной, ничем не подкрепленной самонадеянностью. – Ничего тут сложного нет, оказывается. За исключением неизбежных в море случайностей».

«Смотри...» – прозвучало это у него чуть ли не угрожающе.

Ирина появилась одетая просто, но элегантно. В черном кожаном пальто, в широкополой шляпе, с трехцветным шарфом на шее.

«Я готова...»

«Слышь, Ир, – как-то робко, чуть ли не жалобно сказал Андрей. – Ты, когда вернешься, сразу сюда позвони. Хоть из автомата...»

Мы вышли во двор. В квадрате стен метался ветер, закручивая снег десятками беспорядочных смерчей и вихрей. Ирина сама выбрала место, указала, где стать мне, что делать Новикову.

Я сосредоточился, испытав вдруг колоссальный мандраж. А куда деваться? Закусил губу и нажал кнопку универсального блока, того самого золотого портсигара, из которого Ирина угощала нас сигаретами на моей даче. Показалось, что на мгновение исчезла сила тяжести. Снег стал черным. И все. Ирины во дворе больше не было.

Мы, опустошенные и выжатые, вернулись в квартиру. Но я старался держать понт. Принялся на пальцах объяснять Андрею, что теперь смогу довести до ума свой синхронизатор, так я тогда называл систему СПВ.

«Теперь-то мы спокойно сможем посмотреть, что это за пространство в тот раз мне открылось и где оно от нас прячется. Ты знаешь, я догадался. Это же я сел на ее канал, у нее как раз в тот день связь прервалась! Я еще удивился, откуда вдруг проскочила такая стабильность поля, и расход энергии почти нулевой...»

«Помолчи, а?» – оборвал меня Новиков.

Он вновь стал у окна, закурил, хотя во рту и так у нас обоих было горько. Я чувствовал, смотреть во двор, где исчезла Ирина, ему было тяжело, но он смотрел. Догадывался, как ему хотелось, чтобы у меня ничего не вышло и Ирина осталась здесь. Что же, выходит, все-таки он с опозданием на десять лет влюбился наконец в эту несчастную глупую девчонку? Хотя – это бывает. Его же теория дает объяснение. Да, были они одной серии, но не было у них совпадения по фазе. Вот только когда эта фаза совпала...

«Старик, что с тобой? – решил приободрить я его. – Гайки отдаются? Брось! Все будет о'кей! Я ее точно отправил. А хочешь, и тебя следом?» Взял со стола едва начатую бутылку с обрюзгшим императором Франции на этикетке, подвинул фужеры.

Но мы даже выпить не успели. Телефон зазвонил. Ее четыре с половиной месяца прошли, она вернулась... Дальше ты знаешь.

– И в чем мораль? – осведомился Воронцов, дослушав эту техническую справку в романтической обертке. Или – наоборот.

– Моралей даже три. Первая – не совершай опрометчивых поступков, если не уверен в их последствиях. – Язык у Левашова начал слегка заплетаться, но мыслил он отчетливо. – Вторая – если даже случится нечто совсем непредвиденное, выход обязательно найдется. Скорее всего, там, где раньше был вход. И третья – от нас по большому счету ничего не зависит. Желającego судьба ведет, нежелающего – тащит. Как нас притащила *оттуда* к текущему времени именно в эту каюту, к этой заманчивой бутылочке, упирайся мы, не упирайся. Знаешь, мне до сих пор обидно, что мы с Андреем так тот барский коньячок и не раскушали...

Глава 6

Олег подержал на треть еще полную бутылку виски в руке, посмотрел на нее задумчиво, и поставил на место.

– Давай-ка еще Сашке позвоним, – предложил он, – без него все равно не обойдешься. Он ведь в общей схеме лучше всех ориентируется. Андрей все больше высокой политикой занимался, дипломатией внешней и внутренней, а Шульгин – практик. По каждому отдельному эпизоду все подробности – у него.

– Тогда и Новикова зови. Иначе будет как-то не по-нашему...

– И Новикова, и Берестина, и Ирину, – отчего-то скривил губы Олег. – И будет у нас точная копия посиделок на Пушкинской, где тебе попытались навесить «сольную партию Иуды».

– А чем плохие посиделки вышли? Мне и сейчас вспомнить приятно. Их четверо на меня одного, ты в нейтралитете, а я отгакивался. И даже где-то выиграл. Идею вы все-таки мою приняли...

– Я вот, бывает, думаю, думаю по ночам, когда заснуть не могу, и часто мне в голову приходит, что не то мы тогда сделали. Можно было иначе. Агтрианскую агентуру с помощью моих и Иркиных приборов вычислить, разобраться с ними, и все. И тебе с Антоном разойтись без последствий. Сейчас бы с новыми проблемами не мучились...

– Ну, брат, это у тебя уже не депрессия, это уже нужно у Сашки насчет диагноза интересоваться. Что-то ты таким героем не выглядел, когда у тебя квартиру «вырезали». Да и к моему плану руку поактивнее многих приложил. Нет, по-твоему тоже можно было попробовать. Помог бы нам Антон (хотя делать этого заведомо не собирался), отбились бы мы, и что? Валгаллы бы не было, ни той, ни этой, Ларису бы ты не встретил, а ушел бы через месяц снова в море, так до сей поры и вкалывал бы за восемьдесят шесть инвалютных копеек в сутки и пятьсот советскими в плавании, двести пятьдесят на берегу... Согласен? Махнем, не глядя?

Воронцов говорил в обычной манере, внешне шутливо, но иногда и металл в голосе позвякивал, будто невзначай.

И Левашов сник, признал правоту товарища. Даже сам себе немного удивился. С чего бы это, на самом деле, он взялся возражать против приглашения ближайшего друга? Что на него такое нашло? А ведь действительно, было – назвал Воронцов имя Андрея, и поднялся в глубине души непонятный протест. При том, что логичнее было бы, если б такая эмоция проявилась при упоминании Шульгина. Особенно после растянутой по времени, но количественно довольно серьезной выпивки.

Были к этому кое-какие основания. Не всегда и осознаваемые, но в силу которых Шульгин с Левашовым последние годы не были особенно близки. О детской и юношеской дружбе говорить не будем, тогда они действительно представляли втроем с Новиковым какую-то особенную человеческую конструкцию, триединый организм, способный на непредставимые для каждого из составляющих его элементов, или для двоих даже успехи и деяния.

А потом отстранились незаметно, без особых причин и поводов. Последний раз отважно сходили в рейд на агтрианскую базу, спасли Берестина с Андреем, взорвали информационную бомбу, положившую конец первому этапу их эпопеи.

Наверное, определенную роль в этом отстранении сыграла и их противоположная политическая позиция в крымской кампании, и Лариса, сумевшая только ей присущим образом и способом поставить барьер между близкими друзьями.

Ну, если кто помнит, закрутила с находящимся в трудном нравственном положении Сашкой интрижку, одновременно сама получила удовольствие, а его заставила по этому поводу терзаться чувством вины и, само собой, избегать слишком частых встреч. Чтобы лишний раз в

глаза не смотреть. Был у них в те давние годы пережиток и предрассудок, что даже случайная, одномоментная связь с девушкой своего товарища считалась делом непростительным, хотя никто, кроме тебя с ней, об этом не знал и никаких продолжений шалость не имела.

Потом же их дороги вообще настолько разошлись, что Левашов и Шульгин встречались изредка, почти как чужие. Ну, не совсем, но близко к этому. Очень разные у них появились жизненные интересы.

И точно так же внезапно обстановка поменялась на противоположную. Когда Шульгин вздумал, сначала в одиночку, разобраться в причинах очередного «времетрасения», он быстро понял, что обратиться, кроме как к Олегу, не к кому. И обратился. И встретил столь горячую поддержку и готовность с головой погрузиться в новую затею, что и Сашке стало на какой-то момент непонятно и удивительно. Потом понял. И больше полугода работали они дружно, с большим удовольствием, главное – эффективно.

А сейчас, вот буквально в течение ближайших часа-полтора, Олега без всяких видимых поводов вдруг потянуло в пучину мрачного пессимизма. Разве что воспоминания о происшествии с Берестиным и Ириной так на него повлияли?

Воронцова это насторожило. Подобное, конечно, случалось с Левашовым и раньше, психика у него такая. Умственная гениальность и не слишком устойчивая нервная система. Много Дмитрий видел похожих людей в своей практике командира и воспитателя.

Чего ради он вдруг, хотя только что беседовали совершенно о другом, принялся рассуждать: а для чего нам вообще эта «кротовая нора», которую парни из других времен обнаружили и прошли? Какой в ней практический смысл? Замысел был ведь совсем другой – отыскать постоянный портал между «настоящей» реальностью «нашего» 2004 года и «придуманной» того 2005-го! Чтобы не включать каждый раз СПВ и автоматику столешниковской квартиры, не встряхивать лишний раз и без того ненадежную ткань континуума, не провоцировать лишний раз Ловушку. Это казалось вполне решаемо, через достаточно освоенное «боковое» время.

А что получилось? Ну зачем нам коридор в Новую Зеландию «1925» из чужого и далекого Израиля? Мы и так умели туда попадать естественным образом, разве только переход от Ростоккина из «2056» требовал некоторых усилий.

– Может, действительно прав ты тогда оказался, Дим, со своей от нечего делать сказанной фразочкой: «По железной дороге, куда ни поедешь, обязательно попадешь на станцию. И, как правило, с буфетом».

– Почему «от нечего делать»? Как пришло в голову, так и сказал. В смысле, что не с фонаря ты пробил проход именно на Валгаллу, а не на Бетельгейзе какую-нибудь, – возразил Воронцов, с нетерпением ожидая, когда же доберутся сюда по трапам и коридорам друзья. Они, может, уже дам своих уболаговлять собрались, а мы их выдернули. Ну, ничего, потерпят...

Наконец они появились, сначала Шульгин, легкомысленно-веселый, будто бы так и продолжавший застолье в компании более молодых товарищей обоего пола, чуть позже – Новиков. Он выглядел посерьезнее, но еще не спросонья.

– Что не спится, гвардейцы? – осведомился он, наметанным взглядом оценил, кто на каком уровне приближения к нирване находится, покрутил в руке штоф виски. – Пьете? Ну-ну. А повод?

Беря инициативу в свои руки, Воронцов коротко пересказал то, что они уже обсудили с Олегом и на чем застопорились.

Андрей усмехнулся, несколько странно, на взгляд Воронцова, затем сел в кресло поближе к открытому иллюминатору и достал из нагрудного кармана трубку. Что означало – настраивается на долгий и обстоятельный разговор.

– Если мне будет позволено высказать свое мнение... Что, заметьте, странно – журналист должен разъяснять ученому существенные аспекты его науки...

Шульгин тут же подыграл:

– Ты бы не скромничал. Ты ж у нас философ, а что есть философия? Наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Основным вопросом которой является...

– Садитесь, аспирант. Уже пять. Нет, ну действительно, хорошо у нас учили. Ты в каком году кандидатский минимум сдавал?

– Да я это еще с института помню, – обиделся Сашка.

– Тем более. Остальные товарищи, я уверен, знают науку наук приблизительно в тех же объемах. То есть совместными усилиями мы двинемся от частного к общему. Я, между прочим, получив ваше приглашение, по дороге успел сообразить, что речь непременно пойдет о высоких материях...

– И с чего же ты это сообразил? – спросил его Левашов, которого словоблудия Новикова с доисторических времен то развлекали, то раздражали, но почти никогда не оставляли равнодушным. На что Андрей и сделал сейчас расчет. Для Воронцова с Сашкой он не стал бы так стараться.

– Подумаешь, бином Ньютона! Если люди разошлись из-за пиршественного стола в двенадцать ночи, а в час звонят и срочно требуют прибыть, значит, экстренно потребовалось добавить. И не вообще, у каждого в каюте свой бар имеется, а исключительно по важному, возможно – мировоззренческому поводу. А раз позвали, слушайте, что я думаю. Касательно тоннеля – это довольно просто.

Еще когда только возникло предположение о наличии таких проходов, ты сам, Олег, доказывал, что пользование ими не повлечет дополнительных возмущений в мировом континууме. Поскольку они созданы не нами и без применения технических средств, на которые ткань времен реагирует чересчур болезненно. Более того, говорилось, что данный проход гораздо более безопасен и, так сказать, предсказуем, чем те «черные дыры», которые блуждают преимущественно над океанскими просторами и с помощью которых мы научились (но не со стопроцентной вероятностью) маневрировать между Европой «1925», Новой Зеландией «1925» и «2056», еще несколькими точками пространства-времени.

Пусть вы с Дмитрием придумали некие способы «навигации» и нанесли на карты приблизительную координатную сеть входов и выходов, дело это по-прежнему рискованное и лучше его избегать. Хотя, конечно, риск не намного больше, чем при плавании из Испании в Америку на каравеллах в шестнадцатом веке. Так?

Олег согласился, что именно так и есть. Удивительно было, что он не цеплялся к каждой сказанной Андреем фразе, тут же развивая или оспаривая тезис, а слушал спокойно, изредка прихлебывая из стакана.

– Далее, мы приняли, что «блуждающие дыры» теоретически доступны абсолютно всем, и при должном везении проскочить в «пробой» может каждый, оказавшийся в нужное время в нужном месте Мирового океана. Хоть прогулочная яхта, хоть отряд катеров «Люрсен С», хоть японское авианосное соединение, мчащееся к Перл-Харбору. Впрочем, между Курилами и нашими островами подходящих дыр, кажется, нет. Или – пока не зафиксировано. А то ведь нам и снарядов может не хватить, если что... Это не с линкорами Первой мировой воевать. Правильно?

Тут уже кивнул Воронцов, поскольку вопрос касался его епархии.

– Если не развернуть заблаговременно десятка два зенитно-ракетных батарей типа «Тунгуска» или «Искандер»...

– Надо будет – развернем. Если б это была наша главная проблема, я бы прямо сейчас в корабельной церкви Николе-угоднику пудовую свечку поставил... Тут о другом стоит подумать.

– Думать я люблю, – доверительно сказал Шульгин. – По-разному и в разных местах. Бывало – под пулями или под ударом гравитационных пушек. Бывало, помните, в том самом Рио-де-Жанейро под сенью статуи Христа на горе Корковадо...

Чтобы несколько снизить уровень нервного напряжения, очевидным образом присутствующего у каждого, Воронцов к слову заметил, что вот, мол, истинное величие настоящей классики. Пожалуй, упоминание о почти любой столице мира не вызовет подобного эпитета – «тот самый». Посмеялись, заодно и вспомнили, что в Рио им действительно было очень недурно.

– Ну и давай, Саша, думай, – согласился Новиков. – Глядишь, еще одна интересная конструкция образуется. А что нам? Терять в любом случае абсолютно нечего...

– А без пещерного пессимизма – можно?

– Можно, – охотно кивнул Андрей. – Хотя именно о пещерах мы говорим. Проблема, которую сейчас затронули, выглядит абсурдно для любого более-менее здравомыслящего человека, но для каждого из них абсурдна по-разному.

Я вот не понимаю, каким образом после переговоров с очередным воплощением Антона, посещения Узла получилась такая, никак не оговоренная диспозиция. Речи о том, чтобы соединить постоянным переходом реальный 1925-й и мнимый 2005 годы, просто не было. Да он ведь, по любым раскладам, и не нужен. В той схеме, что мы тогда для себя выстроили. Но и ошибкой, какая подчас случается у строителей обычных земных тоннелей, спутавших под землей направление, это быть не могло. Значит, это очередной хитрый замысел Игроков или подброшенная нам задачка на сообразительность: «А ну, ребята, как вы еще и вот с этой штучкой справитесь?»

Ты, Олег, если помнишь, используя собственные формулы и алгоритмы, рассчитал, что «нора», если в нее удастся проникнуть, выведет именно туда, куда надо...

Да, так в начале их операции объяснял физический смысл гипотетического явления Левашов. Пещера, вход в которую открывался из бокового времени, должна была, по отдаленной аналогии с лентой Мебиуса, выворачиваясь сама вокруг себя, выводить одновременно в наш 2003-й и их 2005-й, в один и тот же календарный день и в ту же географическую точку. Строго через шаг: один раз проходишь туда, другой – сюда, третий – опять попадаешь в боковое. То есть по достаточно простой схеме, напоминающей операцию по перевозке через реку на лодке волка, козла и капусты, можно было бы свободно перемещаться между временами, не прибегая ни к СПВ, ни к генератору Маштакова.

Район, конечно, оказался не самый удобный, в смысле политической нестабильности и двойной государственной принадлежности, но тут как раз кое-что придумать можно. Например, организовать вокруг пещеры какой-нибудь независимый эмират.

Или, имея этот, спокойно поискать еще и другие проходы. Один есть, должны быть и другие.

Произошло же нечто совершенно непонятное. Прямой выход в 1925-й путал все расчеты. Значит, на своем пути пещера мало что нечувствительно пересекла сверху, снизу или насквозь Главную историческую последовательность и вышла в альтернативное время, так еще и проникла на восемьдесят лет назад и минимум на 12 тысяч километров пространственно, если считать по диаметру земного шара.

В любом случае с последствиями такого непредвиденного поворота событий им дело иметь придется.

И сейчас, буквально завтра с утра, нужно организовать исследование пещеры с использованием всей имеющейся техники, и своей, и маштаковской. Олег, скопировав схему его генера-

тора, внес в него столько рационализаторских идей, что сейчас это было совсем другое устройство, предназначенное в основном для зондирования и снятия нужных характеристик всех видов хронополей.

Но это дело чисто техническое, пусть им Левашов занимается, хуже не будет, а польза, может быть, образуется.

Новикова же волновал совсем другой вопрос. И он думал, что именно о нем хотят с ним поговорить друзья. Однако ошибся. Что же, придется начинать самому.

И опять в том же самом составе, минус Берестин, о котором Левашов отозвался со странной иронией. Здесь, пусть и по другой причине, Андрей был с ним солидарен. Не стоит еще и Алексея подключать. В случае чего ему найдется другое дело.

– Попробуем рассмотреть волнующую нас тему совершенно с противоположного бока, – предложил Новиков. – Я, может, и ошибаюсь, но с нами всеми сейчас происходит что-то не то. Пока я касаюсь только чисто психологического момента – отчего вдруг возникло желание встретиться и обсудить вопрос, который никаким образом не есть доминирующий в предложенных обстоятельствах. Почему не подняли его за общим столом и почему не отложили на завтра, что было бы гораздо логичнее? Соображения есть? Инициатор – кто?

– Я, – признался Воронцов. – После ужина и знакомства с вашими Ляховыми начали меня мучить сомнения, не до конца понятые мною положения и выражения и вообще бессонница. Вот и забрел к Олегу парой слов перекинуться. Если б он спал, я бы к себе вернулся, а тут разговор завязался... Слово за слово, вдвоем не во всем разобрались, решили и вас подтянуть.

– Ясно. У тебя – бессонница и сомнения, у Олега бессонница, сомнения и депрессия. У тебя, Саша?

– У меня – гораздо хуже. Кажется, мы влипли по уши. И пока непонятно даже во что. Ты, Дим, меньше всех причастен к тому, что мы делали последние полгода. Ни разу не участвовал в выходах в новые реальности, не контактировал с их обитателями. Но знаешь, кто этим занимался, так?

– Естественно. Вы трое, Сильвия, Ирина. Немного – Берестин и Лариса.

– Лариса – не немного. А очень даже. Вот и скажи, как на духу, на заседании парткома или в особом отделе – замечал ты в поведении каждого из названных персонажей, в их взаимоотношениях друг с другом и с тобой лично очевидные для тебя странности? Превосходящие обычный набор, потому что странностей у нас изначально навалом...

– Если настаиваешь, – с определенной долей сомнения сказал Воронцов, – у меня сложилось представление, что после того еще общего сбора у вас пошло этакое рассогласование... Когда на корабле на компбсах девиацию устраняли разные специалисты и по разным таблицам.

При встречах возникало впечатление, что кто-то о чем-то умалчивает, кто-то иначе трактует происходящее. Моментами я удивлялся, но чаще предпочитал думать, что дело, в общем, житейское. Не официальный же отчет мне докладывают, а просто в меру настроения и желания. Один про одно, другой про другое...

– А ни у кого не сложилось мнения, что все «рассогласования» начались не когда-то, а только вчера? – со странным спокойствием спросил Новиков. – Я, как вам известно, имею привычку вести нечто вроде дневника, на бумаге, чернильной авторучкой, и храню свои мемуары в настоящем сейфе, не чета нынешним. Шведской постройки, завода Крейтона в городе Або, тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года. В нем при любом пожаре деньги и документы гарантированно сохранялись – две стенки броневой десятимиллиметровой стали, между ними тридцать сантиметров кварцевого песка, прослоенного листами асбеста. И вдруг обнаружилось, что не только от огня и взломщиков сейф защищает.

– От чего же еще? – спросил Воронцов, а по глазам Шульгина было видно, что он и сам это знает.

– По первому предположению – сказал бы, что от воздействия Ловушки. От наведенных ею иллюзий. По второму – от любого из Игроков. По третьему – вообще от всей Гиперсети...

Новиков наконец-то позволил и себе откинуться на спинку кресла, поджечь трубку специальной золотой зажигалкой, сполоснуть рот обжигающим напитком. Фактически он все сказал.

– И ты будешь утверждать, что котельная сталь и песок способны защитить от пронзающего Вселенную излучения Гиперсети? – Левашов ощутил, что попадает на поле своей компетенции.

– Ни в коей мере. Сталь, песок и асбест не позволяют информации из моих тетрадей распространяться вовне. Соответственно, даже умеющие искать не знают, где и что искать! – Андрей сделал замысловатый финт мундштуком трубки в воздухе. – Помнишь, как портсигар в коробке от Книги прятали? И не засекли же вас!

– Не совсем корректный пример, да бог с ним, о тетрадках речь – к чему?

– Позвольте поставить вас в известность, что с нынешней полуночи лично мои, да и ваши, как я заметил, воспоминания значительно разошлись с текстом моих записей, которые я осмеливаюсь считать подлинными.

Молчание собеседников было достаточно долгим.

Новиков же и еще добавил:

– Кроме этого, имеются и другие подтверждения вполне очевидного хроносдвига. Вопрос только в том – степень его распространения. Хочется думать – «Валгалла» вне зоны охвата.

– Почему? – быстро спросил Воронцов, которого вопрос заинтересовал с капитанской, прагматической точки зрения. Отчего в его корабль вражеские снаряды не попадают, и долго ли такое везение будет продолжаться.

– Надеюсь, потому, что она – порождение Замка, а не человеческой культуры и техники. В ней ведь, кажется, до сих пор нет ничего, изготовленного на Главной линии?

– За исключением того, что вы могли принести в карманах, – ничего, – подтвердил Дмитрий.

– Тогда не страшно. Двадцать пять тысяч тонн массы и сотни генерирующих всевозможные поля приборов как-нибудь замаскируют десять килограммов дамских шмоток и косметики. Что и подтверждается нашей способностью рассуждать достаточно здраво...

– Если ты у нас самый сейчас умный, – вразяжку сказал Левашов, – поясни такой штришок – зачем нас четверых именно после полуночи дружно потянуло на пароход? Чего в своих постелях не спалось?

Андрей еще только собрался высказать свое предположение, именно предположение, готового ответа у него не было, и вопрос Олега почти поставил в тупик, как слова школьным жестом попросил Шульгин.

– Велик Бог земли Русской! – с непривычной долей патетики в голосе провозгласил Сашка и вдобавок широко перекрестился. Интересное начало. – Я к тому, – тут же снизил Шульгин интонацию, – что Бог не Бог, Антон или наша собственная интуиция так нам подсказала. А почему, кстати, и не Бог, действительно? Или Святой покровитель нашего дела и корабля? Вполне эти персонажи вписываются в картину общего абсурда, где нам выпало существовать и функционировать. С одними парнями мы воевали, думали, что всерьез. С другими играли, думали, что по правилам. Потом нам сказали, ребята, играйте сами, как умеете. И тут же начали строить непредусмотренные соглашением пакости.

– Почему пакости? – возразил Воронцов, чувство справедливости которого распространялось и на врагов. – Когда проверяющий кап-раз подкидывает старлею хитрую вводную, он все-таки исходит из того, что подобная ситуация может встретиться и в бою и что чему-то подобному во Фрунзенке наверняка учили. Если прогулял или забыл – твоя проблема...

– Ладно, ладно, не будем отвлекаться. Твой кап-раз хитрую вводную кинул, а добрый кап-три шепотом на ушко ответ подсказал. И у нас так же. Идем дальше. Андрей совершенно правильно отметил, что вся чертовщина началась после полуночи. А от полуночи до четырех нас поджидает «Ди пхи юй чхоу», он же час Демона. Вот те, кого это непосредственно касалось, сюда и сбежали. Чтобы пересидеть в хорошей компании.

– А я еще и вот чего придумал, – сообщил Новиков. – Наши роботы – тоже произведение и порождение неземного разума. И, несущие вахту на палубе, они тоже как бы отгоняют «демонов». Пятьдесят излучений позитронных мозгов свободно экранируют четыре наших, человеческих.

– Ну, отлично. Товарищей успокоил, теперь и сам можешь отдохнуть, – сказал Левашов, разливая виски. Новиков кивнул и незаметно для Олега пустил по кругу против часовой стрелки гомеостат. Чтобы мозги освежить, значит. Детоксикацию провести.

– Болтать мы, конечно, можем много, – сказал Шульгин. – Способностями и в этом смысле не обижены. А я хочу сказать вот что – классическую, или, как там по науке сказать, петлю Мебиуса мы уже имеем. О Ловушке я вполне предположительно высказался, сами знаете, когда. И тогда же добавил, что имею план, как с ней справиться. Все со мной дружно согласились, просто не до конца понимая, о чем идет речь. Я же этой темой занялся всерьез. Не разглашая подробностей и тем самым не привлекая к себе лишнего внимания.

– Считаешь, среди нас вражеская агентура есть? – снова не совсем по делу спросил Левашов, почти только что вспомнивший про «сольную партию».

– Среди НАС – точно нет. А вот не слишком защищенных мозгов – достаточно. Как там немцы говорят: «Что знают трое, знает свинья!» Вообще, мне кажется, нам следует тщательно и подробно, по дням и деталям разобрать и вспомнить, кто что говорил и делал. А то ведь ерунда получается – два часа говорим, а не всплыли темы, которые просто должны были проявиться в нашей беседе. Значит, либо мы о них забыли, либо в действительности все было совсем не так.

– Ну, Саша, это уже слишком, – искренне удивился Воронцов. – Как так можно – забыть? Я – все помню. И вахтенный журнал ведется, как положено. Не мной, дежурным офицером.

– Очень хорошо. Будет с чем Андреевы записки сверить. Я же вам так скажу, просто как информацию для размышлений. Мне кажется, что воображенная нами Ловушка долго ждала и позволяла нам очень многое, чтобы мы поглубже увязли, а запустилась только вчера. Видишь, какой букет условий собрался – мы с Андреем полгода шастали от нас в две тысячи третий, на Столешников, оттуда в чужой две тысячи пятый, обжились там, и Олег с нами ходил, и ты кое-чем помогал. И вот мы наконец достигли одной из промежуточных целей – состыковали вместе двух Ляховых и открыли пресловутый тоннель. Вот тут Ловушка и сработала... Я доступно выразился?

– Более чем. Значит, факт вашего с двойниками контакта там и перемещение их сюда и создали нынешнее положение? – спросил Воронцов.

– Я *предполагаю*, что это так, утверждать же не берусь. И вообще лучше всего будет, если мы прекратим *дозволенные речи*, как писалось в «Тысяче и одной ночи», и перенесем остальную часть программы. Очень полезно, кстати, будет, если с сего момента все наши разговоры на «Валгалле», в форте и иных местах писать на диктофоны или прочие носители информации. Для сравнения. – Шульгин, отбросив ернический тон, начал говорить просто и жестко. – А исследования тоннеля вы организуйте, для науки в любом случае полезно. Только сами. У меня заботы с гостями, нужно ребят к возвращению в собственное время подготовить, а Андрею, как раньше условились, Удолина поискать. Может, хоть он к посторонним воздействиям иммунитет имеет.

– Напугали вы меня, братцы, – на грани иронии и серьеза сказал Воронцов. – Не стоит ли пароход на ту сторону фьорда отвести?

– И поставить противоторпедные сети, – добавил Шульгин – А вообще идея не хуже прочих. Помнишь, по старому обычаю – уйти в сторону, а здесь имитаторы по пирсу разбросать. Лично мне – помогло. Последний раз на той Валгалле.

– Да хоть святую воду в пожарные шланги подать, а матросов в монахов афонских переаттестовать. Была бы польза, – кивнул Дмитрий.

– За это – не ручаюсь. Но с утра давайте распределим обязанности таким образом: вы с Олегом, как ни в чем не бывало, займитесь исследованиями тоннеля и окрестностей, вдруг да и обнаружится что-то неожиданно интересное. Нам сейчас ни одного шанса упускать нельзя.

– Александр продолжит воплощать намеченную программу с Ляховыми. Сразу все бросить и уйти – нельзя, иначе там такая заварушка начнется, и им, и нам мало не покажется. Глядишь, недельку-другую и выгадаем... – предложил Новиков.

– Там, в ляховском ноль пятом?

– Именно. Совершенно как в августе восемьдесят четвертого, будем исходить из постулата, что враг наших тайных планов не знает. Бьет по площадям. И ежели считает дураками – так тому и быть! Ну а я постараюсь собрать воедино весь имеющийся фактический материал: мои тексты, компьютерные разработки и с моего компа, и с главного. А Ирина поможет, по старой памяти, собрать «постороннюю» рассеянную информацию, на которую мы раньше внимания не обращали. Глядишь, в результате «познаем мы истину, и истина сделает нас свободными...».

Глава 7

Форт Росс, ноябрь 1925 г.

Привлекать кого-то еще к исследованиям тоннеля необходимости не было, да и научные исследования никого по большому счету не интересовали. Раз уж собрались в Форте, так здесь есть очень много гораздо более интересных занятий.

Только Ростокин по профессиональному любопытству заинтересовался: что тут такое затевается? Левашов ответил, что вполне рутинный процесс измерения параметров хронофизической аномалии. Игорь этим удовлетворился, только попросил поставить его в известность, если обнаружат что-нибудь хоть немного сенсационное.

– Непременно, – заверил его Олег.

С помощью вертолета на площадку перед выходом из тоннеля вначале подняли электромотор, протянули с «Валгаллы» силовые кабели, смонтировали ограждение и некое подобие шахтной клетки, движущейся по стальным направляющим. Затем установили аппаратуру, которая, по словам Левашова, должна была пошагово считывать характеристики напряженности и прочие свойства стационарного (или недавно наведенного) хронополя. По логике, оно не должно было отличаться от того, что генерировала его СПВ-установка.

Олег очень жалел, что при переброске яхты «Призрак» через пространство-время сам он не присутствовал на ее борту и не смог немедленно выяснить, каким именно образом настроенный лишь на пространственный переход прибор сработал как классическая машина времени, забросив яхту еще и на сто тридцать лет вперед. Впрочем, подобная штука однажды уже случилась, когда его же аппарат перенес Новикова с Ириной в 1991 год вместо восьмидесяти четвертого.

Однако в тот раз через четко вычисленный отрезок времени поле само собой вытолкнуло хрононавтов обратно в исходную точку. В случае же с «Призраком» все получилось совершенно иначе, и Левашову пришлось потратить много времени и сил, чтобы найти, может быть, и не единственно верное, но все же пригодное для практического использования решение.

Сейчас же, кроме «неправильной» ориентации прохода, его крайне занимал вопрос глубоко принципиальный: с каким же это природным или рукотворным феноменом он столкнулся? Каким образом может существовать само по себе хронополе, на генерацию которого лично ему в свое время требовалась чертова уйма энергии, и не выдерживали провода квартирной электросети при включении даже хиленького опытного образца, почти макета, а для пробоя канала на Валгаллу пришлось уже подключаться к районной ЛЭП. Да и сейчас любое включение установки требовало раскручивать генераторы парохода или береговой электростанции, а здесь поле стабильно существовало как бы само по себе.

Само наличие этого прохода Левашов вычислил, изучая странные кривые, появившиеся на экранах «осциллографов» в ходе попыток разобраться в физическом смысле «бокового времени» и странного феномена «наложения реальности на псевдореальность с годовым сдвигом». По его расчетам выходило, что во всех трех случаях в глубине горной расселины, метрах приблизительно в трехстах от поверхности, существует огромная напряженность хронополя, плавно падающая почти до нуля к выходу и соответственно в глубь массива. Этакое энергетическое веретено, пронзающее толщу скал и где-то там бесследно растворяющееся.

Вполне это могло быть искомой и теоретически давно предсказанной норой.

Они с Сашкой даже навестили это место в обеих реальностях под видом туристов-экстремалов, попытались проникнуть в расселину, но и там, и там уперлись в непроходимые стены.

Тогда и возник план послать туда из бокового времени двух Ляховых сразу. Организация этой операции, в силу известных причин, заняла больше полугода. И увенчалась очевидным успехом, только отнюдь не тем, что планировался.

Левашов очень жалел, что Шульгин и Новиков категорически запретили ему выходить на личный контакт с Маштаковым. Это противоречило бы их тщательно срежиссированному плану «абсолютного невмешательства». Правда, оно только называлось «абсолютным», на самом же деле было весьма и весьма относительным. Подразумевалось, что они не должны вмешиваться в происходящее в обеих реальностях именно в своем официальном качестве.

Это ставило их в позицию Антона, который тоже любые значимые изменения в человеческом мире организовывал только человеческими руками, сам как бы ни в чем не участвуя и якобы не существуя. Кто бы знал тогда, что совсем скоро им придется играть по его правилам?

Послав вперед роботов с переносными датчиками, Левашов с площадки считывал показания приборов и тут же вводил их в переносной компьютер, оснащенный специально на этот случай написанной программой.

Олег в качестве гипотезы исследования еще ночью предположил, что на самом деле пещера является не «тоннелем» в общепринятом смысле, а скорее «пересадочным узлом» по типу таковых в метрополитене, объединяющих несколько кольцевых и радиальных станций, переходов между ними на нескольких уровнях, связанных путепроводами и эскалаторами. Если это так и удастся в его устройстве и способе функционирования разобраться, то перспективы просматриваются – дух захватывает!

Самое интересное началось, разумеется, когда разведка подошла к «золотому кольцу». Большинство приборов, настроенных по параметрам левашовской установки, мгновенно зашкалило. То есть напряженность, никак не воспринимаемая органами чувств, многократно превышала ту, что обеспечивала связь с весьма и весьма далекой планетой.

Левашов протяжно свистнул и показал Воронцову пальцем на экран монитора.

– И что?

– Да то! Эта штука, если мы сообразим (Олег всегда в подобных случаях говорил «мы», словно бы раз и навсегда определив, что все происходящее является плодом совокупного творчества всей их компании, да так оно, в сущности, и было. Поодиночке никто из них не был способен даже на десятую долю того, что они творили вместе с времен ранней юности), как тут все устроено, решит все наши проблемы на сотню лет вперед.

Прикинь, если бы тебе на пароход воткнуть движок размером с автомобильный, причем требующий ведро бензина на три кругосветки...

– Так все-таки требующий? – цинично прицепился к слову Воронцов. – Все ж таки не «перпетуум-мобиле».

– Вам, воякам, вечно мало. Сделали технари бомбу в сто мегатонн, вы тут же – а можно двести? Не об том речь сейчас. Или мы столкнулись с грандиозным природным феноменом, или вот это, наконец, конкретный, грубый, зримый артефакт каких-то «левых» пришельцев. Не агтров, не форзейлей, – там мне все ж таки многое было понятно и доступно, – а черт знает, откуда взявшихся...

Воронцов спросил, а чем же отличается эта технология от «той», вроде бы гениальной и замкнутой на Великую сеть?

– Как ты не врубишься!? Гиперсеть, мы, Игроки – пойми ты... – Левашов начал горячиться, закурил нервно, поискал глазами вокруг, будто выискивая столик с напитками и закусками.

Воронцов щелкнул пальцами, и рядом тут же возник робот, включивший функцию вестового. Того, настоящего, из царского времени, примерно в стиле шульгинского Джо, но в военно-морском стиле.

Раскрыл дорожный поставец, бросил на плоский камень льняную салфетку, наполнил чарки и подал походную закуску. Бутерброды всех видов и соленую капусту в берестяной коробочке, хрусткую, с яркими звездочками моркови.

– Понять готов все, кроме того, что тебя так взволновало. Вздрогнем. Полегчало? Объясняй причину паники.

Прожевав капусту, Олег вернул себе утраченное душевное равновесие и принялся объяснять Воронцову, что цивилизации первого уровня, то есть земная, человеческая, условно говоря, второго и третьего, как аггры и форзейли, возможно, четвертого, если допустить все-таки существование пресловутых Игроков и Держателей, – это все равно как бы одна восходящая линия, экспонента называется. Отчего и было заявлено (с провокационной, может быть, целью), что Сашка с Андреем почти сравнялись с ними «духовно», а я (Олег манерно поклонился) пожалуй что, технически. Ну нет между нами непреодолимого барьера непонимания. Кому и не знать, как не тебе, с Антоном близко дружившему.

– А вот это, – Левашов обвел рукой вокруг, – совершенно другое. Помнишь, одно время был в моде Денникен, который рассказывал, что Баальбекская терраса – космодром пришельцев, а пустыня Наска – их приводная система! Не радиомаяки, не компьютерные карты – а нарисованные на двадцати километрах значки и картинки. «Люди» летают между звездами и ориентируются на глазок. Нам в те времена это казалось полным бредом, а теперь выходит, что нет. По аналогии. Мы столкнулись именно с такой штукой. Там, где я применил бы батарею «Крона», а ты – тридцатисемимиллиметровый автомат, эти ребята городят Братскую ГЭС и 406-миллиметровую дульнозарядную пушку. Мы ставим умершему вождю мраморный памятник с бюстом в полтора метра высотой, а они – египетские пирамиды для той же цели. Доступно?

– Куда уж. Но отчего не предположить, что все же это чисто природное явление? Вот образовалась сама собой такая аномалия...

– Сама собой. Ага. В результате выброса вулканических пород у подножия Везувия сам собой образовался Тадж-Махал. Или тысяча обезьян настучали-таки на машинках «Войну и мир». Ладно, пойдем дальше.

Дальше, это в смысле, что они не продолжили свою дискуссию, а просто двинулись по проходу, занимаясь рутинной работой.

Когда тоннель кончился и они вышли на кремнистую площадку, не испытав, что примечательно, тех неприятных ощущений, о которых сообщил Ляхов, Олег сказал, присев на камень и закуривая:

– Придется мне в очередной раз процитировать товарища Ленина: «За последнее время я полностью пересмотрел свои взгляды на социализм».

Тут необходимо еще раз отметить, что все наши герои учились в советских вузах, где на изучение марксизма-ленинизма отводилось ровно вдвое больше часов, чем на любую специальную дисциплину, а ежели кто посягал на аспирантуру, так тут для кандидатского минимума вынь да положь двести статей основоположников «науки наук». Наизусть. По специальному списку. Тематика – в зависимости от специализации. Оттого наши герои были людьми эрудированными и классиков цитировали вполне свободно, не задумываясь, на автопилоте.

– Выходит, что можно было, ничего специально не изобретая, бродить по земле в обличье геолога и искать такие вот тоннели. Куда бы проще вышло, – с долей обиды сказал Левашов, пальцем подзывая вестового.

Тут Воронцов с ним не согласился. Сколько таких бродило, и разве хоть раз кто-то что нашел? А вот когда Олег сделал свою машинку, события хлынули водопадом. И Антон объявился, неизвестно как разыскав Воронцова, и у Андрея с Ириной все закрутилось (а они ведь семь лет до этого были знакомы, без особых последствий), и прочее, о чем Олег не может не знать. Так вот ему, капитану Воронцову, кажется, что данный артефакт – не более чем произ-

водное от всего, что было раньше. И им эту хрень подсунули просто потому, что исчерпали предыдущие способы воздействия. Так что надо очень и очень бдить!

Сейчас, например, организовать при входе в тоннель приличный тет-де-пон, бруствер, пару пулеметных гнезд, роботов в оборону посадить, а то мало ли...

– Кстати, – вскинулся Левашов, – я как-то не сразу подумал, роботы-то наши Арку тоже совершенно свободно прошли, никак она на них не подействовала. Или – подействовала?

Он наскоро провел тестирование. Все показатели механической, интеллектуальной и энергетической деятельности псевдоорганизмов оказались в полной норме.

– Черт знает что. Непременно надо Удолина с Андреем вызывать. И того бы найти хорошо, который все это устроил, Маштакова ихнего...

– Лучше всего, – предложил Воронцов, – вообще на хрен этот вход забетонировать. Потребуется, вскроем, а иметь у себя в тылу такую вот прореху мне неуютно просто. Вот парни вылезли и сигнальную ракету запустили. А могли и боевую. Типа «Москит». Не нужно мне такого. И вчерашние слова очень здорово у меня в памяти отложились: проход удвоенного Ляхова через тоннель вполне мог сработать как сигнал к запуску Ловушки. Вполне похоже на правду. Когда берем три невинных компонента – уголь, селитру, серу, смешиваем – получаем что? Правильно.

А если человека из одной реальности вытащить, добавить его точную (а точную ли?) копию из другой, переместить в третью, пропустив предварительно через это самое поле? Здесь уже не порохом, здесь чем-то другим пахнет!

Глава 8

Из записок Андрея Новикова.

«Ретроспективы»

...Иногда неожиданно тянет на рефлексии по поводу вещей, которые, казалось бы, давно-давно осмыслены, обсуждены и задвинуты в дальний ящик, чтобы не бередить лишней раз душу. Сейчас такое желание возникло по достаточно вескому поводу. На самом деле ни с чем подобным мы еще не сталкивались. Все наши предыдущие приключения и эскапады были интересны, увлекательны, невероятны, нередко – опасны, но оставались все же в пределах некоего, с самого начала очерченного круга вещей, которые мы признавали за объективную реальность. Даже с наличием Гиперсети мы согласились, невзирая на то, что она полностью противоречила «материалистической картине мира». Сейчас – впервые столкнулись со *странным*. И слегка растерялись.

А ведь если посмотреть «с холодным вниманием», так вся странность именно в том и заключается, что *непонятное* коснулось именно нас, любимых. Все остальное человечество, в особенности та его часть, что оказалась объектом наших (и наших вдохновителей и покровителей) экспериментов, уже много лет живет в условиях намного более невероятных. Просто не имеет возможности это заметить и осознать. Разве что отдельные, самые чуткие и проницательные индивидуумы шестым чувством улавливают неестественность происходящего. Как тот же Павел Рычагов, угадавший, что влачит как бы посмертное существование. Или профессор Удолин, но он – особая статья, маг и медиум.

Кстати, из нашей славной когорты только мы с Сашкой вовремя сообразили, что творится не то. Именно за счет причастности к клану Держателей, пусть и достаточно условной. Прочие товарищи жили, как привыкли, делали, что требовали обстоятельства, и пребывали в полной уверенности, что все идет, как надо. Что занимаются они одним на всех, почти привычным делом. На самом же деле трудились враздрай. Даже память у каждого сформировалась наособицу.

Это трудно осмыслить в привычных категориях, но так оно и есть. Более того – даже субъективное время у многих из нас текло по-своему. В разном темпе, а иногда и направлении.

Да чего стоит словно бы никем из присутствующих за столом не замеченная сцена с участием Ларисы!

Когда Шульгин докладывал, какие экстренные меры предпринял без согласования с Сообществом, она вдруг возмутилась:

– А почему на прошлом собрании ты никому больше ничего не сказал? Опять сталинские методы, что ли?

– На прошлом собрании говорить было просто нечего, – с великолепным самообладаниемотреагировал на ее выпад Сашка. – Кроме отдельных малосвязанных фактов я сам ничего не знал. Да если бы и даже... Мне что, в Москву бежать, именно у тебя совета спрашивать? А если сейчас спрошу, на том же объеме информации, ты что-нибудь другое предложишь сделать?

– Дело не в рекомендации, дело в узурпации... – несколько сбросив обороты, ответила Лариса.

Хорошо, что не мне она задала свой возмущенный вопрос. Возможно, я не сумел бы обойти тему, не моргнув глазом, стал бы спорить, доказывать, удивляться, как это она не пом-

нит... Потому что «настоящая» или просто «вчерашняя» Лариса отлично все знала, и сама участвовала (и продолжает участвовать) в особом, под нее разработанном проекте.

Значит, или в нее тоже подсажена какая-то матрица, или – на наш обеденный зал, на весь форт и его гостей и обитателей наведена «порча». Неужели и на Ирину с Сильвией тоже? Или они, как и мы с Шульгиным, придержали эмоции? Им-то к подобному не привыкать.

Чем бы это закончилось, не спохватись мы с Сашкой вовремя? А очень может быть, что и ничем. Вся интрига закручена только для и вокруг нас, остальные просто статисты. Сказал же Игрок, что фигуры на доске его не волнуют. Им, фигурам, совершенно без разницы, как именно их переставляют. Даже конь, которого пошлют вдруг через длинную диагональ, ничего не возразит. Надо, значит надо.

Впрочем, я, как всегда, отвлекся. Свободный поток сознания – это хорошо. В шестидесятые годы считалось очень модным литературным направлением, хоть Катаева с его «мовизмом» вспомнить, но я-то сейчас не литературой занимаюсь.

Вернусь лучше назад, к началу событий...

...На предыдущем общем собрании Братства Шульгин, докладывая о своей деятельности Уполномоченного Чрезвычайного Комитета Службы охраны реальности и о ситуации, сложившейся на межвременных фронтах, как всегда слегка покривил душой. В самых благородных целях, разумеется.

На широком военном совете опытный полководец никогда не раскрывает *всех* своих планов перед *всеми*. Во-первых, всем знать все вовсе не обязательно. Достаточно познакомить их с общим замыслом операции и ближайшей задачей, а там пусть каждый действует в пределах своей компетенции. Дело тут не только в соблюдении режима секретности, но и в том, что нередко избыточное знание, чрезмерно расширяя кругозор, отвлекает от конкретики. Мешает выполнению собственной задачи, заставляет вольно или невольно соотносить свои действия с гипотетическим поведением других командиров, а здесь очень легко ошибиться.

Вдобавок специфика Игры имеет еще одно странное свойство: некоторые действия, направленные на изменение или корректировку реальностей, будучи совершены, какое-то время остаются как бы «черновыми». Существует некий лаг, зазор, в течение которого «ход» еще можно «взять назад».

Ирина в свое время называла это эффектом «растянутого настоящего». Событие уже произошло, но до тех пор, пока информация о нем не дошла до достаточно широкого круга «посвященных», не зафиксировалась в их мировосприятии, событие не приобрело законченную мыслеформу, оно как бы остается некоей гипотезой, эксцессом исполнителя в крайнем случае.

Приблизительно так, как во всех деталях проигранное в уме убийство, со всеми натуралистическими подробностями, остается таковым только для автора замысла. Оно способно повлиять на его личную карму, но пока не имеет выхода в реальность. Нужен заключительный штрих – механическое воздействие на объект умысла. Или – в ином ключе: написанная автором, но никому не прочитанная и не поставленная на театре пьеса сколь угодно долго не является фактом культурной жизни и литературного процесса. Ее можно спрятать в дальний угол стола или уничтожить, – ни для кого, кроме автора, это не будет иметь никаких последствий. А вот будучи сыгранной – может веками воздействовать на умы и судьбы миллионов людей. Вроде того же «Гамлета»...

Таким образом, умолчав перед членами Братства (в котором, по известной формуле, «все братья равны, но некоторые равнее других») о том, что он уже побывал в реальности «2005» и даже совершил там некоторые действия, Шульгин как бы не сделал этот факт окончатель-

ным. Тут надо вспомнить еще одно свойство Ловушек Сознания. Они тоже не могли полностью завладеть личностью своей жертвы до тех пор, пока жертва не признавала подлинность навязываемой иллюзии. Так Ростокин сумел выскочить из шкуры князя Игоря XIII века, а сам Шульгин – вернуться домой после чересчур тесного контакта с оставленным в Замке компьютером Антона.

Побывав в псевдореальности Ляхова, Шульгин не оставил в ней достоверных доказательств *собственного* присутствия. Мало ли, что некий сэр Ричард более года назад возник в том мире неизвестно откуда, обычными и вполне приемлемыми способами вмешался в налаженную жизнь резидентуры «Черного интернационала», совершил несколько силовых и интеллектуальных акций?

Это ведь был, для Ловушки, именно Ричард Мэллони, «анкл Дик», вымышленная, химерическая личность, и сам он, пребывая там, ощущал и позиционировал себя именно в этом качестве. Для него это было не так уж сложно. Появлялся в точно рассчитанные моменты под чужой личиной и так же уходил.

Пока даже близкие друзья считали, что вся его напряженная деятельность разворачивается исключительно в реале-2003 (также с соблюдением всех требований техники безопасности), никаких новых возмущений ткани времени отмечено не было. В конце концов, аккуратные, точно выверенные действия, не затрагивающие основ чрезвычайно сумбурной, на взгляд Шульгина, жизни начавшегося XXI века, ничего кардинально там нарушить не могли. Тем более что на всякий случай «куда следует» (т. е. в Гиперсеть) было сообщено, что этот реал вообще объектом Игры не является. Так, пустое место для маневра фишками, как в популярной некогда игре «15».

Новая псевдореальность изменений тоже пока не претерпела. По крайней мере, так хотелось думать. А другого пути у нас все равно не было.

Глава 9

Из записок Андрея Новикова.

«Ретроспективы»

На мгновение Новикову показалось, что действительно вернулись те самые времена. Антон – полномочный посланец высших «светлых сил», он – неизвестно каким образом затесавшийся в чужую компанию простой московский парень. Может, так и лучше было бы?

Но тут же опомнился. Бывает, встретились через много лет два человека. Когда-то один был, скажем, капитаном, а другой – младшим лейтенантом. Теперь первый – майор перед пенсией, второй – генерал. Так он в этот момент ощутил разницу в их статусах. Можно из сентиментальности или сочувствия общаться на прежнем уровне, можно – на нынешнем. Андрей выбрал средний вариант.

– Я тебя не сильно отвлек от серьезных дел? Честно сказать, не хотел. Но так складывается.

– Как у вас складывается – я знаю. Об этом ведь и был разговор. Вы свою судьбу выбрали, вы в своем праве. «Делайте сами, решайте сами, иметь или не иметь». Помнишь такую песенку?

– Я-то помню. А ты свои обязательства помнишь?

Антон на мгновение показался озадаченным. Андрей ему пояснил:

– Что ты говорил Воронцову, а потом и мне тоже? Сделайте, мол, ребята, это и это, а уж я перед вами в долгу не останусь! И пролетел ты, получается, друг сердешный. Обещал провинциальным придуркам, а отвечать по полной приходится «авторитетам». Наш преступный мир – штука мерзкая, но вот касательно законов и понятий схема четко отлажена. За базар – отвечай!

Андрей сам не знал, откуда у него брались именно эти слова, но для него они, в общем, были не чужды, тем более что однажды они с Антоном уже беседовали так, когда тот предстал в облике послевоенного «вора в законе». Тогда это означало не высокий титул в иерархии, а просто принадлежность к одной из уголовных корпораций, «законников» и «сук».

Антон со странной покорностью согласился.

– Да, если обещал – отвечу. Спрашивай.

Смысл «предъявы» Новикова был несколько иным, но и поза покорности некогда гордого форзейля его устроила. И он в тщательно подобранных фразах (не зря готовились) изложил Антону суть их нынешней проблемы.

– Это, друг мой, необходимое следствие твоей нынешней роли, – ответил тот. – В свое время и я мучился подобными заморочками, и не один век, прошу заметить. Молод был, в меру необразован и согласился заняться проблемами захолустной цивилизации в расчете на дальнейшую карьеру. А у нас, если помнишь, карьера – это ничуть не меньший императив, чем у вас, православных, забота о спасении души. Но в конце концов появились вы, и я с наслаждением сбросил с себя это бремя. Теперь живу – дай Бог каждому!

– Вроде султана Брунея?

– Вроде. Только у вашего султана все равно вокруг двести государств, из которых три десятка – мнящих себя великими, и с каждым нужно строить какие-то отношения, а у меня – отличная планетная система, с высококультурным, чрезвычайно миролюбивым населением, где я – царь, бог и воинский начальник, и вокруг на десять парсек больше ни единого обитаемого небесного тела.

– Прими мои поздравления, – совершенно искренне сказал Андрей, – но мне ты все-таки поможешь?

– Александр Иванович, поднеси-ка нам по стаканчику, – словно половому в трактире крикнул Антон, и, к полному удивлению Новикова, Шульгин немедленно исполнил полупросьбу, полуприказание. Поставил знакомые серебряные чарки на подоконник между ними и, как ни в чем не бывало, вернулся к своим занятиям с Удолиным.

– Помогу, – продолжил фразу Антон, чокаясь с Андреем. – Но ты понял?

– Не все, – осторожно ответил Новиков.

– А очень просто. Делай, что хочешь, но имей в виду – край у вас пока что обозначен. И ты, и он могли бы сейчас послать меня по матушке и дальше, а то и рюмку в морду выплеснуть, однако он послушался, ты – не возразил...

Андрей испытал очень неприятное ощущение при этих словах. Да, действительно, слабы они еще...

– Да ты не переживай. Ничего особенного. Демонстрация строго в пределах вашего собственного уровня восприятия. Держи в уме, и все будет тип-топ. Что же касается вопроса, ради которого вы сюда прибыли, – никаких возражений. Как у вас любят выражаться политики – чистый карт-бланш. (Столько же смысла, как в полном аншлаге.) Я считаю, что планируемые мероприятия вокруг столь заинтересовавшей вас новой реальности ничьих интересов, кроме ваших, не затрагивают. Да и ваши, поверь мне, они затрагивают только по причине неукротимого зуда в заднице от добровольно воткнутого туда шила. Чего бы не сидеть спокойно, как вам было рекомендовано?

– А чего людям вообще никогда и нигде не сиделось, как только интересные дела вокруг обозначивались? То вокруг мыса Горн обойти хотелось, то вокруг Африки. Одному Индию подавай, другому – Северо-Западный проход. Ну такие мы вот, куда денешься?

– Можешь не объяснять. В силу моей должности и исторического опыта я пока еще разбираюсь в вас, людях, никак не хуже тебя. А скорее всего, и лучше...

– То-то же проиграл по большому счету.

– Я же не *людям* вообще проиграл. Я (точнее, олицетворенная во мне функция) проиграл *вам*, как явлению высшего по отношению к *тому Антону* порядка. Чувствуешь разницу? Но разговор в этом ключе заведет нас слишком далеко. Давай по сути. Как вам не раз уже сообщалось, вы являлись субъектами Игры лишь в той мере, в какой за вами эта функция признавалась. Согласись, игроком (в любом смысле) можно быть лишь в том случае, если тебя соглашаются видеть в таком качестве и у тебя есть партнеры...

– Резонно.

– Сейчас у тебя нет партнера. Осталась шахматная доска, ломберный или бильярдный стол, стаканчик с костями... А играть хочется, ты уже не можешь не играть. И вот начинаешь фантазировать, сам себе придумывать противника.

– То есть, по-твоему, на самом деле в мире ничего тревожного не происходит?

– На самом деле – ничего, – безмятежно сказал Антон. – Продолжая нашу аналогию, скажу так. Партия отложена, партнер ушел. Ты смотришь на доску, твоя позиция тебе не нравится. Через пять или десять ходов неизбежно поражение. Ты анализируешь, ищешь выигрышные ходы, допустим даже, находишь. Но что толку? Начнешь двигать фигуры за себя и за противника? Поставишь ему мат? Но сам-то понимаешь, что это абсолютно ничего не значит? На турнирной таблице такой выигрыш не отразится. Объективно – для судей, для зрителей все останется точно так, как при последнем, официально записанном ходе...

– Постой, что ты мне голову морочишь? На самом деле все происходящее у нас, и в остальных реальностях – происходит! И те угрозы, что просчитал Шульгин, – они вполне настоящие и предполагают распад всего...

– Верно, – легко согласился Антон. – Только к Игре это уже не имеет никакого отношения. Как, скажем, пожар в шахматном клубе к рейтингу шахматистов...

Андрей понял, что форзейль над ним издевается. Мстит, если он способен на такие чувства, за все свои прошлые поражения, за ту роль, которую его заставили играть Высшие силы. Или – просто делает, что приказано.

Ответил со всей тщательно скрываемой злостью. Мол, хватит размазывать манную кашу по чистому столу. И еще пришлось к месту подходящая цитата оттуда же: «Если бы, Антон, я держал тебя за идиота, я так бы и сказал. Но я тебя не держу за идиота и упаси меня бог тебя за такого держать»²¹. Так что давай начистоту, как положено уважающим друг друга людям. Я пришел за ответом (за советом). Дай мне его, если хочешь и можешь. Нет – так нет.

Свободу действий мы оставляем за собой. Полезем в Узел с отверткой и паяльником, еще что-нибудь учиним, может, правильное, а может – катастрофическое. Катастрофа нам не нужна, но и наблюдать, как вокруг творится какая-то чертовщина, спокойно не можем. В конце концов, это ты и твои хозяева сделали нас такими. Прошлый раз вроде бы было сказано, что Игрокам жаль просто так бросать хорошую партию, слишком много трудов вложено и удовольствия получено. Доиграйте сами...

Но у нас не получается! Слишком много правил мы не знаем. Хотя бы самоучитель оставили. А раз не оставили – так хоть подскажите...

Против желания Андрея его начатая резко и агрессивно тирада в итоге прозвучала почти как мольба.

Может быть, именно этого от него и ждали. Подобающего тона.

– Ну, хорошо, – ответил Антон. – Это, конечно, тоже против правил, но случай у нас особый. Кое на какие вопросы ответить можно. А то и вправду дров наломаете. Главное, чтобы вопросы были правильные.

Старая хохма. Чтобы задать правильный вопрос, нужно предварительно знать правильный ответ. И тем не менее случаем надо пользоваться, другого может и не представиться.

– Давай. Только условимся – отвечаешь правду. Не хочешь или не можешь – так и скажи, только не вводи в заблуждение.

– Это само собой разумеется.

Спросить хотелось очень о многом, все их предыдущие встречи всегда заканчивались большими недоговоренностями, предоставлявшими слишком широкий простор для «превратных толкований». Отчего, собственно, они и пришли к нынешнему положению вещей. Ответил бы Антон еще в самом начале хоть на один кардинальный вопрос исчерпывающе – совсем бы по-другому они сейчас жили.

– Ну, поехали. У нас действительно не хватает сил, чтобы самостоятельно «держать реальность»? Или нам сознательно противодействуют, вводя дополнительные помехи?

– На одну реальность сил у вас хватает, что очевидно на примере «крымской». Сознательно никто не противодействует, если ты имеешь в виду наших Игроков. Они обещали не вмешиваться – они выполняют.

– Тогда в чем дело? Почему общий расклад все время ухудшается?

– С чего ты взял?

– А новая псевдореальность? А деформация времени, разрывы, химеры? Угроза всеобщего коллапса, наконец?

– Увы, это норма жизни, закон природы, закон игры, если угодно. Ты ведь знаешь, если субъект в состоянии сформировать всеобъемлющую, жизнеспособную мыслеформу реальности, с какого-то момента она начинает функционировать «в автоматическом режиме».

²¹ И. Бабель. Одесские рассказы.

В соответствии с собственными базовыми установками. Как ваша «крымская». Чтобы держать ее «на плаву», вам уже хватает нормальных политических и экономических технологий. То же самое с Главной последовательностью. Плоха она или хороша, но она живет и жить будет, мы ее в свое время отладили.

Все же прочие... Некоторые из них возникли сами собой, но как следствие постороннего вмешательства в механизм Узла. Опять как в шахматах. Маэстро, анализируя отложенную партию, сделал некий эффектный ход, а потом от него отказался в пользу лучшего. Но ассистент или просто случайный очевидец успел записать его в свой блокнотик. А потом и опубликовать.

Кому-то этот ход понравился, и он начал на своей доске продолжать партию от него, а не от настоящего, «окончательного». Вот тебе и химера. Вы пытаетесь взять и ее под контроль – ради бога, действуйте, если сил хватит. Кстати, идея посадить в 2056 году своего резидента и основать там базу – хорошая, плодотворная дебютная идея. Есть шансы...

Но Ловушка может оказаться сильнее. Ты же учти, создана она не Игроками и не Держателями, это имманентное свойство Гиперсети. Механизм их функционирования по-настоящему не известен никому (в пределах наших уровней познания). Это такая же данность, как правило: «Дама бьется, своя и чужая». Так что Шульгин правильно сообразил, и это подтверждает его статус...

– Кстати, а почему он сейчас выключен из общения? И даже будто зомбирован...

– Такая связь образовалась. В коммутатор включился именно ты. Почему – не знаю. Возможно, он тоже на связи, но на ином горизонте. Так вот о Ловушке. Мне кажется, она настроена не на вас. Тут что-то другое. Я уже говорил при одной из прошлых встреч, что не исключается, на этом поле играет кто-то еще. Причем в другую игру. Одни в футбол, другие в гольф. Друг друга не видят и не ощущают, а кое-какие взаимовлияния все же происходят. Но это только мои предположения. В любом случае есть мнение, что планируемое вмешательство лично вам ничем не грозит.

Как элементарный спортивный проигрыш. Ну, вылетел ты из полуфинала, утерся и пошел домой. Обидно, согласен, иногда – очень, но жизнь ведь не кончена. Плюнь на неполученную олимпийскую медаль и подстригай розы в своем садике. Уж его-то у тебя не отнимут.

Так что попробуйте, если считаете, что эта проблема для вас существенна. А вообще человек разумный, склонный к логике и поискам достоверности, натываясь на проблемы, стремится их по возможности обойти... Умный в гору не пойдет.

– Играет кто-то еще, – пробуя слова на вкус, повторил Андрей. – А где я побывал только что, ты знаешь? Что это еще за псевдомир, очень похожий на дальнейшее развитие Главной последовательности? Для чего меня туда втолкнули и кто оставил там эту машинку?

Он протянул форзейлю тетрадь.

– Что за язык? Не ваш?

Антон пустил страницы веером из-под пальцев, совершенно тем жестом, что Андрей только что в музее, успевая, однако, пробежать глазами по строчкам.

– Не наш. Аггрианский. Забавно. Действительно, теоретическое обоснование, конструктивные схемы, инструкция по применению. Очередной преобразователь пространства-времени. Явно самопальный, техническое творчество на дому. Неведомый предшественник вашего Левашова изобрел и описал. Вот только кому вдруг потребовалось вновь ввести это чудо технического убожества в обращение? Ты же знаешь, у аггров последние тысячи лет технический прогресс не существует даже как термин...

– Так это как раз не прогресс, а явный регресс. По сравнению с их шарами и блок-универсалами.

– В том и штука. Значит, автор сам по себе (или с чьей-то помощью) приподнялся выше раз навсегда заданного уровня. Способность к творчеству – не аггрианская черта. Вообрази

муравья-листореза, который миллион лет обходился челюстями и вдруг придумал ножницы. Не бог весть какое изобретение, но тенденция...

– С этим мы как-нибудь разберемся, когда текст прочитаем. Давай еще раз к нашим баранам вернемся...

Новикову хотелось, особенно с предположением того, что встреча может быть и последней, заходя то с одной, то с другой стороны, вытянуть из Антона как можно больше. Или случайно нужный вопрос сформулируется, или форзейль проговорится, поймается на нехитрый прием следователя.

– Как же оно все-таки случилось? Мы ведь честно соблюдали условия и рекомендации. Реальность «1920» была отдана тобой в наше полное и бессрочное владение. Ты не то чтобы клялся, но со всей определенностью утверждал, что если мы уйдем туда, Сеть успокоится, забудет о нашем существовании, и мы сможем поступать там, как сочтем нужным. А что в итоге?

– Твоя наивность или, наоборот, простодушное нахальство меня временами поражает. Как забеременевшая гимназистка удивлялась: «Так я же сделала это всего один разик, да и то не всерьез!»

В XXI век полезли? Сначала ты с «Призраком», потом Шульгин. С местными криптократами политические вопросы обсуждали? С Ростокиным дружили? А он, кстати, сам во всякие потусторонние дела замешан и даже по нескольким линиям. Вот и вы приобщились. В Москву двадцать четвертого его через внепространство таскали? В боях он участвовал? Какое тебе еще потрясение основ нужно? Кажется, очень просто и понятно было сказано – хотите жить, сидите спокойно. А у вас, как еще в одном анекдоте: «Выпили? Выпили. Поспивали песни? Поспивали. А теперь постреляем. Давай, но тильки щоб тихо-тихо». Тихо-тихо, как видишь, не получилось. Что-то вы такое опять растревожили.

– Что, не подскажешь?

– Знать бы самому. Я же личность с ограниченным допуском. Даже до кандидата в Держатели не дотягиваю...

– А жизненный опыт? – польстил Новиков.

– Разве что. Только все равно не знаю. На другом уровне работал. У нас все просто было. Мы на такие масштабные проекты не замахивались. Вон, всего лишь аггров с вашей помощью окоротили, и то меня чуть в дворники не сослали, а Замок велели эвакуировать. Зато вы без нас гульнули – раззудись, рука... Вот и получили... симметричный ответ.

Что угодно против вас могло сработать. Сама по себе Сеть со всей ее миллиардолетней программой самозащиты. Ловушки, от нее независимые, но настроенные в том же ключе. Законы типа «действие равно противодействию» и «угол падения равен углу отражения». Тебе ведь никогда не приходило в голову добиваться у учителя, а *кто* же именно обеспечивает строгое выполнение правила: «Тело, впернутое в воду, выпирает на свободу с силой выпертой воды телом, впернутым туды»?

Эта шутка явно была подхвачена Антоном у Воронцова, неоднократно сию трактовку закона Архимеда повторявшего и утверждавшего, что придумана была она не кем иным, как писателем Виктором Конечким, учившимся в той же Фрунзенке, но двадцатью годами раньше.

Андрей согласился, что да, такой ерундой он учителей не напрягал. Были забавы и покруче.

– Из чего следует, что процесс противодействия всяким несовместимым с требованиями времени безобразиям можно считать объективным. Объективно же только то, что не зависит от точки зрения и желаний отдельно взятого человека, а также и исторической общности в целом. Отчего смешно думать, что «Система», с которой Шульгин борется у вас, является продуктом сознательной деятельности какой-нибудь «мировой закулисы» или сионских мудрецов. Она возникла сама по себе, а участвующие в проводимых ею акциях люди – просто люди,

оказавшиеся в определенное время в определенном месте и не могущие поступать иначе, чем поступают.

Лемминги когда и зачем прыгают в море?

Отчего национал-социализм и прочие фашизмы возникли там-то и тогда-то, охватили десятки миллионов людей, двадцать лет творили всяческие безобразия, а потом исчезли и сегодня не соберут и сотни боеспособных сторонников?

По этому поводу у Андрея было собственное мнение, но ввязываться в диспут он не стал.

– То же самое пресловутая «Аль Каида» и иные террористические движения в том мире, куда вам скоро придется сходить. И «Черный интернационал» в соседнем. И то, что сейчас вы воспринимаете как некую силу, направленную против вас лично, таковой, очевидно, не является. Это нормальное следствие действий, направленных против сложившегося порядка вещей.

Да что мы в дебри истории и политики лезем? Куда проще есть ответы, хоть у Олега спроси. В любой решаемой компьютером инженерной задаче, хоть в расчете прочности корабельного корпуса, достаточно изменить один-два параметра (длина, ширина, сорт стали килля и шпангоутов), и он сам собой начнет менять почти все остальное, чтобы в итоге получилась отвечающая исходным требованиям конструкция.

Или напишет тебе «Еггог», если идея обозначится совсем уж дурацкая, вроде атомного авианосца с композитным дерево-железным корпусом.

– Значит, и нам написали?

– Это ты сам соображай, образования должно хватить.

– Злишься, Антон, за прошлое и настоящее, или такую педагогическую методику избрал?

– Вот-вот, только педагогикой я с тобой еще не занимался...

– Тогда в чем дело? Один из Игроков нам сказал, что созданная мыслеформа в состоянии удерживать воображенную реальность сколь угодно долго, если она уже сложилась. А ведь с «2056» нам и этого делать не пришлось, она уже существовала сама по себе, мы, если так можно сказать, просто «согласились» с ее подлинностью, ничего специально не воображая. Откуда же противодействие?

Здесь Антон позволил себе очередную снисходительную усмешку. Они у него часто возникали на лице в то еще время, в случаях, когда он ухитрялся поставить в тупик вроде бы выигрывавших у него по очкам партнеров.

– Ну кто тебе сказал, что все было именно так? У тебя по-прежнему преобладает романтический склад мышления. Не пробовал задуматься – а вдруг и Австралия, и Москва, и генерал Суздалев просто приснились тебе, когда «Призрак» выбросило неизвестно куда, в пустой, готовый к приему любой мыслеформы континуум? А потом ты только достраивал его своим воображением до приемлемого к восприятию со стороны состояния?

Мысль показалась Андрею вполне заслуживающей внимания. Но если принять еще и ее – они забредут в такие дебри, что даже в пределах и условиях Замка из них живьем не выбраться. А уж там, снаружи – так и вообще.

А Антон продолжал:

– Знаешь, решил как-то один ученик чародея попрактиковаться, произнес все необходимые заклинания и сотворил возникшую у него в воображении великолепную китайскую вазу. Ваза получилась совсем как настоящая, со всеми положенными синими драконами, белой глазурью и тонким звоном, если ударить по ней палочкой слоновой кости. Прелесть, одно слово. Но ровно до тех пор, как он решил налить в нее воды и поставить цветок.

И тут ваза потекла. В одном месте только капли просачивались, в других прямо струей било. А отчего? Форму-то, рисунок и прочие *внешние* свойства он представить сумел, а вот о *внутренних* не задумался даже. О таких пустяках, как структура кристаллической решетки, расстояние между молекулами, ну и тому подобное...

– Так, значит?.. – вникая в сказанное, произнес Новиков.

– В предельном виде – именно так. Ваш случай, конечно, немного легче. И выход у вас наверняка есть. О самом первом и простом говорить не будем, он тебе известен и тебя не устраивает...

– Остаться в двадцать пятом и больше никуда не соваться?

– Так точно. В любом же другом варианте вам придется на ходу совершенствовать свои сверхчувственные способности и либо ловить ветер всеми парусами, либо ловить «конский топот», как получится.

– Спасибо за откровенность, друг. И все же, как в старое время, поговорим по-мужски? Можешь дать нормальный совет? Честный, без дипломатии и демагогии?

Здесь Новиков выбрал несколько рискованную тактику. Чуть-чуть пережмешь в сторону сентиментальности, продемонстрируешь, что дрогнул душой, не только Антон, а и стоящие за ним силы посчитают тебя не заслуживающим уважения, слабаком, авторитет твой рухнет, мыслеформы, удерживаемые тем же авторитетом и характером, начнут расползаться и деформироваться еще быстрее.

Вообразят, что по-прежнему считаешь себя умнее и хитрее других, а демонстрацией некоторой растерянности их просто «разводишь», – обидятся и ответят адекватной подлянкой.

Но, кажется, удалось ему попасть в самую ту точку, опять пробежать по лезвию бритвы. Далеко ли – другой вопрос.

– Александр Иванович, подойди сюда, – вдруг окликнул Антон Шульгина. Тот подошел, как ни в чем не бывало.

– Ты все слышал?

– Не то чтобы слышал, но знаю, о чем шла речь. Ваш ответ нас с Андреем устраивает. Теперь к сути....

– Подожди. Забавный вариант внезапно обнаружился. Кто-то, я честно не знаю, кто и зачем, показал Андрею мир, почти совершенно подлинный. Буквально на волосок рассогласованный с вашим исходным. По своей связи я только что проконсультировался. Из «наших» к этому никто не причастен.

Возможно, вашим тройным ударом по астралу инициировался элементарный сбой в работе Узла. Как если по телевизору – кулаком. Картинка мигнула, луч в трубке отклонился, кусочек другой программы на секунду на экране возник. Только удивительно, что тебя, Андрей, туда занесло. Александру бы, по всем расчетам, полагалось, потому что очень мне кажется, что вот это, – он потряс тетрадь, – творение твоего друга Лихарева. Он ведь в свое время бесследно исчез? И каким-то образом вместо Москвы оказался в том городе, построил там свою машину? Загадка. Как, зачем, почему?

– Что, Игроки этого выяснить не могут?

– Если захотят, наверное, могут. А захотят ли – совсем не уверен. Не их уровня задача. Прям к рассмотрению Генпрокуратура дело о хищении конфеты у первоклассника Иванова неустановленным лицом?

– Что, действительно корректная аналогия? – не поверил Шульгин. – Вдруг конфета не простая, с героином, и не одна, первоклассник Иванов – распространитель, цепочка, по оперативным данным, до солидных людей в столице тянется?

– Ну, не знаю. В любом случае не моя компетенция. Интересуетесь – попробуйте сами достучаться. Тетрадку же Сильвии покажите. Она вам переведет, тогда и думайте, как поступить.

– Подумаем, – заверил его Шульгин. – Мы не за этим снова в Сеть сунулись. Действительно за советом и помощью. Вам бескорыстно помогали, хотя и тогда могли, как ты сейчас советуешь, удалиться в свой садик, поливать и стричь розы.

Допустим, мы все же решили попытаться стабилизировать весь веер реальностей, сохранить ростокинскую цивилизацию. Просто из спортивного интереса и для поддержания самоуважения. Не привык я с дистанции сходить, пока ноги переставлять могу, и с ринга убежать, получив пару раз по морде.

Можете, по старой дружбе или в виде гуманитарной помощи слаборазвитым народам, сделать, на солидном уровне, чтобы столешниковская база работала и в «химере», и никаких дополнительных возмущений не вносила? Я понимаю – база эта не *ваша*, но ведь и мы там, можно сказать, обжились, и ты как-то на нее влиять и управлять, наверное, умеешь... И еще – дай мне под твоим контролем, еще раз зайти в твой компьютер. Я прошлый раз не все успел запомнить. Побоялся, что растворюсь там, и выскочил. А сейчас ты меня поддержи. Чтобы вошел и вышел. Нам, пожалуй, только это и нужно на данном этапе. Дальше мы как-нибудь сами...

Антон помолчал с таким видом, словно принимал ответственное решение. Или – просто прислушивался к внутреннему голосу.

– Это – сделать можно, – ответил он с расстановкой. – Но, пожалуй, только это. Остальное сами. Или, я бы еще раз посоветовал, бросьте свою затею. Мало вам других забот?

– Но мой прогноз верен? Может Ловушка поглотить мир Ростокина?

– И Главную последовательность? – добавил Новиков.

Антон снова задумался. Хитрые, оказывается, вопросы они с Сашкой умеют задавать, если даже Игрокам требуются паузы.

– Поглотить – нет. Но воздействие на нее от постоянных перемыканий, и сейчас осязаемое, имеет тенденцию нарастать. Ловушка, можно сказать, сбрасывает в Главную реальность элементы собственного хаоса. То ли самоочищается, то ли это просто такая диверсия. Тот же «Черный интернационал» определенным образом, через какие-то связи Узла поддерживает, подпитывает экстремистские движения в реале. И наоборот, наверное.

– Так о чем же еще спорить? Ты сам должен болеть душой за свое творение. Помогай уж, братец, как мы тебе помогали.

Чем-то слова Шульгина Антона задели. Затронули, так сказать, струны...

– Ты как репей, Саша, прицепишься, не оторвешь. Ну, пошли к монитору, посмотрим, что у нас получится...

Когда они прощались, Антон, как когда-то, во времена их почти безмятежной дружбы, сказал, положив ладони на плечи обоих:

– Парни, я вас совершенно от души прошу – не лазайте больше в Сеть. Угробитесь вы там рано или поздно. Не ваш пока уровень. С аэроклубовскими летными правами можно в боевой истребитель залезть. И взлететь можно, и сесть иногда удается. Но не воздушный бой с асами вести... Квартира будет работать, даже в ростокинский мир, если повезет, откроется. В ней – безопасно! Совсем неважно станет – можете в Замок отступить, вам это уже давно предлагалось. Я его, считай, для вас от демонтажа спас. И формулу я вам короткую дам, чтобы зря астрал не сотрясали. Люблю я вас почему-то, хочу, чтобы *наш общий мир* лучше вы держали, чем какой-нибудь новый Гитлер или Пол Пот. Свято место пусто не бывает. Вы исчезнете, *засменщиками* дело не станет. Ну, договорились?

Новиков замялся, не зная, что ответить. Слова Антона звучали искренне, насколько землянин мог оценить эмоции и побуждения форзейля. Или тех, кто, возможно, управлял его языком и голосовыми связками.

– Договорились, – ответил за них обоих Шульгин. – Нам, знаешь, тоже за просто так пропадать не хочется. Друзей и домочадцев сиротами оставлять. Но если очень надо будет, хотя бы здесь мы с тобой сумеем встретиться? Мы, знаешь, тоже к тебе привыкли...

Глава 10

Из записок Андрея Новикова.

«Ретроспективы»

Главное, что я вынес из последних событий, и в Музее, и в Замке – ощущение глухого психологического тупика. Можно поверить Антону как старому товарищу и всегда, в общем, благожелательно настроенному к нам «человеку». Будь он только человеком времен «первого Замка», я бы предпочел поверить.

Считая же его и «Тайным послом – форзейлем», и эффектором Игроков-Держателей, верить нельзя ни в коем случае. Где игра, там и блеф. Вообразите себя упрашивающим партнера по покеру: «Ну скажите, ну пожалуйста, у вас на руках флеш или две двойки? Мне это очень важно знать, если я казенные деньги не отыграю, меня в тюрьму посадят...» Особенно если партнер – профессиональный шулер, который с этого кормится.

Нормальная коллизия. И претендовать на что-либо иное – крайняя наивность.

И все же мы вернулись из Замка, в какой-то мере успокоенные Антоном, данными им «гарантиями» нашей неприкосновенности в пределах по-прежнему единственно родного для нас двадцать пятого года, да и разрешением без особой оглядки вновь пользоваться столешниковским переходным порталом. Я здесь называю «квартиру» так, потому что Антон сообщил мне формулу переключения ее на режим межвременного перемещения изнутри.

Во время событий тридцать восьмого года, когда совместными усилиями Шульгина, Антона и Сильвии реальность претерпела очередную деформацию с малопредсказуемыми последствиями, форзейль ухитрился, втайне от Лихарева, всадить в систему управления квартирой свои «эффекторы», которые в определенном смысле превратили ее в филиал Замка. Раньше только из него можно было выходить в почти любую точку пространства-времени, кроме «запрещенных» или «блокированных». Кем запрещенных? Да, наверное, теми же Игроками. Или законами природы.

А вот для чего Антон произвел такую перенастройку, для меня по-прежнему остается тайной. Вариантов ответа несколько, и степень достоверности каждого определяется только моим собственным воображением.

Первое: для своих собственных целей, когда он еще надеялся остаться на Земле в качестве шеф-атташе и исход борьбы непосредственно с агграми и собственным руководством представлялся ему неочевидным. Тридцать восьмой год, как всем понятно, предшествует и шестьдесят шестому, и восемьдесят четвертому, поэтому, связавшись с Сашкой там, он еще не был вполне уверен, как это отразится на событиях тридцати – пятидесятилетней удаленности.

Второе: чтобы действительно помочь нам, расширить «горизонт возможностей», когда сам Антон уйдет навсегда и мы останемся предоставлены сами себе и то ли доброй, то ли злой воле Игроков, к которым сам он и вся его цивилизация испытывали, при всей явной лояльности, отнюдь не христианские чувства. О причинах я уже писал раньше. Эта гипотеза имеет право на существование, если все же признать наличие у Антона «благородства» в человеческом смысле.

//Пометка на полях: здесь я снова демонстрирую присущую мне, похоже, имманентно, «презумпцию виновности». Что бы ни делали форзейли, аггры,

Игроки, в глубине души я испытываю к ним недоверие и жду очередной пакости. А это ведь по большому счету постоянно заводит в тот самый философский и психологический тупик.//

И третье, проистекающее из второго: мы имеем дело с очередной выходкой Антона или его «хозяев» (я все время путаюсь в терминологии, потому что давно уже не в состоянии понять, как там у них все закручено в смысле взаимоотношений), имеющей целью направить вектор нашей деятельности в непонятную нам, но зачем-то нужную им сторону. Проще говоря, получив возможность использовать квартиру в новой сущности, мы непременно станем ее использовать, и это приведет к каким-то результатам. Но к каким?

Круговорот рефлексий, в которые я сам себя постоянно загоняю, утомляет гораздо больше, чем нестихающая зубная боль.

Я бы очень хотел найти способ заставить себя прекратить эти беспорядочные и бессмысленные метания воображения и совести. Да, именно так, наедине с собой и листами тетради я могу сказать, что данная «химера» (совесть) в нас по-прежнему присутствует, как бы смешно и глупо это ни выглядело с точки зрения любого нормального циника, не в обыденном смысле, а исключительно философском. Бытовой цинизм и «киническая» школа – разные вещи, согласимся с этим?

Не хочу слишком распространяться, но ведь на самом деле – получив ни с того ни с сего неограниченные возможности жрать, пить, иметь девушек и женщин любого класса и в любом количестве, распоряжаться людскими судьбами и вообще историей (от товарища Сталина – хоть настоящего, хоть в моем исполнении – все это требовало гораздо больше физических и нравственных сил), я уже пятый год испытываю намного больше отрицательных эмоций, чем позитивных. Уже и с Ириной отношения как-то странно разлаживаются...

Может быть, на самом деле лучше было бы остаться в сталинской личине? Это звучит дико с определенных позиций, но даже там смысла и определенности было больше. Есть роль, есть непреложное требование времени – и ничего больше. Так же, как у Черчилля, у Рузвельта, да хоть бы и у Лютера: «Я так стою и не могу иначе!»

И Румате Эсторскому было проще, он лишь участвовал в научном эксперименте, за который не нес личной моральной ответственности, пусть и в неприятных для него обстоятельствах.

А я? Зачем живу и зачем делаю то, что делаю?

Снял трубку телефона. Позвонил не Ирине, не Сашке, капитану Воронцову. Мог бы, вместо него, Алексею Берестину, но там разговор с раздиранием рубашки на груди непременно был бы окрашен личными тонами. Никто бы ничего друг другу не сказал «на ту тему», мы с ним давным-давно условились (вернее, это он мне объяснил), что никакого соперничества между нами не было, да и смешно, если б было. Однако...

А с Воронцовым можно поговорить без дураков. Он парень резкий и жесткий, а каким еще быть настоящему мореману, с юных лет призванному и поставленному руководить массой людей, совершенно не настроенных на то, чтобы подчиняться?

Я никогда в жизни не командовал никем, не имел ни одного подчиненного, обязанного под страхом наказания или смерти выполнять чью угодно волю, но оформленную и «озвученную» лично мною. Шофера или машинистку корпункта я в виду не имею. Те могли в любой момент послать меня куда угодно, рискуя, в худшем случае, только увольнением от должности и отправкой на Родину. Что в итоге сделали со мною, не с ними, более решительные, или, как писал Салтыков-Щедрин, – «бестрепетные» люди.

Зато у нас с Воронцовым, если так можно выразиться, похожие личные судьбы. В смысле сложных, но благополучно разрешившихся отношений с «дамами сердца».

Чем хороша наша «Валгалла» – на ней, как в Замке у Антона, пустоет едва ли не девяносто процентов пригодных для жизни помещений, и не составляет никаких трудов включить так называемую «фантоматику», чтобы в любом свободном отсеке создать желаемый интерьер и настроение.

Мне захотелось сейчас оказаться в холле нашего терема на той, настоящей Валгалле. Чтобы пылал громадный камин, чтобы высокие окна были покрыты морозными разводами, чтобы от полярного бурана сотрясались бревенчатые стены и вой ветра доносился из печных выюшек и вентиляционных ходов. Как оно было когда-то: ощущение защищенности, отделенности и независимости от буйства стихий создавало особенное настроение... Кто не видел, не поймет.

Славно, когда на просторах морских
разгуляются ветры,
С твердой земли наблюдать за бедою,
постигшей другого...

Это, разумеется, не наш случай, они там, поэты античности, насчет гуманизма не слишком отличались, но ощущать себя вне опасности да еще в комфорте – приятно.

Воронцов, ориентирующийся на громадном корабле, как на своем первом тралышке, нашел мое убежище быстрее, чем я рассчитывал. А я настолько успел проникнуться созданной обстановкой, что удивился, а отчего он не в шапке и полушубке, не облеплен снегом.

Однако на нем был всего лишь легкий, синий, еще царского образца рабочий китель с расстегнутыми крючками воротника и верхней пуговицей.

Дмитрий вошел, огляделся, оценил антураж и интерьер, аккуратно затворил за собой дверь, подвинул свободное кресло поближе к столу и камину.

– Как вспоминается, ныне почти забытый поэт, имея в виду нечто вроде этого, писал: «Ты схвачен настоящею тоскою». А в чем причина, если не секрет?

– Какие ж между нами секреты? Так, знаешь, легкая неудовлетворенность жизнью и отчетливое понимание исчерпанности смысла существования...

Воронцов, как он это великолепно умел, сочувственно покивал головой, потянулся к бутылкам, стоявшим на мраморной каминной полке, рядом с меланхолически размахивающими маятником часами наполеоновских времен.

– Лйчится тремя способами, – тоном ко всему привыкшего земского врача сообщил он, найдя свой любимый херес, который предпочитал всем другим напиткам. – Или – вот этим, – Дмитрий щедро наполнил густо-золотым вином высокие стаканы, – но только в очень больших дозах... – взглядом приказал мне поднять свой. Отпили понемногу. – Или – необузданными оргиями в обществе прелестных женщин, но тоже – достаточно долго, пока вся дурь не выйдет.

И наконец – это уже из личного опыта, – нужно сойти с опостылевшего корабля на берег, недельки две-три побродить по белорусским лесам, в одиночку выходя из окружения, попить болотной водички, повалиться носом в землю под бомбами и снарядами, на себе ощутить, что означает выражение «подножный корм». А потом вернуться и с чувством просветления понять, что ничего нет лучше кают-компаний с кондиционером, чистой рубашки на каждый день и собственной палубы под ногами. Уловил ход моей мысли?

Уловить было нетрудно, только все это мы уже проходили. Ну, правда, не довелось лично мне пройти фронтовыми дорогами Воронцова или побывать вместо Сашки в наркомовской шкуре, а в остальном... Согласен, спуститься на землю из поднебесных чертогов бывает полезно для прояснения мозгов, только не это мне нужно.

Мне хочется, чтобы кто-нибудь умный, добрый, знающий со стороны подсказал, стоит ли вообще длить такое существование? А то, может, как старцу Федору Кузьмичу, навсегда уйти

«от мира», бесследно раствориться, заставить себя забыть недавнее царское прошлое? Жить, условно говоря, «в скиту», заботиться исключительно о спасении души, изредка просматривать газеты и отбрасывать их в сторону: «А мне-то до всего этого какое дело?»

Дмитрий резонно возразил, что история «Федора Кузьмича» – не более чем красивая легенда, поэтому образцом для подражания быть не может. Что же до всего остального, так лично он примерно по такой схеме и живет, но лишь потому, что на свете существуем мы, то есть Сашка, я, Левашов... существуем и исполняем некую высшую функцию. А он, так сказать, пребывает в резерве главного командования, это его жизни придает определенный смысл. Если же мы бросим свой пост, так для чего все? «Ежели Бога нет, так какой же я штабс-капитан?»

Кроме того, жизнь в одной-единственной реальности, пусть и переделанной «под себя», теперь кажется лично ему ужасно скучной. Более того – почти бессмысленной. Вроде как взять билет на круизный лайнер вокруг Европы, после чего запереться в каюте и от Питера до Одессы рубиться в преферанс, принципиально не сходя на берег и игнорируя все расписанные в программе достопримечательности.

– Если совсем просто и всерьез, я тебе так скажу: каждый из нас есть тот, кто он есть. Переделать себя, даже через колено переломить – не получится, оставаясь в заданных пределах. Наступить «на горло собственной песне» можно, автор этой максимы, Маяковский его звали, попробовал. «Я все свои силы тебе отдаю, атакующий класс!» Посмотрел, что из его энтузиазма вышло, взял и, не дожив даже до наших с тобой лет, застрелился. По той же самой причине.

Поэтому продолжай лезть в каждую дырку, в которую тянет, твердо зная, что только так и следует жить. Что касается нравственных принципов, то на этот случай существует экзистенциализм: ты всегда прав, если поступаешь в соответствии со своим внутренним убеждением. И только.

В общем, Дмитрий довольно легко убедил меня именно в том, в чем я хотел, чтобы меня убедили. Обратной дороги нет, и следует делать все, что мы можем. И кое-что сверх того.

– А теперь обрисуй мне обстановку и расклад на текущий момент. Попросту, без квазинаучной терминологии, нравственных терзаний и прочих соплей и воплей. Куда ходили, что видели, к каким выводам пришли и чего следует ожидать при оптимистическом сценарии и соответственно наоборот.

Я и рассказал. О музее, о встрече с Антоном и о том, что Сашка сумел выудить из его компьютера. И не просто посмотреть и послушать, а записать очень многое на памятный кристалл, причем по прямой подсказке форзейля. Сам бы он сделать этого не сумел.

– Эх, жаль, – посетовал Воронцов, – я бы с Антоном тоже с удовольствием повидался. Поговорил, в глаза ему посмотрел. Все-таки сдается мне, что он не врет. И знаешь почему? Потому что незачем. Я тоже все варианты прокрутил, и получается, никаких выгод ни он, ни Игроки теперь из нас извлечь не могут. Уничтожить, если нужно, нас всех вместе с нашими реальностями – могут, без затей. Как комара раздавить или телевизор выключить. Любой своей цели, умея то, что они умеют, достигнут без нашей помощи. Мы в этом сколько раз убеждались. Так что, считаю, впредь следует исходить из того, что все сказанное и обещанное – правда, и мы действительно вольны поступать, как знаем, при соблюдении правил техники безопасности.

Капитан, к примеру, при плавании в опасном районе имеет полное право отказаться от услуг лоцмана. Распишется, где надо, что берет весь риск на себя, – и вперед. Карту получит со всеми необходимыми отметками, режим работы маяков, рекомендации кое-какие. А дальше – его проблемы. Премия заработает, под суд угодит или прямо на дно морское...

– Убедительно. Ну так вот тебе и лоция, и карта с обстановкой... Иди!

//Воронцов знал далеко не все, что знали мы, и о предыдущих встречах с Игроками, и о тех предварительных проработках, которыми мы с Сашкой занимались, пока прочий наш люд безмятежно предавался радостям жизни.//

Я велел машине воспроизвести введенные в нее в свое время эпизоды двух последних контактов с Игроками: последнее посещение Шульгиным Замка Антона, разговор посредством компьютера с одним из Игроков или его «автоответчиком».

Сашка тогда спросил, для чего Игроки, якобы уходя из игры и всей нашей Гиперреальности навсегда, предложили землянам взять все на себя. Доиграть начатую миллионы лет назад Игру за них.

– И с кем же придется играть? – спросил Шульгин. – Вы уходите, форзейли и агтры уже ушли...

– Да с кем хотите. Можете друг с другом. Но скорее всего – с природой всей нашей Вселенной, историей, тем, что вы называете ноосферой. Созданные нами реальности тоже объективны. Они живут теперь по собственным законам. А вы все время пытались их нарушить. Вот и поиграйте теперь – кто кого.

– А если я, мы – не захотим?

– Я же сказал – это ваше дело. Дорогу в Замок ты теперь знаешь. Живите, будто его не существует, или поселяйтесь здесь. А мы когда-нибудь, через сто ваших лет или через тысячу, вернемся и посмотрим, как вы распорядились...

– Но ответь, а вы-то почему уходите? И в чем вообще смысл вашей Игры?

– Совершенно в том же, что и ваших. Люди, когда у них есть соответствующие возможности и нет нужды заботиться о хлебе насущном в поте лица, играют. В политику, с женщинами, в домино, преферанс, гольф, рулетку простую и «русскую», устраивают гладиаторские бои. Конкретные правила несущественны. Иногда испытывают судьбу, иногда – собственное умение. Часто – то и другое сразу. Уходим же мы потому... Вот играешь ты с другом в шахматы, появляется у доски ребенок, начинает вмешиваться, задавать вопросы, подсказывать, хватать фигуры с доски. Ты бы встал и ушел?

– А... Почему бы не..

Игрок не дал ему договорить. Может быть, чтобы не позволить сказать неприличную глупость.

– Но это же ребенок. Может быть, со временем из него вырастет новый Капабланка или Алехин. Но даже если и нет... – прозвучало это укоризненно-увещающе.

– Если все так... – В легком недоумении и в то же время несколько обличающе Шульгин спросил: – Как же вы позволяете людям воевать, убивать миллионы себе подобных? И нам позволяете...

В голосе Игрока послышалась досада:

– Тебе нужно объяснять, в чем разница между ребенком у доски и шахматной фигуркой на ней?

– Спасибо, не надо...

Так тот разговор и закончился.

А потом еще был разговор с очередным ретранслятором Игроков, начальницей агтрианской базы на Валгалле Дайяной. Там уже участвовали мы вместе с Сашкой. В каюте катера «Ермак Тимофеевич». И вновь вернулись к теме прекращения Игры и ухода наших «партнеров». Вышло так, что в Замке Шульгин беседовал как бы с «белым» Игроком, а устами Дайяны с нами разговаривал «черный».

Деление это совершенно условно, на самом деле мы не имели никакого понятия, кто есть кто, но аналогия на то и аналогия. Как-то их различать надо было, вот мы и договорились между собой считать того, кто проводил свою политику через Антона, – «белым», а использующего агтров – «черным». Хоть бы потому, что Антон когда-то назвал себя «светлым рыцарем».

С Дайяной мы встретились непосредственно на Валгалле-Таорэре, в каюте катера «Ермак». И снова узнали много полезного. Прежде всего подтвердилось, что мы наконец достигли уровня, который позволяет воспринимать, удерживать в сознании и даже иногда

деформировать создаваемые Игроками мыслеформы. Разумеется, после этого Игра утратила для них интерес. Как теряет интерес и смысл пуляка, когда карты крапленые и все знают, что все об этом знают.

Причем случилось это, по масштабам Сети, буквально мгновение назад. Еще в этом «году» (по какому счету – неизвестно) они испытывали серьезное сомнение в наших способностях и силах, почему и действовали традиционно, через Антона и прежнюю Дайяну. Что говорит отнюдь не в пользу их «всеведения».

Впрочем, мыслящим существам какого угодно уровня развития, достигнув истинного «всеведения», оставалось бы только застрелиться по причине полной бессмысленности дальнейшего существования.

Перелом произошел, как я понял, в момент «удвоения» Сашки, соответственно – Сильвии и возникновения псевдореальностей, спрогнозировать которые и своевременно поставить «блок» Игроки не смогли. Ни один, ни другой. Потому и решили, после соответствующих консультаций, прекратить партию.

Реальность «2056», Ростокина и Суздалева, возникла в результате предпоследнего изящного хода как раз «черного». Как почти каждый земной аналог, их Игра интересна тем, что ходы в ней должны быть как можно тоньше и неожиданней. Как бильярд, как преферанс, да и те же пресловутые шахматы. Умение положить нужный шар «от трех бортов в середину», поймать неловленный мизер или сыграть таковой «с двумя дырками и без хозяйки», найти новый поворот в известной двести лет защите Филидора.

Только у них вдобавок ценится умение на ходу придумать и использовать новые правила, а на «разборке» убедить партнера, что они не противоречат неким исходным Суперправилам Всеобщей Теории Игры.

Я теперь тоже игрок, гроссмейстер не гроссмейстер, но перворазрядник в силу мастера – точно. Так отчего не провести ретроспективный анализ разыгранной с нами и на наших глазах партии и не найти некоторую ключевую точку? Вроде как я искал развилку, приведшую к появлению реальности «2056»?

Если присмотреться внимательно, такими «подставками» изобиловала вся партия, насколько я понимал сейчас, и первой была моя встреча с Ириной на мосту в 1976 году. Тщательно организованная и охотно подхваченная «пешками». Мы ведь могли посмотреть друг на друга и разойтись, ограничившись парой дежурных фраз, а то и вообще не сказав ни слова? Тут кто-то из Игроков далеко заглянул в будущее. А может быть, все не так, и это был вполне необязательный ход, просто на всякий случай двинули фигурки на более удобную позицию. Вдруг да пригодится когда-нибудь.

Точно так же удивительно четко была организована реальность «2056». Не потребовалось «белому» Игроку или специально им посланным диверсантам минировать Печелийский залив, чтобы уничтожить «Микасу» с адмиралом Того на борту прежде, чем японцы взорвут «Петропавловск» с Макаровым²². Он всего лишь снял у Николая Второго во время чтения послания Серафима Саровского один детский комплекс, сломавший его волю при виде умирающего деда (Александра Второго), убитого бомбой террористов. За секунду до того, как принять судьбоносное решение, царь стал таким, каким должен был быть по природе, каким его хотел видеть отец, упрямый и решительный Александр Третий Миротворец.

И далее все получилось очень неплохо, хотя все равно реальность образовалась непрочная, к моему глубокому сожалению. Но это и неудивительно. Новый вариант как бы «снял» мощный напор созревших к 1914 году во всем цивилизованном мире негативных эмоций.

²² «Микаса» – флагман японского военно-морского флота, Того Хэйхатиро – командующий ВМФ Японии. «Петропавловск» – флагман 1-й Тихоокеанской эскадры. Макаров С.О. – ее командующий. Гибель Макарова явилась переломным моментом Русско-японской войны, приведшим к поражению России, революции 1905 года и т. д. Здесь речь идет о событиях 1904 г., не случившихся в нашей реальности, но послуживших появлению реальности Ростокина «2056».

Настолько мощный, невиданный ранее в истории, что когда в нашем варианте «сорвало крышку», миллионы людей с упоением принялись убивать друг друга, полностью отключив инстинкт самосохранения. Первая мировая, Гражданская в России, революции в Мексике, Китае, Венгрии, Баварии, Турции и черт знает где еще. Перекройка карты мира, свирепые диктатуры в самых вроде бы никчемных странах, ничем не знаменитых, кроме торговли табаком или бананами. Сталинизм, фашизм, национал-социализм, испанские, португальские, румынские и венгерские их разновидности. Даже поляки, прибалты, финны не обошлись без диктатур собственного разлива.

И вдруг новая реальность все это разом отменила. Заставила тех же людей жить нормально и спокойно. То есть просто завилили покрепче предохранительный клапан парового котла в надежде, что еще сколько-то времени подержит. Ну, держит пока, только сам котел начал подпрыгивать на своем основании.

Любой нормальный человек с минимальным жизненным опытом быстро бы сообразил, чем все это чревато, и начал искать способ выхода из критической ситуации, потому что не просто так все в нашей истории случилось, человечеству, очевидно, просто необходимо было пройти через катаклизмы XX века, чтобы достичь какого-то нового качества. И если этот путь, процесс не реализовался, а был загнан внутрь, неизбежно должно произойти что-то другое, может быть – еще более страшное...

Но Игроки, для которых «нормальные люди» вообще никто, самые заметные из них в лучшем случае *пейки*, исходили из других посылок. Они действительно решили оставить нас навсегда, но им было по-своему жаль своего творения – этой вот «свитой в жгут двуединой реальности», нашей Главной исторической последовательности и нынешнего «мира полудня». Решение представлялось им оригинальным и красивым. В него изначально были заложены представляющие эстетическую самоценность принципы: пошаговое взаимодействие в точках сопряжения временных ветвей, теоретически возможный обмен людьми и информацией при целенаправленных и спонтанных «пробоях изоляции», взаимостабилизация реальностей за счет сдвига по фазе аналогичных и прямо противоположных событий и так далее, и тому подобное...

И вот тут вмешались какие-то придурки: исчезающие малые частички конгломерата гуманоидов Галактики, короче говоря – наша теплая, веселая и безответственная компания. Начались безобразия и сбои чудесной самонастраивающейся системы.

Она тут же резко повысила степень собственной связности и приобрела новые качества. На наглядных примерах – мы как бы подкинули еще несколько тузов в стандартную колоду или ввели в комплект шахматных фигур какого-нибудь «премьер-министра» и «верховного судью».

Кого-то это могло бы позабавить, но претендентам на титул «Вельтмейстера» в разгар матча не понравилось. Стройная, самодостаточная и весьма устойчивая система превратилась в химеру, странное, искусственное образование, стремящееся при малейшем постороннем воздействии распасться на более простые элементы. Чтобы она уцелела, не «схлопнулась», подобно карточному домику, нужно постоянное поддерживающее воздействие. До сих пор все в этих мирах происходило не только в режиме автоколебаний, но в той или иной мере под контролем форзейлей, агтров, иногда самих Игроков напрямую.

А вот теперь Игроки уходят, и миры будут предоставлены самим себе.

«Или вы возьмете на себя поддержание стабильности, или готовьтесь жить в условиях, когда сразу исчезают все подстраховки и предохранительные устройства. Атомный реактор без автоматического контроля цепной реакции, космический корабль с ручным управлением – вот на что будет походить ваш «жгут реальностей»...

– Разве у нас есть выбор? – с любопытством и пробуждающимся азартом спросил тогда Сашка. Он, видите ли, почуял тут для себя новые, увлекательные возможности самореализа-

ции. Вот я так отнюдь не думал тогда. Ситуация представлялась мне по-настоящему патовой. Все на самом деле обстоит так, и от нашего неучастия может погибнуть не один даже, а целых четыре мира (или перейти в другое качество, что равноценно), или все это вздор и тогда с равным результатом можно делать что заблагорассудится или не делать вообще ничего. То есть риск – бесконечность к одному.

Принять верное решение в предложенных обстоятельствах в принципе невозможно. Мы владеем только причинно-следственной (каузативной) логикой, а Игроки могут пользоваться любым количеством логик, не признающих этого принципа. Следовательно, сказал я Сашке, любое наше решение будет ограниченным по смыслу и результату, а то и прямо противоположным тому, чего мы хотели добиться.

– Значит, Андрюха, придется руководствоваться исключительно эстетическим подходом. Нравится – не нравится, – заявил Шульгин, иронически улыбаясь. – Плюс вспомнить принцип разумного эгоизма. Раз мы совершенно не понимаем, что хорошо и что плохо для всего человечества, будем исходить из соображений, что безусловно хорошо для нас... Про альтруизм придется забыть.

– Так ведь и эгоизм немногим лучше. Он хорош исключительно в данный момент времени, – развил я его посыл. – Так как даже применительно к себе нельзя угадать, чем обернется сегодняшнее удовольствие завтра. Сифилис, СПИД, цирроз печени или пуля в висок после проигрыша казенных денег...

– Ты говоришь не об эгоизме, а о гедонизме, – возразил Сашка. – Разумный эгоизм как раз предполагает крайне бережное к себе отношение...

– Из ваших слов следует, что вы принимаете наше предложение? – по-прежнему равнодушно спросила Дайяна, транслировавшая мысли «черного» игрока и внимавшая нашему спору.

По-моему, мы еще ничего такого не сказали, но где нам тягаться в проницательности с профессионалами. Возможно – профессиональными шулерами.

– А может быть, вы нам дадите несколько полезных советов? – и в тот раз, как недавно у Антона, спросил я, слегка лстя и как бы заискивая. – Все-таки опыта у вас побольше, и неужели вам так уж безразлично, что случится с миром и с нами?

– Увы! Будущего мы не знаем, как станут развиваться события – можем только догадываться. По своему уровню развития вы тоже способны на это. Совет один, и он последний. Думайте, изучайте, анализируйте. Не бойтесь принимать рискованные решения, но всегда готовьте запасной вариант, если что-то пойдет не так. Смысл жизни не в результате, а в самой игре, тем более что даже бесконечной жизни не хватит, чтобы выяснить, кто победил окончательно... Прощайте. С вами было интересно. Пусть вам будет интересно с кем-то другим...

Так все завершилось в тот раз, и мы остались одни – самые могущественные и самые растерянные люди на Земле. Согласимся мы или не согласимся принять оставляемое нам наследство, нам все время придется что-то делать. Хотя бы просто лежать на диване, вытянув ножки и ковыряться в носу. И значит – продолжать Игру. Пусть даже полным в ней неучастием. Играть будет гипотетический партнер-противник, но – «в одни ворота».

Кто он, в какой из «полуреальностей» обосновался – неизвестно. Существует во плоти и крови или на самом деле в его роли выступит «закономерность истории» – тоже остается тайной.

Пока я обдумывал все это, Шульгин двигался каким-то собственным мыслительным путем.

– Как думаешь, долго нам еще оставаться нормальными людьми?

– Нормальными – в смысле не сумасшедшими или в смысле люденев по-стругацки?

– Второе.

– Понятия не имею, – ответил я. – Пока что мы нормальны? Умеем черт знает что и тем не менее остаемся людьми, со всеми слабостями и дурными привычками. Сохранили способность к рефлексии ровно в той мере, как умели это до начала всего. Память у нас хорошая, несколько повышенные интеллектуально-волевые качества. Отнюдь не людены, не маги, не монстры...

– Хотелось бы верить...

– Верь, верь. Со стороны виднее, а еще ни один «обычный» человек, общаясь с нами, психов и монстров в нас не ощутил. Даже проницательнейший господин Суздаев. Так, отмечают некоторые странности, так у кого их нет? Гениальный шахматист может быть положительным и уравновешенным человеком, как Ботвинник или Ласкер, алкоголиком, как Алехин, психопатом, как Фишер... Так мы с тобой скорее Ботвинники.

Потом Шульгин долго молчал, управляя катером, подходящим к пирсу у подножия исторического плато, на котором размещался наш первый Форт. И вдруг сказал:

– Ерунда это все. Ничего мы не сумеем и не сможем. Чтобы управлять реальностью, нужно ежеминутно учитывать и сравнивать миллионы случайных факторов. Для этого у нас возможностей нет. Я от Олега слышал, что даже не очень сложная физическая система описывается массой дифференциальных уравнений, а я даже не знаю, как они выглядят. Поэтому никуда нам не уйти от метода «тыка». Как минер, не зная устройства взрывателя, станет в нем копаться? Синий проводок, красный, зеленый. Повезет не повезет...

– Ну и что? – не принял я его внезапного пессимизма. – Сказано же тебе – мы дозрели. Не нужно нам уравнения решать. Мы должны охватить разумом всю мыслеформу сразу, интуитивно найти идеальное решение – и воплотить. И все. Берестин сумел придумать, как немцев на старой границе два месяца удержать, в то время как Жуков со своим Генштабом, Сталин со своей Ставкой ничего не сделали. Ты наркомом никогда не работал, в тридцать восьмом не жил, а Ежова со всей его конторой без труда переиграл. У меня тоже кое-что получалось... И все интуитивно... Поэтому...

Шульгин, скорее всего, валял дурака, приbedнялся как бы, потому что без паузы продолжил мою мысль:

– Поэтому в ближайшее время я отбываю обратно. Землю в Новой Зеландии, считай, купил. Завезем туда дубликаторы, прочее оборудование, начнем строить Форт Росс-3. Всю деятельность в России сворачиваем. Все, что могли, мы сделали. Пусть живут сами. А мы будем только самый общий контроль осуществлять, парировать наиболее грубые отклонения, вроде появления нового Гитлера, атомного проекта и в таком вот роде. Если даже все само собой сыпаться начнет, в том фьорде, что я присмотрел, до конца жизни с удобствами отсидеться можно... А в запасе еще Замок.

– И Валгалла на крайний случай...

– Именно. Поэтому ты здесь до поры можешь работать спокойно. Изучай, анализируй, развлекайся. Вряд ли катастрофа любого рода разразится мгновенно. Всегда будет запас времени, чтобы выскочить...

Вот так, в принципе, и было принято очередное судьбоносное решение.

После этого мы достаточно спокойно и даже приятно прожили порядочные куски времени. Каждый – по-своему. Пока вдруг (как всегда вдруг) Сашка не протрубил тревогу. И, как любил выражаться один из персонажей Аркадия Аверченко, – «все завертелось».

– Видишь, Дима, – сказал я, когда ретроспективная трансляция закончилась, – от той и другой стороны мы получили информацию и советы вроде бы очень близкие по смыслу, но не идентичные. У меня сложилось впечатление, что если один осторожно намекал, что лучше бы

нам поостеречься, мол, Игра пока еще не к вашему рылу крыльцо, то другой как бы подталкивал – играйте, играйте, процесс интереснее результата.

Мы предпочли последовать первому совету. И это кого-то явным образом не устроило. Я делаю такой вывод из того, что подкинули информацию о возникновении очередной, причем опасной псевдореальности Сашке, практически спровоцировали нас на новый выход в астрал и тут же буквально в шею втолкнули меня в очередной театр абсурда. И беседа с Антоном, и его прощальный подарочек...

По всему получается, что вернулся к шахматной доске один из Игроков, а то, чем черт не шутит, и оба. Ну, вот посидели они у себя там, в неведомом далеке на скамеечке у крыльца или в любимой пивнушке (должны же у них быть какие-то аналоги нашей личной жизни), поболтали о том о сем, и сошлись, что жить стало как-то скучно, не хватает чего-то, ставшего за столетия таким привычным, необходимым даже. И что погорячились они, решив из Игры выйти. Новую затевать, правила придумывать, вялые дебюты тянуть – ну не хочется, и все. А в старой Игре так все хорошо, привычно складывалось... Недурно бы и вернуться. Только не по-старому, та идея действительно себя изжила, а в соавторстве, вдвоем на одной стороне против тех, «молодых». И самим потешиться, мастерством потряхнуть, и посмотреть с этой стороны доски, так ли уж они хороши?

Неизвестно, как там оно обстоит «на самом деле», но исходя из того образа Игроков, каким он складывался в ходе наблюдения за их, так сказать, интерфейсом (междумордием, по-русски), которым они считали возможным к нам повернуться, подобный финт вполне мог иметь место.

Я ввел в машину дополнительное задание – создать на базе достоверной информации, а также всех наших прежних гипотез непротиворечивую модель их условных личностей, плюс еще одну, синтетическую, именно как пары сотрудников-соперников. Никто же не станет отрицать, что некий «Ильф-Петров» нечто иное и большее, чем товарищи Илья Файнзилберг и Евгений Катаев по отдельности и в частной жизни.

Создать и прикинуть, укладывается ли ход с созданием реальности «2005» в их творческую манеру.

Тут я использовал якобы присущую мне способность к созданию работоспособных мыслеформ, спроецированную на псевдосознание компьютера.

То есть, грубо говоря, вообразил, что данный экземпляр мыслящего железа способен к такой работе и успешно с ней справится, причем результат окажется максимально приближен к истине. К объективной истине, а не той, которую я заранее счел таковой. Я пошел даже дальше и постарался ввести в мыслеформу еще один постулат – что наш компьютер самостоятельно способен в случае необходимости внедриться неким хакерским способом в содержащий требуемую информацию Узел Сети и кое-что оттуда скачать. Причем так, чтобы несанкционированное проникновение осталось не замеченным самой Сетью и ее обслуживающим персоналом, чтобы никто и ничто не смогло перехватить контроль над моей машиной и использовать ее против меня, ну и так далее...

– Самое интересное, – продолжил я, в очередной раз смочив сохнувшее от долгого монолога и табачного дыма горло глотком хереса, – это задание насчет внедрения в Сеть я поставил машине буквально накануне нашего собственного туда проникновения. Втроем. Так мне пришло в голову – а не заставили ли нас это сделать? Внушили такое внезапное желание, хотя совсем недавно я обещал Ирине никогда больше туда не лезть.

– Раньше вроде, как мне помнится, они нам ничего исподволь не внушали. Если нужно было – так прямо и говорили...

– Да кто ж это знает? Я теперь ни в чем не уверен. Может, вообще все наши «добровольные решения» – *оттуда* ...

– Тогда туши свет и ложись спать. И разговор и жизнь теряют остатки смысла. Допиваем вино и пошли...

– Ладно, ладно, отмечаем эту гипотезу как бесперспективную. Хорошо, пошли мы в астрал добровольно, но нас там уже ждали. Для меня мизансценку выстроили, Антона из запаса отозвали, и для Сашки в комп загрузили информацию, очень правдоподобную, но так отфильтрованную, чтобы подвинуть нас туда, куда нам и самим залезть очень хочется.

Но это отдельный разговор, тем более что наша машина до сих пор еще весь объем кристалла не переварила, и что в итоге из моей затеи получится – неясно. Завтра узнаем.

Завтра действительно узнали. Теперь уже вдвоем с Сашкой просмотрели и прослушали все, что машина вычленила и смонтировала для нас и в видео, и в звуковом диапазоне. Этаким, попросту сказать, научно-популярный фильм пополам с тренажером-симулятором. В любом месте можно вклиниться в сюжет, ввести дополнительный параметр, задать вопрос или потребовать глубже и подробнее рассмотреть ту или иную конкретную ситуацию, оставив в стороне побочные линии.

Такие умные люди, как Левашов, могут почти то же самое проделывать, не выходя за пределы колонок цифр, формул и графиков, мы же, по простоте своей, нуждались в наглядности. Короче не машина, а Перельман²³ компьютерного века.

// Пометка на полях. Так вот оглянешься иногда вчуже, и оторопь берет.

В школе нас учили работать на счетах и логарифмической линейке, а первый в жизни персональный компьютер я увидел на Западе в тридцатилетнем возрасте.//

О подробностях здесь распространяться не буду. Все материалы есть в архивах. Меня больше тянет на эмоциональное осмысление событий. И этих эмоций мы получили вполне достаточно, если не с перебором.

Проще говоря, перед нами развернулась впечатляющая картина текущего состояния нашего Гиперузла, со всеми его Мировыми линиями, базовыми, побочными, параллельными и химерическими. Приблизительно то, о чем на предыдущем общем собрании докладывал Шульгин, но детализированная до последней степени и снабженная комментариями.

То есть вроде бы действительно Антон нас не обманул и сам лично, или по поручению Игроков, передал нам практически все материалы, которые могли бы нам пригодиться. На наглядном примере из собственного опыта – как мы с Берестиным сунули Жукову и компании под нос полный комплект карт и сопроводительной информации о реальной дислокации германской армии вторжения, техническом состоянии и укомплектованности ее соединений до полков включительно.

– Точно, – сказал Дмитрий, – нас прямо-таки загоняют в «воронку выбора». Только что не кричат: «Ребята, вы же знаете прикуп, как можно пасовать?»

– Да оно и вправду выглядит так, что пасовать – глупо, – кивнул Шульгин. – Особо, если в лоб было сказано, играйтесь, ничего не бойтесь, спрятаться в любом случае есть где и расплачиваться не придется.

Здесь Сашка нашел очень точный оттенок, не «играйте», а «играйтесь». Чувствуется?

А я подумал, что тут все-таки нечто иное. Складывалось впечатление, что нам просто отдают собственную разработку, режиссерский сценарий с расписанными мизансценами. Старый мэтр, уходящий на покой, вручает ученику свой последний труд. Вот я так, мол, все себе это представлял. А ты уж как знаешь, можешь воспроизвести в меру собственного видения

²³ Перельман Я. – знаменитый популяризатор точных наук для юношества, автор многих книг, изданных в 1910–1930-х годах.

и таланта, можешь перекроить, как заблагорассудится, а нет – спрячь в папочку для будущих мемуаров. «Мои встречи с Мейерхольдом».

Но играть по этой разработке было можно. Хоть сейчас. Единственно, роли по наличным актерам не распределены. Но это уж мы действительно сами сообразим.

– И что, господа? Беремся?

Воронцов и Шульгин синхронно улыбнулись, но опять же – по-разному. Сашка – привычно дернув щекой, что у него обычно обозначало: «Так-то так, но в то же время...», а Дмитрий – абсолютно безмятежно, словно получив давно ожидаемое приглашение на вечеринку в достойной компании.

– Следовательно, принимается. Полевой штаб на месте. К «триумвирату», или, как любили говорить мы с товарищем Сталиным, к «рабочей тройке», подключается в силу технической необходимости и с теми же правами товарищ Воронцов. Сильвии поручаем перевод тетрадки, Левашов пусть займется оценкой технических достоинств конструкции. Роли прочих мне пока неясны. Есть предложения?

– Предложение одно, – взял слово Сашка, – по понятной причине реальное положение вещей и вообще наши «программы минимум и максимум» до всего личного состава не доводить. Более того, считаю необходимым разработать и провести своеобразную операцию прикрытия. Кому-то это может показаться неэтичным, но при подготовке и проведении «Гамбита» мы ведь даже самым непосредственным участникам и заинтересованным лицам до последней секунды буквально ничего, кроме их личных заданий, не сообщали... Да и ты, капитан, убегая с Валгаллы, нам с Андреем истинных причин не сказал. Так?

– Не вижу оснований спорить. Всяк солдат знай свой маневр, а про остальное когда поручик, когда полковник знает...

Я видел, как перспектива нового и увлекательного дела меняет людей. Накануне я откровенничал перед Дмитрием, чтобы он укрепил меня «в минуту душевной невзгоды», а сейчас уже он, преодолев почти приросший к нему стереотип поведения, прямо-таки загорелся энтузиазмом. А что, так оно и есть. Был бы он другим, черта с два отправился бы с Антоновой подначки в дебри времени. Первый из нас, между прочим, если не считать Берестина. Но там – другой случай.

– Значит, камрады, сделаем так, – заявил Сашка, – раз я взял на себя непосильный груз куратора разведки и контрразведки, я придумаю, кому из наших когда, что и как говорить. Кому приоткрыть часть истины и какую именно – тоже решу. Если кого-то до поры придется вводить в заблуждение, заставлять играть «втемную», или просто оставить за кадром – не осуждайте. Ставки-то у нас...

Я, признаться, не до конца был с ним согласен. Кое-что из предложенных им мер считал некоторым перебором. Но потом признал Сашкину правоту. При прямом общении с компьютером Замка он узнал больше, чем знал я. И поглубже обдумал тот самый вариант «третьего игрока».

То есть, по согласованной с нами же тактике, он с первых минут начал и нас с Дмитрием оберегать от излишних знаний, которые, как сказано, приумножают скорби.

И мотивировка его была вполне убедительной. Если «третьего» не существует, мы ничего не теряем. Отсутствие в каждый данный момент полной информации о планах и действиях коллег никого ни в чем не ущемляет, напротив, позволяет работать раскованнее, без оглядки на чужие поступки и предрассудки. Но если он все-таки есть, захватив в плен или внедрившись в сознание любого из нас, на «оперативный простор» выйти ему все-таки не удастся. Уцелевшие же получат шанс и время принять контрмеры.

Таким точно образом, как это получилось в первой и второй контраггрианской войне.

Глава 11

...Шульгин в очередной раз «нашел себя». Стратегические замыслы – это хорошо, интересно, увлекательно, но все-таки – больше для Берестина. Командующий фронтом, Главкововерх – это его. Все изучить, обмыслить, нарисовать в голове картину победоносной кампании, после чего напрячь своих штабистов, снова оценить их разработки и, подписав необходимые документы и карты, послать дивизии и армии в бой.

Ему же куда больше нравится *практическая* работа. Нет, поруководить он тоже не прочь, поучить окружающих уму-разуму, но куда интереснее самому все придумать и своими руками сделать. Хоть базу пришельцев штурмовать, хоть в роли наркома родной наркомат ограбить. Или с «Системой» воевать практически в одиночку. Совсем другой эмоциональный накал.

Сейчас ему представилась буквально уникальная возможность дать выход своим талантам и пристрастиям.

Обработка полученной с помощью Антона и его компьютера информации дала настолько полную и глубокую картину сиюминутного состояния пучка сопряженных, параллельных и взаимно перпендикулярных реальностей, что даже некоторая оторопь брала от осознания собственной ничтожности по сравнению с невообразимой сложностью кем-то измысленного мироустройства и от того, что при всей этой сложности приходящие в голову решения выглядят как-то уж слишком примитивно. В то же время – пока что нет основания усомниться в их действенности.

Грубо говоря – так же несопоставима конструктивная сложность наисовременнейшего швейцарского хронометра и элементарной часовой отвертки, однако этой отверткой можно сделать с прецезионным механизмом все, что заблагорассудится: починить, переналадить, раскрутить по винтику и все винтики и колеса выбросить в мусорное ведро или, выражаясь по-марксистски, – «на свалку истории».

В частности, с полнейшей наглядностью Шульгин теперь представлял, как именно возникли и взаимодействуют так поразившие его воображение идущие борт к борту, как два корабля в штилевом океане, реальности «2003» и «2005». Один слегка опережает другой, но при желании совсем нетрудно перепрыгнуть с юта²⁴ одного на шканцы²⁵ другого и наоборот, соответственно. Корабли разных конструкций, как, допустим, советские и немецкие эсминцы, и разных годов постройки, но при необходимости любой матрос и офицер без особого труда разберется, что к чему, и сумеет подменить коллегу на его боевом посту.

Еще одна немаловажная деталь – пока на море штиль и все идет штатно, корабли могут двигаться вровень неограниченно долго, завести с борта на борт швартовы, обмениваться людьми, топливом и припасами. При желании, конечно.

Но стоит одному из рулевых совершить малейшую ошибку – вот и происшествие, как принято говорить, или даже авария, что тяжелее по последствиям. А налети вдруг не вовремя замеченный шквал – и, пожалуйста, катастрофа! Корабли бросает друг на друга, острый форштевень врежется в тонкий борт соседа, сталь рвется, как картон. Минута, другая, не успеешь и шлюпок спустить, да и как их в штормовую волну спустишь, и вот на поверхности болтаются только немногочисленные обломки, пятна мазута и среди них – головы случайно уцелевших моряков верхней команды. Все.

Достаточно яркая аналогия?

При прошлом, несанкционированном, партизанском проникновении в Сеть Шульгин увидел и запомнил многое, но многого не заметил, а ряд визуальных образов и условных зна-

²⁴ Ют (морск.) – на кораблях задняя часть верхней палубы (от бизань-мачты до кормы).

²⁵ Шканцы (морск.) – часть верхней палубы от грот– до бизань-мачты.

ков не понял вообще или понял превратным образом. Оттого и ввел невольно в заблуждение друзей и коллег.

Зато теперь он располагал (ему казалось) объективным знанием и даже видел ту самую точку, где «корабли» соприкасаются бортами. Саму точку и людей на палубах. Понимал, что с ними случится в следующий момент, как они себя поведут.

Пожалуй, здесь нам удалось переплюнуть самого Антона. Он же признавался, что всю свою полуторасотлетнюю деятельность на Земле не мог знать и предвидеть последствий своих действий, и Сильвия со своей командой не могла. Они полагались только на собственную интуицию и некоторые построения «базовых теорий», а еще точнее, просто воплощали в жизнь разработки Игроков. Вроде как демонстраторы, что в старые времена указками двигали на настенных щитах плоские шахматные фигуры, повторяя ходы гроссмейстеров для сведения зрителей.

«Впрочем, – подумал Шульгин, – я тут не прав. Антон говорил, что не знает будущего в своей реальности и только в ней не может видеть грядущие результаты своих и вражеских комбинаций. А на чужих досках сыгранные вчера партии – вполне.

Мы и сейчас, при столь возросших ментальных способностях, свое личное будущее не знаем ни на шаг вперед: пойду я к себе, поскользнусь на трапе, и пожалуйста – незапланированный перелом основания черепа.

Но в чужих реальностях, никак не избавленные от подобных же личных неприятностей, мы хотя бы можем на моделях просчитать, что возможно и нужно сделать, чтобы к предварительно вычисленной точке система подошла в нужном нам состоянии.

Не вдаваясь в еще более густые дебри времен, причин и следствий (вроде встречи Андрея с Иркой на мосту или нашего с ним знакомства в седьмом классе), я бы не сидел здесь сейчас и не мучился бы галактическими проблемами, не загляни, в один прекрасный день, ко мне в кабинет совершенно случайно, в поисках совсем другого человека, наш председатель профкома и, Бог знает с чего, не спроси вдруг: «Тебе не нужна горящая путевка в Кисловодск? С послезавтра. За тридцать процентов. Никак не могу пристроить. А если сдам – нам на новый квартал заявку срежут!»

А у меня жена второй день в отпуске. «Дикарем» ехать не решилась, для «второго состава» у них в театре профсоюзных милостей не предусмотрено. Она и ходит по дому из угла в угол злая от обиды и безделья. Ну, я и схватил путевочку, еще и налил функционеру «казенного» за то, что мы друг друга выручили. Тридцать процентов от двухсот сорока по тем временам для кандидата наук смешные деньги. Жена бы дома за месяц втрое больше проела.

В итоге имеем то, что имеем».

Александра Шульгина, с самого первого прочтения «Графа Монте-Кристо» в пятнадцать лет (тут он запоздал немножко, другие и в десять успели), больше всего интересовал оставленный тезкой без разъяснений кусок сюжета. Пропущенный то ли от недостатка времени, то ли – фантазии.

Страх как интересно было бы узнать, каким все-таки образом раскопавший сокровища беглый узник сумел легализоваться в качестве означенного графа? Эта часть романа могла бы получиться не хуже прочих.

Теперь он лично оказался в аналогичном с Дантесом положении, ничего не зная о случившихся в его мире переменах и новом устройстве. На самом деле – Фариа сидел в тюрьме дольше Эдмона, значит, не мог подсказать ученику, в какой политико-экономической среде тому придется действовать. Будущий граф попал в замок Иф в весьма невинном возрасте, а до этого жил во времена Наполеоновской Империи. То есть человек, родившийся и выросший в период якобинского террора, непрерывных войн и мобилизационной экономики, вдруг оказы-

вается в стране совершенно другой по всем параметрам. Дикий капитализм, первоначальное накопление, разгул нуворишей²⁶, зреющее революционное движение обделенных и все такое... Однако сумел устроиться, с нуля, без документов и легенды, сокровища в ликвидную форму перевел, деньги грамотно вложил, титул купил, недвижимость, само собой, еще и на Востоке погеройствовал, заодно научился гашишем и опиумом пользоваться.

Зря, зря мэтр оставил нас в неведение.

У него, Шульгина, исторического опыта было побольше, общего стажа работы «по избранной специальности» и возможностей, разумеется, тоже. Книжки, газеты и журналы, телевидение давали достаточно информации, если умело ими пользоваться. Несколько лет, прожитых в красной и врангелевской России, в Западной Европе (правда, 20-х годов), тоже кое-чего стоили. Но все равно – задача мягко вписаться в мир начала XXI века, чтобы невозбранно заниматься там своими делами, представлялась непростой.

Новиков вернулся из прогулки всего на семь лет вперед (в девяносто первый Главной исторической последовательности) в достаточно смятенных чувствах, но то ведь было только семь, и провел Андрей там единственный вечер. А Шульгину нужно выскочить на двадцать, и что там теперь творится на Родине в чисто житейском плане – трудно представить. Можно вообразить самое худшее, если подмеченные Андреем тенденции продолжились в том же направлении...

Дантесу, как ни крути, все равно было легче. У него там изменилось, и то не слишком кардинально, только политическое устройство верхних эшелонов. Экономическое, в своих основаниях, мало, техника – вообще никак. Люди же, судя по текстам Дюма, остались вообще теми же самыми – и конкретные персонажи, невзирая на изменения в личном статусе, и психотипы в целом.

А здесь – извини-подвинься. Уж настолько-то Шульгин в психологии разобрался.

Из шестидесят третьего в восемьдесят третий перескочить – плевое дело. Знаем, жили. Уточни только фамилию нового Генсека и пролистай номер сегодняшней «Правды». Ну, можно еще две последние главы «Истории КПСС». Ассимилируешься за час-два, в крайнем случае – за сутки. Главное, деньги оставались те же самые, хрущевские.

Из пятидесят третьего в семьдесят третий – намного сложнее. Из сорок третьего в шестьдесят третий – тем более. Скорее всего, настолько обалдеешь, что в психушку сам сдаваться пойдешь.

А каково нормальному обывателю пришлось бы – из благословенного четырнадцатого сразу в тридцать четвертый? «Двадцатки» – они настолько разные бывают при одинаковой хронологической длительности.

Для начала Шульгин решил совершить первую, пристрелочную вылазку в якобы подлинный мир собственного будущего в одиночку. Без прикрытия и даже такой поддержки, что оказывала Ирина Новикову. Так ему казалось правильнее. В случае чего, на напарника оглядываться не придется. «Иногда ведомый за спиной хуже вражеского «мессера», так их, еще пацанов, учил по забытому теперь поводу отец еще одного школьного друга, герой войны, летчик-штурмовик полковник Курочка Иван Ефимович.

Главный принцип при таком выходе, что в открытый космос, что в чуждый мир – держаться в рамках программы и ни в коем случае не совершать *резких движений*. Что бы ни случилось. Одним словом – сохранять ту самую *невключенность* в жизнь.

Левашов наладил ему переход в Столешников по той же схеме, что и Новикову в прошлый раз. Степень риска оставалась прежней, если не учитывать того, что Гиперсеть особых

²⁶ Нувориш (фр.) – новый богач, лицо, внезапно разбогатевшее на сомнительных спекуляциях.

возмущений на ближайшее время не сулила. Но пошел Шульгин все равно, опираясь больше на интуицию и веру в счастливую звезду.

Проскочил.

Очутившись в квартире, он испытал сложное чувство: непростое место, и эмоции с ним связаны разные. Было здесь просто хорошо, когда они с Новиковым заскочили сюда после жуткого напряжения с чекистами Агранова, было томительно и тоскливо испытать чувство умирания в ней же, когда «уходил» из тела Шестакова. Да ладно, не время для воспоминаний!

Главное, сейчас здесь снова тихо и спокойно, как не бывает, наверное, почти нигде в обычной жизни. Речь не о Замке, не о Валгалле, одной и другой, а просто о мире нормальных московских обывателей.

Большие, тихие, пустые комнаты, идеально прибранные, с надраенным воском узорным паркетом, слегка тревожащие, но больше успокаивающие запахи. Шторы, приспущенные и полузадернутые таким именно образом, чтобы создавать ощущение должной степени отстраненности от того, что вне твоего дома. Как если бы позволили побродить одному в закрытый для посетителей день по залам Русского музея. Чтобы снаружи – туманная морось, внутри тепло и безлюдно, и даже старушек-смотрительниц отзывали на общее собрание.

Шульгин боком присел на подоконник, и опять словно пронзило – вспомнил, как на этом самом месте сползал по стене, цепляясь ногтями за обои в предсмертной тоске. А потом, сразу – одесские катакомбы... И ощущение собственного мозга, внезапно заработавшего в «двухмоторном режиме».

Приводя в порядок чувства, Сашка достал из коробки папиросу, в которой не было никакого смысла, кроме психологического. «Я тот, кем был всегда, я всегда любил в сложную минутку постучать мундштуком по крышке, дунуть в картонную трубку, чиркнуть не зажигалкой, а именно спичкой. И – глубокий вдох. И побежало по нервам и жилочкам что-то такое утешительно-привычное. Ну и хорошо...»

Москва за окнами надежного приюта выглядела пугающе непонятной. Несмотря на то что по переулку непривычно торопливо, как ему показалось, перемещались в обе стороны те же самые люди, его ровесники и соотечественники, постаревшие всего-то на двадцать лет. Несомненно, что и знакомых при желании можно разыскать...

Чем хороша «нехорошая квартира», так это тем, что она, *если хочет*, умеет настраиваться на текущую за бортом реальность. Неоднократно проверено. Словно бы сидел где-то за плинтусом или просто в углу чулана здешний домовый, который и решал – нравится ему новый постоялец или не очень, помочь ему или сделать пакость, мелкую или крупную, в зависимости от настроения.

Наливать в мисочку молока, как требует языческая народная «демонология», или ставить на шкаф рюмку водки Шульгин не стал, понятное дело, но необходимые действия по инициации системы положительной и отрицательной связи с внешним миром произвел. Имелись для этого некоторые «заклинания», а также чисто технические приемы.

Эффект сказался буквально в течение получаса. По крайней мере ровно столько времени прошло от момента проникновения до того, как Сашка начал детальное ознакомление со своим очередным обиталищем.

«Домовой» не подвел. На прежнем месте обнаружились расходные запасы местной валюты. Не марки, не франки, а какие-то пестрые фантики под названием «Евро». И очередная вариация российских рублей, теперь – выпуска 1997 года, полностью порвавшая с традиционной номинацией. Не было привычных с XIX века бумажных рублей, трояков, пятерок. Счет начинался сразу с десяток. Исчезли всенародно любимые двадцатипятирублевки, они же «четвертные» и «углы». Вновь после семнадцатого появились пятисотки, бывшие «Петры»,

а также голубели в толстых пачках никогда в России, кроме краткого периода Гражданской войны, не печатавшиеся тысячные банкноты.

Только доллары остались прежними. Это радовало – хоть что-то в этом мире сохраняет постоянство.

В ящиках письменного стола и шведского бюро с раздвижной крышкой теперь хранились бланки всех действующих именно в этой России документов, подробные инструкции по их заполнению, специальный «цифровой» фотоаппарат и принтер к нему, которыми здесь полагалось делать нужные, как правило цветные, фотографии.

В книжных шкафах нашлось достаточное количество изданных в последнее десятилетие книг справочного, публицистического характера и нынешней беллетристики, несколько подшивок политико-экономических журналов, российских и зарубежных.

Как и прежде, квартира *старалась* отображать вкусы, пристрастия и потребности ее гипотетического обитателя, агтрианского резидента, каким он мог быть, если бы не прервалась в начале шестидесятых годов цепочка. Потеряла тогда квартира своего последнего постоянного хозяина и с тех пор, как верная собака, все ждала и ждала. Побывавших здесь в разное время Берестина, Новикова и Шульгина она признала за своих, успела на них настроиться и, почуяв их присутствие, тут же начинала «служить», повиливая хвостом и словно бы даже улыбаясь.

Как это было устроено и как функционировало – друзья давно отчаялись понять, хотя поначалу и сделали несколько попыток. Продукт невообразимо высоких технологий, который следовало воспринимать наподобие законов природы – и все. Тот же Дубликатор Левашова, произведенный в домашней мастерской чуть ли не из деталей швейной машинки и патефона, работал тем не менее, хотя работать ну никак не мог, в отличие от мотора слесаря-интеллекта Полесова.²⁷

Трое суток Сашка валялся на диване, поглощая чудовищное количество информации о нынешней жизни в России и в остальном цивилизованном мире, сигарет, кофе и холодных закусок. И чем больше узнавал, тем больше укреплялся в мысли, что здешняя реальность – химера покруче прочих.

Неужели действительно она возникла в ответ на их безответственные забавы двадцать лет назад? Или же – просто оттого, что они исчезли из этого мира? Ведь после ухода на Валгаллу в восемьдесят четвертом они никаким образом в его жизнь не вмешивались. Новиков с Ириной, случайно залетевшие туда через семь лет, только погуляли часа три по улицам, посидели в ресторанчике и вернулись. Даже в пространные разговоры ни с кем не вступали, кроме как с ресторанной обслугой, да и то на уровне мелкого купца в трактире: «Подай, принеси, пошел вон!» Правда, обороняясь, Андрей пристрелил каких-то бандитов на углу Столешникова и Петровки, так к тому времени все уже случилось. Советская власть накрылась, над Моссоветом и Кремлем развевались царские трехцветные флаги, и водки достать было невозможно без серьезного риска для здоровья.

Напитавшись сведениями о сущности «прекрасного нового мира», Шульгин достаточно четко представлял, что именно случилось в указанную семилетку, но найти «узловую» точку так, навскидку, по-прежнему не мог. Все в Советском Союзе развивалось словно бы само по себе. Если анализировать пошагово – достаточно логично.

Ушли мы из этой (если это все-таки *эта*) реальности в невероятно затянувшемся августе восемьдесят четвертого и больше к ней никакого отношения не имели. Согласно долгим, запутанным и неизвестно в какой мере достоверным объяснениям Антона, мы разошлись с нею навсегда, слишком вызывая деформировав, «скомкав» временную ткань многочисленными скачками с Земли на Валгаллу и обратно, прочими нарушениями закона причинности

²⁷ Персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев».

и следствий из него. Это происходило столь беспорядочно и несогласованно, что сейчас уже трудно восстановить последовательность событий и схему их взаимовлияний.

Короче, в результате в нашем распоряжении осталась только точка в середине 1920 года, от которой и пришлось конструировать свою собственную и окончательную действительность. Плюс сохранилась возможность сначала с помощью Антона и Сильвии, а потом и самостоятельно входить в некоторый спектр реальностей «второго порядка», вполне подлинных и материальных, но все же «не совсем настоящих», вроде мира наркома Шестакова или того, где располагалась дача Сильвии в Андах. Ну и к Ростокину в «2056» тоже.

А на покинутой Земле и в СССР жизнь продолжалась своим чередом. «Пятилетка пышных похорон» завершилась внезапным, в чем-то неожиданным и «неправильным» воцарением Горбачева, судорожной и путаной «перестройкой и ускорением», эпохой «нового мышления» – стремительным распадом всего.

Можно было вообразить, что именно таким образом реальность отреагировала на одновременный выход из игры и форзейлей, и аггров. Слишком долго они маневрировали на шахматной доске, старательно загоняя друг друга в патовую ситуацию, вот и доигрались. С помощью нашей команды Антон выбил из реальности ее агтрианскую составляющую, а получилось так, будто из ядерного реактора выдернули графитовые стержни-замедлители.

Но все же где находится та самая точка МНВ? Неужели именно апрельский Пленум ЦК КПСС 1985 года, на котором избрали нового Генсека? Антон руку приложил или, наоборот, хорошо замаскированный и чудом уцелевший агент Дайяны? Тот же Георгий, он же Джордж? Дайяна, помнится, говорила, что их целью было создание на Земле «монополярного мира», больше не раздираемого бесконечным соперничеством двух сверхдержав. Вот и сделали по-своему, как бы отомстив «победителям» – форзейлям. Подобно предсмертному обещанию Гитлера: «уйти, громко хлопнув дверью».²⁸

Можно так же попытаться допустить, что после отзыва с Земли Антона его руководство решило дезавуировать плоды деятельности слишком прыткого резидента? В конце-то концов все, что нам якобы известно о взаимоотношениях аггров, форзейлей, черных и белых Игроков, собственной программы Гиперсети со всеми ее Ловушками, может быть грандиозной дезинформацией, или вообще относится только к генерированным псевдореальностям, а на Главной исторической последовательности все идет, как и шло от века?

Но вот и еще один вариант, не требующий вводить фактор реанимации агтрианской стратегии. Ма-аленькую зацепку Сашка, как ему показалось, все-таки нашел. И привязать ее можно было только и единственно к Андрею Новикову.

Из истории «перестройки» Шульгин узнал, что в 86—88-х годах в число ближних советников Генсека Горбачева, а также его врага и оппонента Бориса Ельцина вошло достаточное количество журналистов-международников, литераторов и «латентных диссидентов». К данной когорте, в общем, относился и Новиков. По крайней мере с большинством «вошедших в новую историю» персонажей он был знаком. С кем выпивал, с кем собачился или прительствовал.

Если представить, что он остался бы там да принял предложение Ирины поработать с нею (не вмешивая в личные отношения друзей), то вполне бы мог оказаться не только ближайшим помощником Генсека, но и серым кардиналом при нем. Пустячное дело, если бы Ирина руку приложила, вопрос буквально двух-трех месяцев. И не такие фигуры в то время к вершинам власти выскакивали. Доценты провинциальных вузов, мэнээсы-теплотехники, разве что не уволенные прежним режимом за профнепригодность дворники.

²⁸ То есть учинить нечто такое, от чего мир содрогнется, потрясенный гибелью Третьего рейха. Возможно, имелась в виду недоделанная атомная бомба? Или всеобщее жертвенное самоубийство?

Тем более уже в студенческие годы Новиков достаточно определенно формулировал свои политические взгляды. Был сторонником «второго издания НЭП», причем при сильной, почти диктаторской власти просвещенного лидера, обеспечивающего необходимый и достаточный набор «личных свобод». Хорошо понимал, без всяких аггров и форзейлей, что любая «демократия», вроде февральской семнадцатого года, немедленно понесет страну вразнос. Только кто же его тогда спрашивал? За меньшее из международников перевели «на низовую работу».

Глава 12

Из записок Новикова.

«Ретроспективы». Борт «Валгаллы», ноябрь 1925 г.

...Все свои ощущения и мысли очень подробно, чуть ли не в лицах, рассказал мне Шульгин, а я и в сталинской роли, задолго до «перестройки», пытался проводить курс, о котором мне напомнил Сашка, даже в условиях подготовки и начального этапа войны. Мягкая и аккуратная «демократизация» при сохранении всей полноты власти. Не успел.

А что, если случившееся – своеобразная рефлексия Игроков или самой Гиперсети даже на ту, в иной реальности предпринятую попытку? Я «там» сыграл так, а партнер «здесь», оценив силу хода, придумал симметричный ответ? Стоит над этим подумать.

Случившееся же в последующие двенадцать лет ввергло Сашку в тоску и печаль. Это нужно было так постараться «отцам Отечества», чтобы даже и его поколебать! Я же, кстати, воспринял все им изложенное как должное. В том варианте, как оно осуществлялось, иного и ждать не следовало... Такая страна. Про «февральскую демократию» забыли. И во что она вылилась.

Когда Шульгин счел себя достаточно подготовленным теоретически, настало время предпринять первую рекогносцировочную прогулку по городу. Лучше бы всего, конечно, – в привычной личине британского журналиста или странствующего лорда, приехавшего посмотреть на новогоднюю Москву. Это было бы совершенно безопасно и даже в случае серьезных промахов и несуразностей в поведении избавляло от недоумений и подозрений со стороны властей и обычных граждан. Бояться-то ему в любом случае было нечего, и не в таких переделках бывали, однако законы жанра требовали, чтобы все исполнялось чисто. Во всех смыслах.

Только вот с документами была проблема. Он имел их сколько угодно, но – тех миров, где пришлось работать последнее время. Эта же реальность всегда была для нас «табу». С самых первых дней работы с Антоном нам было разъяснено, что путь в будущее по Главной исторической последовательности закрыт по той простой причине, что, оказавшись там, мы больше никогда не сможем вернуться в исходную точку, поскольку преодолеть «поток времени» против течения невозможно. Не хватит всей существующей в мире энергии. Так же, как не хватит энергии у гребца, вздумавшего подняться на каноэ вверх по водопаду или просто бурной горной реке.

Правда, позже выяснилось, что это не совсем так, Антон не сказал нам всей правды, а пожалуй, и сам ее не знал. Он ведь был всего-навсего инструментом в руках Игроков и никогда лично не контактировал с Гиперсетью.

Первый раз в будущее по собственной оси сумели прошмыгнуть мы с Ириной, но тогда наше возвращение показалось чем-то вроде чуда, объяснявшегося тем, что пробой канала перехода осуществлялся из Замка, то есть из «вневременья», и все время поддерживался «под напряжением». То есть указанное «каноэ» как спустилось вниз по тросу, так им же и было подтянуто обратно. В дальнейшем, разобравшись с устройством нужных узлов Гиперсети, мы поняли, что имеем возможность и впредь осуществлять подобные проникновения. Только нужды в них не было никакой, все наши интересы концентрировались в прошлом, а не в будущем. И не в своей реальности.

Проникновение же в будущее реальности Росткина – Суздалева произошло, во-первых, без нашего желания, во-вторых – опять же по боковой линии.

Но вот, наконец, развитие событий потребовало переступить не только через закон Узла, но и через собственные предрассудки. Из всех расчетов, а также и сверхчувственного знания следовало, что операции практически любого рода (за исключением особо предусмотренных) на Мировой линии не способны оказать влияния на веер реальностей второго порядка. Так машинист (или вообще любой технически грамотный человек), находящийся в локомотиве поезда, мчащегося по Главному ходу, может совершать действия, судьбоносные для эшелона и его пассажиров, но они никак не отразятся на том, что происходит на прочих ветках, маневровых путях и в станционных помещениях.

//Опять лирическое отступление в стиле Виктора Гюго, но, наверное, такие пассажи помогают мне как-то разбираться в смысле текущей обстановки и предпосылках наших проступков.//

В силу вышесказанного Сашкины подлинные британские и прочие паспорта безнадежно устарели, а нынешних иностранных бланков в квартире не имелось. Пришлось довольствоваться российским и, вложив его в приемное окошко подключенного к компьютеру принтера (и тут прогресс), руководствуясь инструкцией, набрать на клавиатуре все требуемые данные. Не мудрствуя лукаво, он использовал свои, подлинные, только год рождения пришлось подкорректировать согласно внешности.

Сведений о текущих ценах на основные товары и услуги в тех источниках, что он успел изучить, не попадалось, но разговоры об их постоянном росте и непрекращающейся инфляции велись постоянно на протяжении нескольких лет. Зато в изобилии рекламировались импортные автомобили и квартиры в элитных домах. Цены на них ставились исключительно в долларах. Естественно, суммы так называемых «минимальной зарплаты» и «потребительской корзины» выглядели устрашающе жалко.

Вообще же картинка складывалась мрачная. И прокоммунистическая пресса (никуда не делась), и интеллигентски-либеральная, вроде кадетской былых времен, дружно писала о том, что реформы разрушительны или бесцельны, что веселится и жирует не более 5% (в других источниках от 20% до 30%), большинство же населения окончательно и бесповоротно скатилось к черте бедности и значительно ниже нее.

Выходило, что тот сумрачный декабрь девяносто первого, в котором я побывал и красочно описал друзьям, – чуть ли не эпоха процветания по сравнению с нынешней. Некий, по всему судя, крупный экономист с сердечной болью сетовал, что даже уровень 1990 года за 13 лет реформ не достигнут, а народное потребление скатилось к началу пятидесятых годов. Те годы Шульгин помнил, причем не в Москве, а в провинции, и это было действительно тяжело.

Так что же он увидит сейчас? И сколько взять с собой денег?

Ассортимент российских дензнаков начинался с десятки и заканчивался голубенькой тысячей. Уже не сходится. Какая такая инфляция, если за шесть лет даже десятка остается в обращении? Инфляции вы не видели, господа, советской двадцатого года или немецкой двадцать третьего! Вот то – инфляция! Миллионы и миллиарды, и курс скачет два раза в день. А мы – и «Черный обелиск» читали в детстве, и лично чемоданами советских денег в *той* Москве расплачивались.

На всякий случай Сашка рассовал по карманам пачку тысячных, пачку сотенных и еще одну – десяток. На мелкие расходы...

Сидя несколько дней спустя за накрытым столиком, едва освещаемым лампой под глухим абажуром, Шульгин настолько живо и образно излагал мне свои впечатления, что я будто сам

все это видел. Тем более и места, и настроения, на которые он ссылался, так мне были близки... Я слушал и тоже сравнивал. Былую жизнь, ледяной вечер девяносто первого и то, что пережил Сашка.

Вечерело.

Подходя к Тверской по переулку, посыпаемому сверху мелким снежком, Шульгин заставил себя смотреть на окружающее глазами себя тридцатилетнего.

Вот он вышел из дома подышать свежим воздухом и прикупить чего-нибудь для новогодней вечеринки. Итак, договорились – конец декабря 1981 года. Москва, угол Столешникова и Горького. Установка – отвлечься от всего, что видел за годы странствия по мирам. Вспомнить, каким он вышел из дома, тогдашнее настроение, статус и материальное положение. Числа примерно 27—28 декабря. Впереди – свободный вечер, в кармане... Ну, пусть будет четыреста рублей, только что выдали зарплату, обычную и «тринадцатую», да плюс предпраздничную премию. Сотни полторы из них можно просадить совершенно безболезненно для семейного бюджета.

Только не перестараться, остерег себя Сашка, не слишком перевоплотиться, а то, чем черт не шутит, забросит его «домой» на самом деле, и как тогда выкручиваться с теперешними документами и деньгами в кармане?

Впрочем, и оттуда можно будет вернуться без проблем, если, конечно, дверь в квартиру не заклинит.

«...Вот, – медитировал он, – я поворачиваю на улицу Горького...»

Светилась на растяжках и фронтонах домов новогодняя иллюминация, блестели игрушками елки в витринах, ровным потоком катились автомобили и троллейбусы, достаточно густо двигался по тротуарам народ, все больше в темноватых длинных пальто и шапках-ушанках. И очереди, очереди перед каждым почти магазином, перед царскими воротами ресторанов и кафе. Поднималось в душе глухое раздражение при мысли, что за шампанским и водкой придется отстоять в Елисеевском, хорошо, если час. Да за колбасой, сыром и консервами полчаса, не меньше. Если вдруг выбросили сайру, шпроты – часом не отделаешься. Да еще конфет бы прикупить, лимонов, пепси-колы (тоже – вдруг!), а подарки, духи, например, польские жене, ну, мало что еще попадется? Короче, вечер для прогулки потерян. Дай бог, часам к десяти домой вернуться, отягощенным добычей. Потому что завтра еще длиннее и скандальнее очереди будут...

Очень хорошо получилось у Сашки реконструировать образ мыслей и настроение себя тогдашнего. «Как бы там ни было – Новый год не за горами, и это радует. Соберутся друзья, откроем шампанское, прослушаем новогоднее поздравление Брежнева, в который раз посмотрим «Иронию судьбы», дружно подсказывая героям и друг другу реплики. Часа в три утра выбежим на улицу, продышаться и повалять дурака. Вернемся и будем танцевать и пить до упора, весело и раскованно. И потом спать до обеда, разлепить глаза в начинающихся сумерках, с привычным чувством тоски и разочарования, что опять все прошло так быстро. И – скорее к столу, похмелиться и закусить, чем осталось...»

Ну что, так ведь и жили, не слишком задумывались, что можно бы иначе.

«...Все это время я шел, опустив голову, смотрел под ноги, чтобы не поскользнуться на раскатанных детьми ледяных дорожках, машинально уклонялся от столкновения со спешащими прохожими. И вот, поднял глаза...

Да, господа, картина не для слабых духом и умом!

Вот это иллюминация! Все здания, в принципе знакомые, выглядят совсем иначе. Огни реклам от крыш до тротуаров, ярчайшие уличные фонари незнакомого типа и в огромном количестве. Безумное количество роскошных иномарок прет с интервалами буквально в

несколько сантиметров вверх и вниз по улице. И еще почти столько же приткнулось к тротуарам, захватывая местами добрую часть пешеходного пространства. Ужас, честно сказать, даже в Лондоне, приехав на встречу с Сильвией, я такого не видел. И в Москве «2056» – тоже. А это ведь пребывающая в депрессии и упадке, разграбленная компрадорами Россия!

И народ на улице совсем другой. Нет, не лондонский, абсолютно местный. Мало что говорят все по-русски, так и лица все те же самые, родные, но абсолютно другие. И одежда тоже, и манера поведения. И громкие разговоры, и смех. Нет у них того внутреннего напряжения, с которым только что шел по улице прежний Шульгин. Понятно...

Но ведь по логике местной прессы, как минимум семеро из десяти встреченных (а то и девять с половиной!) должны выглядеть голодными, скверно одетыми, затравленными, плавающими священной ненавистью к сияющим витринам и жирующим богатеям. Да и «богатеям» следовало бы не фланировать нагло по центру города, а тихо пировать за наглухо задернутыми шторами своих квартир и ресторанов.

А здесь, судя по нескончаемому шестирядному потоку автомобилей (да каких!), чуть ли не каждый третий – богач из богачей...»

Что, к слову сказать, умилило Сашку, так это достаточное количество «Волг» и «Жигулей». И в довольно приличном состоянии. Машины его молодости сновали во вполне сопоставимых с действительно «современными» моделями количествах. Даже одна «Победа» проплыла в потоке.

Что-то здесь непонятное с прогрессом, раз так много техники сорокалетней и более давности остается в обращении.

Но вот и магазин. Возле которого должна была бы змеиться мрачная очередь, хоть и предпраздничная. Не змеится. И в магазине на удивление просторно. Люди есть, конечно, и немало, только ходят они между прилавками и полками спокойно, с корзинками и тележками, отбирают вдумчиво, мужья обсуждают с женами, девушки с парнями, друзья с приятелями, какую водку взять, какой майонез, вырезку ли свиную или охлажденную индейку, маслины с косточками или без таковых...

А что на прилавках и полках?! Нет, ну извините, господа! Такого ассортимента товаров он не видел нигде и никогда. Для интереса взялся посчитать количество сортов водки и пива в специально отведенной просторной секции. Перевалил через полсотни того и другого, после чего бросил.

Если вот это – страна в депрессии, упадке и распаде, так что же такое процветание?

Попадались ему статейки насчет худшего, чем во времена гитлеровской оккупации, времени, компрадорского режима и невыносимого существования. Ну и что?

В гитлеровские, сталинские, хрущевские или брежневские времена были такие магазины и товары? Была столь оживленная и одновременно ненапряженная толпа покупателей? Такая масса выбирающих и расплачивающихся людей, многочисленная, но отнюдь не выстраивающаяся в невыносимые, как зубная боль, очереди? Если это – плохо, то что же тогда хорошо? Если бы действительно увидеть все это из восьмидесят первого без подготовки, непременно вообразил бы, что вот он – желанный и стократно обещанный коммунизм! Пришел, хоть и с большим опозданием.²⁹

Нужно отметить, что Шульгин (с нашей с вами, читатель, точки зрения) был человек непросвещенный. Как говорил персонаж Бабеля: «Что он видел в этой жизни? Пару пустяков!»

И действительно: до тридцати лет – исключительно Советскую власть. После – планету Валгалла, Замок форзейлей, двадцатые годы в Крыму, Москве, Европе, Англии. Москву ежов-

²⁹ На XXII съезде КПСС (1961 г.) Н.С. Хрущев объявил развернутую программу построения коммунизма, который должен был наступить в 1980 г. Вместо этого в Москве в указанном году были проведены Олимпийские игры.

ско-сталинскую, немножко мира 2056 года. Вот и все, пожалуй. И видел как-то не всерьез, с точки зрения постороннего, в общем-то, существа, стоящего или вне, или над схваткой. Реальная жизнь реальных людей его словно и не касалась.

А сейчас попробовал – изнутри, причем в своем собственном мире, единственно родном, можно сказать. Проживи он здесь минувшие двадцать лет обычным порядком, может быть, и разделял сейчас точки зрения аборигенов-публицистов.

Вот так же, сразу – это почти потрясение. И что толку, что согласно статистике в его молодые годы СССР производил в несколько раз больше мяса, молока и масла, десятки тысяч танков и в роли оплота передового человечества кормил, одевал и обувал миллионы дармоедов от Афганистана до Анголы и Мозамбика, и войска посылал туда же. А вот все это, на улицах и в магазинах, где тогда было и откуда сейчас взялось?

Понятное дело, он сейчас рассуждал как изможденный плановой экономикой индивидуум с окладом в двести двадцать рублей, хорошо помнивший, что такое – «колбасные электрички», магазин сельпо в ста километрах от Москвы, в той же селигерской деревне Жар, где с войны и до конца правления Брежнева не было ничего, кроме черно-серых макарон, соли, спичек, окаменевших пряников, «Имбирной» настойки и сигарет «Памир» (он же – «Нищий в горах»³⁰). И все же, все же...

Шульгин прошлялся по знакомым, а теперь уже таким чужим улицам часа три, любовался окружающими подступы к Кремлю чудесами и диковинками, для полноты картины зашел в японский (вспомнить дальневосточную молодость) ресторан рядом с «Детским миром».

Попытка поговорить на языке с широколицым и узкоглазым метрдотелем завершилась неудачей, поскольку тот оказался давно обрусевшим казаком. За ужин по полной национальной программе выставили счет под тысячу рублей, но судя по тому, что ресторан был почти полон, цена эта здесь считалась нормальной. Зато персонал был неизмеримо более любезен и квалифицирован, чем в старое время, и гости выглядели людьми воспитанными, раскованными без хамства и вполне довольными собой и жизнью.

После чего он вернулся домой с полным ощущением, что в этом мире ему никакие серьезные неприятности не угрожают. В том смысле, что полностью отсутствует возможность привлечь внимание бдительных товарищей «не таким поведением», излишней платежеспособностью или стилем одежды. Здесь, похоже, можно все и никого это «все» не удивит и не заинтересует.

Обеспечив себя огромным количеством самой свежей прессы и привлечшими внимание книгами, провизией и напитками по вкусу, Сашка еще на два дня завалился на диван.

³⁰ На пачке сигарет на фоне гор был изображен согбенный силуэт якобы туриста, опирающегося на посох.

Глава 13

Из записок Андрея Новикова.

«Ретроспективы»

Наша *Служба охраны реальности*, как следует из уже описанных мною событий, определенным образом себя изжила. Ее название перестало соответствовать сути дела так же, как это ранее случалось с другими подобными организациями. Ей предстояло или просто исчезнуть, как Коминтерну³¹, или преобразоваться, изменив форму и содержание (как ВЧК, ВКП(б) и тому подобное).

Охранять ту реальность, в которой мы обустроились, теперь, как выяснилось, больше не требовалось. Что бы там ни случилось, все перемены будут осуществляться уже и только в рамках сложившегося положения дел и смогут затронуть лишь государственное и политическое устройство нового мира, но никак не его основы.

То же, чем решили заняться мы сейчас, имело совсем другой смысл. Потому, не объявляя публично о кончине прежней общественной организации, мы, пока втроем (снова втроем, мистический треножник), решили, после некоторых терминологических споров, учредить Комитет Активной Реконструкции Реальностей (КАРР, естественно).

// (Пометка на полях. Когда Ирина, которой я, естественно, тут же все, или почти все, рассказал, поинтересовалась с кислым выражением лица, зачем и кому это нужно, я ответил ей как всегда образным примером Воронцова. Капитану, который привык гонять чайные клипера из Шанхая в Лондон (риск, бессонные ночи на мостике, тухлая вода, гнилая солонина, червивые сухари, сорванные паруса и сломанные мачты, и все ради того, чтобы прийти к открытию торгов первым и получить грошовую, в общем-то, премию), невозможно, пока остаются силы, согласиться на должность шкипера каботажной баржи, пусть и при том же окладе жалования.) //

Председателя мы не избирали. В штабе нашего Комитета мне достался пост администратора, что подразумевало примерно то же, что в прежних госучреждениях «заместитель по общим вопросам».

Шульгин захотел называться «старшим оперуполномоченным». На вопрос Дмитрия, кто будет младшим, он здраво ответил, что за этой категорией дело не станет.

Соответственно Воронцов обозначил себя как «начальник тыла». Для боевого офицера вроде бы непрестижно, а на самом деле, кто понимает, очень и очень ответственно. Чего стоит хоть штурмовая дивизия, хоть эскадра крейсеров, лишенная баз, снабжения топливом, продовольствием, боеприпасами и т. п.? К тылу, кстати, относится и комендантская служба, и военная полиция, и многое другое. В общем, в свое время многие считали сталинскую должность генерального секретаря тем же, что обычный «начальник канцелярии». И большинство из них ошиблось непоправимым образом.

А мне немедленно пришлось заниматься кадровыми вопросами. В предвидении грядущего это имело серьезный смысл. И фраза: «Кадры решают все» – отнюдь не красное словцо.

³¹ Коммунистический интернационал – объединение большинства коммунистических партий мира под контролем ВКП(б) для организации Мировой революции. Распущен Сталиным в 1943 г.

Кто в свое время отнесся к ней легкомысленно, иногда имел время пожалеть о своей ошибке, а зачастую и нет.

На что же мы могли рассчитывать?

Ростокин с Аллой выбрали для себя необременительную роль полномочных представителей Братства в своем собственном мире 2056 года, который, конечно, уже не был тем же самым, что до нашего проникновения и вмешательства. После того как мы в нем побывали, и Игорь, включившись в наши «забавы», попал в поле зрения кого-то из Игроков, эта реальность тоже зафиксировалась, утратила основные признаки химеры и могла, теоретически, существовать стабильно и неограниченно долго. Но в том-то и дело, что чисто теоретически.

Тот же Игрок, по словам Игоря, намекнул ему, что он в своем мире может реализоваться в своеобразной реинкарнации Новикова, то есть меня. Сходство психотипов, потенциальные способности и тому подобное. Не возражаю, почему бы и нет. Но и это пока тоже чисто теоретически. Собственными силами Ростокин не смог активизировать те самые пресловутые «мостики» между реальностями, о которых они с Шульгиным мечтали. Как он говорил Игорю: «С твоей помощью мы сможем объединить наши миры, состыковать навсегда. Разумеется, лишь для посвященных. Ты даже и вообразить не можешь, какие открываются перспективы. Наладим аккуратный обмен особо избранными людьми. Нынешних посылать к вам будто на курорт, от вас сюда принимать искателей приключений или социальных утопистов, желающих прикоснуться к истокам...»

Может быть, в тот момент Сашка говорил совершенно искренне, мечтая превратить Форт Росс в аналог Замка Антона, место экстерриториальное и эксвременное. И опирался на собственные, в тот момент казавшиеся ему верными предвидения.

Но – не получилось. С фортом получилось, с остальным – нет. Да и не могло получиться, слишком огромен был бы массив парадоксов, обрушившихся на этот «мост». Ну, как снежная лавина на обычный мост через горное ущелье.

Так и остались всего две возможности «избранным людям» перемещаться из «нашего XX» в «их XXI» век и обратно. Та самая блуждающая в океанах «черная дыра», координаты которой Воронцов с Левашовым научились вычислять с достаточной для навигационных целей точностью. И – формула, добытая Шульгиным в предыдущем посещении Замка, которая перенесла его прямо на палубу «Призрака», на другой конец Земного шара и через...

А вот через сколько физических лет, установить так и не удалось, поскольку «летел»-то он не из Стамбула, а из Замка, куда попал тоже нематериальным образом. Но пользоваться этим путем произвольно могли только я и Сашка, остальных мы могли перетащить с собой особым и достаточно сложным способом. Причем в этом случае риск был сопоставим с первыми авиаперелетами через Атлантику.

И вообще, никакой более-менее понятной теории, хотя бы приблизительно объясняющей реальное взаимоотношение между двумя «братскими мирами», создать до сих пор не удалось. Теории, пригодной, чтобы описать периодически возникающие парадоксы асинхронно текущего там и тут времени. Бывало, что оно совпадало до секунд, потом вдруг начинало стремительно ускоряться в одном континууме и тормозиться в другом, и наоборот, естественно.

Но жить все равно было можно. И вполне прилично, время от времени организуя взаимные визиты.

Из сказанного следует, что в близкой перспективе нам Ростокина привлекать к активной работе нет необходимости.

Роль Левашова понятна. Он по-прежнему занимается техническим обеспечением всего проекта. Переориентировать его на оперативную деятельность бессмысленно и расточительно. По крайней мере сейчас. Настолько же глупо, как советским «стратегам» отправить сотню тысяч интеллигентов: музыкантов, литераторов, инженеров, студентов в московское и ленин-

градское ополчения, чтобы они там сгинули безвестно в бестолковых атаках и контратаках. В то время, как впятеро большее количество откормленных, мордатых парней самого боевого возраста продолжали охранять лагеря, в которых сидел тоже подходящий для войны контингент. Я не провожу никаких параллелей, это мне просто так, к случаю вспомнилось.

Для Берестина непосредственной работы тоже пока не просматривалось, но впоследствии как бы не пришлось ему снова почувствовать себя хотя бы командармом.

А вот Ирине и Сильвии дело нашлось почти сразу же.

Но, опять же, по порядку.

...Для второго визита в «наш» мир на Главной исторической последовательности Сашка пригласил меня.

Он сообщил, что намеревается продолжить процесс легализации за пределами Отечества, а также кардинальным образом решить финансовые вопросы. Чтобы мы здесь могли чувствовать себя не хуже, чем в уже освоенных нами местах. Он не привык затевать серьезные дела, имея в кармане восемь рублей и три талона на обед. На правах «старожила» вывел меня в город, показал, что здесь теперь и как.

Первые затруднения, совершенно нами не предусмотренные, по причине исторической отсталости, возникли именно с квартирой, которая казалась нам надежнейшей опорой и бастионом. Ан нет. Совсем тут другая открылась стилистика. С наступлением новых времен в ней в очередной раз сменились жилы, да и во всем подъезде тоже (что нас как бы и не касалось), но на входе в подъезд появились броневые двери с домофоном и сурового вида консьерж в вестибюле. Просто так не войдешь и не выйдешь.

В свое первое посещение (вернее, возвращение после рекогносцировки) Шульгин имел от этого некоторые сложности, следовательно, вопрос нужно было решать радикально.

Поэтому мы, войдя «домой» внепространственно, отдохнув, обсудив диспозицию, запаслись всем необходимым и ушли, оставив консьержа в некотором недоумении. Не мог он вспомнить, как мы мимо него проходили с улицы.

Побродив немного по центру, отрываться от которого не собирались, нашли небольшую частную гостиницу в одном из арбатских переулков, где никого не интересовало наличие в паспортах постояльцев московской прописки (в советское время поселять в гостиницах местных категорически запрещалось). Заведение было уютное и с западным уровнем сервиса, но и цены, скажу вам, тоже ого-го. Если бы простому человеку, так месяц работай – день живи.

Проблему нужно было решить максимум за неделю, потому что каждый раз при возникшей необходимости вызывать по особой связи Левашова, с его помощью через внепространство заходить на Столешников, оттуда снова в гостиницу или наоборот – утомительно и нерационально.

По объявлению в газете выбрали на Петровке риелторскую контору, которая при визуальном осмотре показалась нам солидной. Выждали момент, когда внутри не было других посетителей, и вошли. Я придал себе вид респектабельного, до чрезвычайности надменного господина, с ног до головы одетого в шикарном магазине на Тверской, а Сашка сопровождал меня как бы в качестве управляющего делами.

Проще было бы наоборот, но ему захотелось потренироваться на вторых ролях.

Увидев, что на столе у старшего менеджера присутствует пепельница, я немедленно закурил тысячерублевую сигару, отнюдь не спрашивая разрешения. Да никто и не подумал возразить.

Вообще, если желаешь утвердиться в незнакомом обществе (малознакомой компании, казарме, тюрьме и так далее), нужно сразу начать слегка переигрывать. На повышение ставок, так сказать. Это и женщинам нравится, и признанных лидеров хоть ненадолго, но напрягает и

дезориентирует. Само собой, при этом следует быть готовым взятую тональность подкрепить чем-то существенным. Если найдется некто, не желающий сдать позицию без боя.

Разговор у меня был короткий и деловой. Хочу приобрести две смежные квартиры в таком-то доме, номера такие-то и такие-то. Желание это безусловное, цена как самой недвижимости, так и посреднических услуг меня не интересует (в разумных пределах). Форма сделки и способ расплаты – на усмотрение владельцев. Наличные в рублях или валюте – пожалуйста, адекватный обмен на жилплощадь в любой элитной новостройке – тоже не вопрос. С доплатой за беспокойство.

Сотрудники агентства, при всей своей вежливости и готовности услужить (и заработать, само собой), выразили некоторое сомнение, что удастся уговорить сразу двух владельцев, причем одновременно и в сжатые сроки.

– Так для чего вы тут сидите? – холодно осведомился Шульгин у молодого лощеного менеджера. – Нам обратиться в другую фирму?

В новой Москве, к слову сказать, его ретрозамашки британского аристократа работали очень неплохо. Кто-то априори воспринимал как должное именно такой стиль поведения, а кто-то начинал соображать, что, наверное, это как раз только-только входящий в моду «новый стиль».

– Что вы, что вы, господин Шульгин, – косясь на врученную ему визитку, отвечал клерк, – наше агентство имеет весьма высокий авторитет на рынке недвижимости. И мы, разумеется, сделаем все возможное...

– Сделайте, сделайте, – благосклонно кивнул я. – И при разговоре с клиентами непременно заметьте, так, вскользь, что ни в коем случае не следует забывать мораль «Сказки о рыбаке и рыбке». Не зря ее в школе проходят. Наши предложения – очень хорошие, далеко выходящие за рамки общепринятых. Они же – окончательные. В случае недостижения консенсуса слишком несговорчивые могут оказаться в положении пресловутой старухи. Я достаточно ясно выразился?

Выйдя на улицу, мы дошли до Манежной площади, поразившей нас своей аляповатой бессмысленностью, заглянули в «Националь», в привычный еще по «тем» временам зальчик. Официантка с ногами суперзвезды и взглядом панночки из «Вия» подала меню и брезгливо сообщила, что цены обозначены в «у. е.».

– Девушка, вы никогда не слышали такое выражение: «Если ты спрашиваешь, сколько это стоит, значит, оно тебе не по карману»? Запишите где-нибудь. Можно – прямо на обложке. Вот этот коньяк – триста грамм, лимон, валованы с икрой, обоих цветов, потом – капуччино. Действуйте...

Снова закурили по сигаре. Оказывается, в Москве это опять вошло в моду, только если в 60-е годы лучшая кубинская стоила в пределах трех рублей, то сейчас цены были вполне сравнимы с теми, что я застал в странах, поддерживавших американское эмбарго в начале 80-х.

– Вживаемся помаленьку, – констатировал в пространство Шульгин. – Тебе не противно все время богатого хама изображать? Мне – моментами надоедает.

– Изображай себя, мэнэеса с кандидатским дипломом. Останешься при всем самоуважении, а перекусишь пирожком в подземном переходе. – Я кивнул официантке, с нечеловеческой быстротой расставившей на столике заказ. – Сколько бы ты в этот «Националь» в очереди простоял, и как бы тебя с твоей десяткой в кулаке здесь обслужили? И что тебе не так? Будто твой Грин в Лондоне с обслугой вась-вась держался... Особенно если она дурацкие замечания тебе делала.

– Оно конечно, ангелов мы из себя не строили, особенно в Гражданскую, но тут, понимаешь ли...

– Ага! Футурошок, наконец, достал. Там растленный Запад и исторический капитализм на своей высшей стадии, а тут вдруг – был «образцовый коммунистический город» и сразу

такое! А чего ж ты хотел, братец? Я так скажу – ты тут не был в девяносто первом, а я был. Вот бы тебе сравнить, что было и что стало. Грязь, вонь, темнота и разлитая в воздухе тоска, бессмысленная и беспощадная. Укрыться от которой можно было в редких, до удивления жалких «кооперативных» кабачках. Бр-р...

От воспоминания меня даже передернуло.

– А теперь, ты полюбуйся, – я указал сигарой за окно. – И Иверскую восстановили, и люди на людей похожи, и вообще чистый Париж. Всего-то за двенадцать лет...

– Так-то оно так, а все равно тягомотно на душе. Окончательно, значит, нет у нас Родины. Как кому, а мне в той Москве уютнее было.

– Тебе, значит, все прелести и радости свободных миров, а этим вот, – я снова указал сигарой на мельтешащие мимо окна толпы прохожих и потоки автомобилей, – для твоего душевного спокойствия лучше бы еще сотню лет социализм строить... Да ты посмотри, девочек сколько красивых стало! В наше время если б две-три таких на целый институт нашлось, и то я не знаю! А здесь – роты и батальоны на одном всего лишь квартале. В ограниченный отрезок времени.

– Когда тебе исполнится шестьдесят, пропорция возрастет еще больше. И хватит, – прервал тему Шульгин, – а то это уж слишком начинает напоминать наш тогдашний разговор с Олегом. Как думаешь, с квартирой выгорит?

Конечно, позарез нам нужна была только одна, «та самая», а о второй мы завели речь с риелтором больше для маскировки своей истинной цели. Да и в прессе читали, что сейчас здесь модно скупать целые этажи и устраивать гигантские апартаменты, художественные салоны для избранных, а то и «аристократические» дома свиданий. Нет, и в оперативных целях две смежные, конечно, удобнее.

– Должно, – дернул я плечом. – Живет там, по нынешним меркам, не бог весть какая птица. Подумаешь, пять автозаправок держит. За сколько лет даже на приличный ремонт не разорился.

//Позднее мы узнали новый термин – «евроремонт». По сути то же самое, но с понтами.//

Уговорим. В крайности, ты к нему наведешься в известном виде и намекнешь, что бензозаправки – объект повышенной пожароопасности, а далеко не все клиенты вовремя успевают тушить сигареты, въезжая на территорию.

– На статью такой визит тянет, – меланхолично заметил Шульгин.

– Равно как вообще вся наша деятельность в обозримом прошлом и настоящем. Давай о другом поговорим. Я прикинул, сейчас в нашем распоряжении, в закромах, наличествует примерно семьсот тысяч долларов, полмиллиона евро, еще какая-то расходная мелочь в фунтах... Плюс сорок миллионов рублей тысячными бумажками и пятисотками. Очевидно, «домовой» нашей квартиры счел, что для первичного обзаведения этого достаточно.

– Именно, что для первичного. Как раз жилищный вопрос решить. Миллион баксов, как с куста. И что останется? – слегка взбодрившись, спросил Сашка.

– Да, не врангелевское сейчас время. Тонну золота в банк на грузовике не привезешь. Причем по всему миру сейчас свирепствуют совершенно дурацкие законы насчет «противодействия отмыванию». Наверняка это наши враги из «контрсистемы» их протасили, чтобы нам жизнь осложнить. Представь, пришлось целый день потратить, чтобы поганые сто тысяч баксов на кредитные карточки рассовать... И со всеми квартирными владельцами прикажешь наличкой расплачиваться? Взять-то возьмут, но вообще чревато...

Проблема, мною обозначенная, действительно оказалась нешуточной. Опоздали мы немного, времена, когда люди таскали с собой чемоданы дензнаков, а банки существовали скорее именно для «обналички», а не наоборот, давно миновали. Планируемая работа требовала

свободы распоряжения средствами, причем достаточно легальными, которые можно переводить со счета на счет, не опасаясь лихого налета махновцев с удостоверениями и ордерами многочисленных фискальных учреждений.

Экспроприировать в любой точке земного шара любое количество денег мы могли хоть сейчас – наведи фокус СПВ на внутренность сейфа самой Федеральной резервной системы, и – «грузите апельсины бочками». А дальше?

Надо было или заводить собственное дело, позволяющее «отмывать», вроде сети казино, или искать нестандартное решение. Первое – занятие долгое, муторное, рискованное. Пока раскрутишь все, как полагается, год уйдет, если не больше – без друзей, без связей, без «крыши».

Ладно, в России как-то еще можно с одними наличными прокрутиться, если ограничиться передачей денег нужным людям из рук в руки и не помышлять о масштабных инвестициях. А на Западе?

Идея пришла где-то на втором часу «мозгового штурма», причем при ее реализации заодно решалась и побочная, но не менее важная проблема.

Так и так нам следовало создавать «в стране пребывания» собственную инфраструктуру. И, значит, ознакомиться теперь уже со специальной финансовой и юридической литературой, не только отечественной, но и зарубежной, действующим законодательством и способами в меру легально его обходить. Слава богу, здешний Интернет в сочетании с имевшейся аппаратурой и методиками позволил свести процесс к паре дней.

Было решено, что более опытный в заграничных делах Шульгин возьмет на себя функции агента внешнего, я же сосредоточусь на внутримосковских заботах. Тут тоже работать и работать, тем более что по мере углубления в проблемы они, как бы сами собой, обрастали буквально ворохом возникающих следствий.

Некоторой подготовки требовало обеспечение выезда Сашки из страны. Внутренний паспорт у него был, и весьма настоящий. С заграничным же сложнее. Фальшивку сделать не проблема, даже и дипломатический, в качестве депутата Государственной думы, к примеру, но – опасно. Не следует оставлять лишних следов. На этом, как известно, сгорел персонаж рассказа Рассела «Будничная работа». Мало ли кому вздумается ни с того, ни с сего заинтересоваться, что это за депутат такой отправился в зарубежный вояж? И вообще, может, их каждого персонально отслеживают соответствующие службы?

Сходить на Запад через канал СПВ тоже несложно. Здесь вошел, там вышел – всего и делов. Однако, если планируется внедрение с последующей легализацией, да еще и серьезные финансовые авантюры стоят на повестке дня, так документы должны быть настоящие на все сто процентов. И визы на них, и прочие штампы и печати. Если Госдеп американский их будет проверять, ФБР, АНБ – зацепок быть не должно.

Как сказал мне Шульгин: «Должно же у нас быть хоть что-то подлинное».

А подлинность в нынешней Москве была таким же рыночным товаром, как и почти все остальное. Сашка нашел в рекламном еженедельнике несколько страниц, заполненных объявлениями туристических фирм, выбрал вроде бы подходящее: «Туры в любую страну, групповые и индивидуальные, билеты, визы, заграничные паспорта в течение трех суток». Очень приятный штрих для адаптации в новой жизни человека, выросшего в стране непрерывно побеждающего социализма. До своих тридцати лет ему так ни разу и не хватило сил и упорства, чтобы добиться путевки в самую затруханную капстрану.

В полном соответствии с обещанным очень приятная дама, возрастом между тридцатью и пятьюдесятью, в маленьком офисе на Никольской (бывшая 25-го Октября), мельком осведо-

мившись, располагает ли уважаемый господин наличными долларами или евро в совершенно смешном (для него) количестве, целых полчаса щелкала клавишами компьютера, успевая одно-временно пить кофе, курить, трепаться с подругами, сидящими рядом, а также по телефону размером чуть больше спичечной коробки (полезная штука, надо бы приобрести).

Шульгин время от времени испытывал потребность возмутиться столь бесцеремонным поведением и тут же осаживал себя, предлагая вообразить, как бы все это выглядело здесь же, но при советской власти. Очень помогало.

Правда, пару раз он выходил на улицу покурить под морозящий дождь со снегом, любуясь из-под крыльца толпящимися на противоположной стороне улицы студентами и по преимуществу студентками историко-архивного института (теперь он назывался как-то иначе).

Хорошие, приятные во всех отношениях дети. Уж эти явно ничего не боятся, ни институтского руководства, ни комитета комсомола. Только то, что парни беззаботно матерятся при девушках, его несколько расстроило. Раньше только по деревням это было принято, да в общезжитиях лимитчиков, а тут все-таки рафинированный вуз в самом центре Москвы.

В конце концов администраторша, доказав свой профессионализм, предложила ему практически бессрочную шенгенскую визу вкуче с американской, оптимальный вариант перелета до Сан-Франциско через Брюссель и все сопутствующие услуги за смешную сумму в три с половиной тысячи долларов.

Причем две тысячи – мимо кассы. Одна – сейчас, вторая – при получении билетов и паспорта. Что его «кинут», Шульгин не боялся. Не в подворотне деньги отдаст. Раз милая дама делает такое предложение в лицо, улыбаясь, сидя в весьма приличном офисе, значит, «крыша» есть и «все схвачено». А если все-таки обманут, способ отомстить так, что мало не покажется, у него тоже имеется. И не один. Наверное, поднаторевшая в физиогномике «клеркша» это тоже понимала.

– Вылет в пятницу в двенадцать из Шереметьева «Люфтганзой», и больше ни о чем не беспокойтесь. Документы получите не позже десяти утра у шестнадцатой стойки. Спросите Наталью Артуровну. Извините за задержку, но я сделала все, чтобы вам было удобно. Надеюсь, вы и впредь воспользуетесь услугами нашей фирмы.

– Конечно, конечно, – согласился Шульгин, протянув даме лишнюю зеленую сотенную.

– Извините, у нас и так все включено.

Сашка вышел на Никольскую, вновь думая, что в этом мире жить можно. Если, конечно, доллары у тебя не последние, и кое-что в рублях остается, чтобы угоститься обедом в соседнем ресторане «Славянский базар», знаменитом тем, что в нем Станиславский и Немирович-Данченко придумали свой МХАТ, а они с Вовкой Власовым и Борькой Аглицким пропили там в семьдесят третьем году почти половину денег, заработанных в студотряде, именно из-за почтения к Великим старцам. Они тогда очень увлекались театром, хотя больше уважали Вахтангова и Мейерхольда. Однако книги читали все-таки Станиславского. «Моя половая жизнь в искусстве»³², «Работа актера над собой» и тому подобное.

³² Пародийная интерпретация Ильфом названия книги Станиславского «Моя жизнь в искусстве».

Глава 14

Дальше все просто.

Двенадцать часов перелета, широко расставленные кресла в салоне первого класса, где вместе с Шульгиным летел лишь один не отрывавшийся от лэптопа бизнесмен лет пятидесяти, даже положенные порции виски сглатывавший, не сводя глаз с экрана. Канадские леса и болота внизу, увиденные в смутных лучах с трудом выползающего из-за горизонта солнца, посадка в проливной дождь на мокрой полосе. На желтом такси до «Fairmont hotel», где была подписана Декларация о создании ООН (Сан-Францисская декларация) и где любила останавливаться Мэрилин Монро. Там до сих пор водят экскурсии полюбоваться ее туалетом (в смысле ватер-клозета, а не чего-либо иного).

Номер за семьсот долларов в сутки. Не проблема. В Москве явно страдающий от застарелой язвы желудка господин, рекомендованный той же дамой из турагентства, легко помог Сашке перевести двести тысяч наличных баксов на несколько золотых, платиновых и прочих карточек всевозможных наименований за скромное пятипроцентное вознаграждение. «Хотите миллион – сделаем миллион. Десять – десять. Такса прежняя». Как сказано про римского легата, занявшего в 20-м году со своим легионом Одессу, «такого он не видел даже в своих персидских походах».

А они с Новиковым мучались столь сложным вопросом. Может, не стоило искать длинный путь, когда есть покороче?

С данного момента мотаться по городу, терять лицо, вообще опускаться до уровня рядовых граждан, пусть и американских, Шульгину показалось «невместно». Да и в отличие от нынешней России, приобретенный им опыт работы в послевоенных Европе и Англии здесь годился вполне. Невелика разница, если у тебя есть четко поставленная задача, напор и деньги. Кое в чем в «ревушие двадцатые» приходилось и потруднее.

По телефону он нашел «русскую» (еврейскую, разумеется, по составу) адвокатскую фирму, судя по месту размещения офиса приличную, представился и попросил выслать к нему в апартаменты наиболее компетентного специалиста, правомочного решать вопросы стоимостью от шести нулей и выше.

Также по телефону, теперь уже в чисто русской детективной конторе «Сыщик Путилин», обслуживающей исключительно соотечественников, не замешанных в нарушении американских законов, он заказал «оперативное сопровождение и поддержку» на весь период своего здесь пребывания, в том числе и во взаимоотношениях с фирмой «Кеслер, Кеслер и партнеры».

Никто его, само собой, обманывать не собирался, не то время и не то место, представитель Кеслеров буквально за пятнадцать минут понял, что от него требуется, и уже послезавтра «Международный фонд поощрения исследований паранормальных явлений» с уставным капиталом в сто тысяч долларов был зарегистрирован, в небольшой ризографии изготовлены шикарные бланки, печати, визитки и весь прочий антураж.

Для начала процесса этого было достаточно.

В качестве персонала тот же «Путилин» подобрал ему трех солидных парней и одну не менее убедительно выглядящую девушку (все – с опытом службы в ФСБ, обеих чеченских войн и московских разборок середины девяностых годов, вполне успешно натурализовавшиеся в США).

Они, конечно, сразу поняли, что имеют дело с интеллигентным мошенником высокого класса, да им-то какое дело? Прямой уголовщиной не пахнет, остальное – не их проблемы. Пусть – «Рога и копыта», но офис настоящий, рядом с Маркет-стрит, счет в банке на зарплату и непредвиденные расходы, электронная почта и факс-связь, а главное – готовность ребят на этой синекуре служить не за страх, а за совесть. В любом случае – других кадров у Шульгина в

этом мире пока нет, а тащить сюда басмановских рейнджеров... В гангстерских войнах времен сухого закона они были бы в самый раз, а переучивать на основах нынешней политкорректности? Увольте.

Сейчас Шульгину следовало выяснить, удачной ли оказалась идея с переброской в этот мир необходимых, то есть, по сути, неограниченных средств? Замысел был в чем? Исходя из теории «вязкости» окружающего каждую текущую реальность времени, до самого конца Гражданской войны в России происходящие там события никаким образом не успевали распространиться на Северную, а тем более – Южную Америки (в Южной и до конца тридцатых годов большинство населения понятия не имело о том, что в мире что-то стало не так).

И, следовательно, нужно было только найти момент, когда расхождение реальностей стало тотальным. И хоть на день раньше перебросить часть средств со счетов в предусмотрительно приобретенном Сильвией как раз до развилки маленьком лондонском банке, дышавшем на ладан, но потом неожиданно расцветшем, – в американские. В те, которые без потрясений, реорганизаций, смены владельцев и уставов благополучно дожили до нынешнего времени. Таких оказалось не слишком много, но для целей Шульгина достаточно.

Отлучившись в Лондон 1920 года, он сначала перевел фунты в доллары (с фунтами за минувшие восемьдесят лет случилось слишком много неприятностей) и разместил от пятидесяти до ста тысяч (громкая по тем временам сумма) на десятке номерных счетов в подходящих банковских конторах Нью-Йорка, Сан-Франциско, Бостона и Филадельфии.

Вот пусть лежат там деньги и лежат, обрастая процентами, принося банкирам стабильный доход, и вряд ли кто-то из пятого поколения бухгалтеров заинтересуется судьбами анонимных вкладчиков.

Хорошо, конечно, что существуют на Земле такие очаги стабильности, где и Конституция не меняется третью сотню лет, и доллары с времен войны Севера против Юга сохраняют покупательную способность, и прочие права собственности соблюдаются свято.

Отдохнув в номере, совершив обязательную (для любопытных постояльцев) экскурсию по историческим помещениям отеля, полюбовавшись видом города (правда, сплошь затянутого туманом) из ресторана на крыше, Шульгин приступил к делу.

Взял такси и направился в отделение банка «Соломон бразерс» в пирамидальном небоскребе неподалеку от границы китайского квартала. Попросил встречи непременно с управляющим, отказавшись от общения с сотрудниками низшего уровня, настойчиво доказывавшими, что в состоянии разрешить любые возникшие у господина вопросы.

Холодное упорство вкупе с классическим оксфордским английским, который аборигенами воспринимался примерно так же, как язык Державина в районном отделении ГАИ (но с большим почтением), возобладало. После нескольких телефонных звонков его проводили к управляющему, который оказался молодым, рафинированного облика худощавым джентльменом.

Что-то знакомое почудилось в его лице. А при взгляде на табличку-бэйдж над левым карманом все стало ясно. «Mosolov Yuri». Земляк, значит. Впрочем, неизвестно, к лучшему это или наоборот. Некоторые эмигранты, натурализовавшись, испытывают к исторической родине острую неприязнь.

Приоделся Шульгин для визита в банк дорого, но неброско. В соответствии с легендой.

– Прошу вашей помощи, сэр. Дело у меня не совсем обычное, не знаю, приходилось ли вам с подобным сталкиваться в вашей практике. Но раз, на удивление, мы с вами оказались соотечественниками, думаю, кое-что упрощается. Просто вы меня, наверное, лучше поймете, чем ваши сотрудники.

Последние слова он произнес по-русски.

– К вашим услугам, сэр. Всемерно постараюсь вам помочь, – ответил управляющий по-английски. – Русский я понимаю, но говорить мне трудновато, я ведь американец уже в четвертом поколении...

– Тем лучше, значит, моя история вам должна быть еще ближе и понятнее. Суть вопроса вот в чем. Я специально прилетел из России, чтобы выяснить следующее. Мой прадед был до большевистского переворота весьма состоятельным человеком. Но, если вы в курсе того, что тогда у нас происходило, при реквизициях потерял все. Хорошо хоть сам уцелел, но за границу выбраться не сумел, иначе, возможно, я был бы сейчас на вашем, допустим, месте. Пришлось доживать на Родине, скромно и незаметно. Слава богу, не посадили и не расстреляли. В свой час скончался. Небольшой семейный архив перешел к моему отцу, а недавно и ко мне...

– Примите мои соболезнования, сэр, – счел нужным вставить управляющий.

– Да-да, благодарю вас. Так вот, разбирая из чистого любопытства старые бумаги (моих родителей они отчего-то не интересовали, но сейчас в России новые времена, все ищут *корни*), я нашел в дневниках прадеда несколько зашифрованных страниц, сумел их прочесть, поскольку испытываю к криптографии некоторую склонность.

И, к своему удивлению, а также и радости, узнал, что еще в 1913 году в ваш банк были купцом первой гильдии Шульгиным Иваном Федоровичем помещены солидные по тем временам средства. Ровно пятьдесят тысяч долларов. Почему он сделал это (может, за год до начала Мировой войны, словно бы предчувствовал грядущее), почему никогда никому из близких об этом не говорил, не предпринял попыток добраться до Америки (как мне кажется, при желании это сделать было не так уж и трудно) – навсегда останется загадкой. Дневниками записки предка назвать можно чисто условно, это достаточно разрозненные, часто отрывочные абзацы, факты, рассуждения, практически без комментариев...

Лирика управляющего явно не интересовала, в отличие от сути вопроса. Внимательно слушая романтическую историю, он одновременно черкал что-то паркеровской ручкой с золотым пером на странице большого бюара.

– И какие же вы можете предъявить доказательства существования такого счета и ваших на него прав?

– Ну, я же не «лох», как у нас говорят, мистер Мосолов, я проконсультировался перед тем, как брать билет на самолет. Я назову вам номер счета, вы подтвердите, что таковой действительно существует, после чего я сообщу вам пароль и вы переоформите вклад на меня... Кроме того, это уже для адвокатов, если в их участии возникнет нужда, у меня имеется должным образом оформленная квитанция тех лет, подтверждающая данную транзакцию через Русско-Азиатский и Лондон-Сити банки.

– Совершенно верно. Так и сделаем. Но вы хотя бы приблизительно представляете, о какой сумме может *сегодня* идти речь?

– Именно что приблизительно, поскольку не знаю, на каких условиях работал ваш банк с клиентами девяносто лет назад. Но если исходить из нынешних, то это будет что-то около миллиарда долларов...

– Смотря как рассчитывать, у меня получается даже несколько больше. И что же мы с вами будем делать? Вряд ли свободные активы банка сопоставимы с этой суммой.

– Вообще-то этот вопрос *меня* интересоваться не должен. В конце концов, братья Соломон достаточно долго распоряжались деньгами моего прадеда, и, если вспомнить, сколь выгодна была для американского бизнеса экономическая конъюнктура только в период обеих мировых войн, думаю, что их реальная прибыль была никак не меньше.

– Вы рассуждаете, как дилетант. На самом деле все не так просто...

– Не берусь спорить. Потому я и сказал, что проблему здесь вижу. Но какое-то взаимоприемлемое решение найти можно, не доводя дело до суда? Понятно, что он может затянуться на годы, и адвокаты нас с вами изрядно пощиплют. Оно нам надо?

– Я думаю, мне придется обратиться прямо в совет директоров, решить этот вопрос самостоятельно я не могу.

– Пожалуйста, обращайтесь. Заодно сообщите, что я не планирую закрывать счет или требовать выплаты каких-либо запредельных сумм. Достаточно, скажем, если ежегодно (и неограниченное время) я смогу распоряжаться кредитом в пределах ну хотя бы десяти миллионов. Это ведь меньше одного процента, при текущей учетной ставке – мелочь. Вопрос же о судьбе основного капитала мы отложим на неопределенное будущее. Проценты на который все так же будут расти. Такой вариант вас устроит?

– В любом случае решение вопроса вне моей компетенции. Но ваше предложение – хорошая основа для переговоров. Назовите номер счета.

– Пожалуйста. Проверьте. Но в любом случае в вашей личной компетенции на основании предъявленных мной доказательств немедленно выдать мне несколько «платиновых» и «золотых» карт минимум на миллион. Я пока что несколько стеснен в средствах, и эта сумма на какое-то время меня устроит... Если вам нужно – звоните куда угодно, а мой адвокат ждет внизу в машине и рвется в бой.

Из банка Шульгин вышел не слишком скоро, но теперь он на самом деле мог ощущать себя графом Монте-Кристо.

Остальные банки могут еще немного подождать, и ему не к спеху. Дело в принципе.

Глава 15

Из записок Андрея Новикова.

«Ретроспективы».

Москва, ноябрь 2003 г.

Смешно сказать, но мы все-таки вернулись домой. Сначала рвались сюда, тосковали, кое-кто – до нервных срывов. Потом привыкли, смирились, наладились жить там, куда забросила судьба. И вдруг – вернулись. Антон не мог нас возвратить, тогда, в самом начале, когда нам этого очень хотелось, Левашов, сколько ни старался, не сумел устроить ничего, кроме кратковременного пробоя в никуда (как мне тогда казалось), а тут получилось вроде бы само собой. Точнее, кто-то этого захотел или «что-то» при очередном перемиркании контактов сделало такой вариант возможным. При посредстве Антона или без, но это как раз непринципиально.

Не следует забивать себе голову вещами, смысл и происхождение которых недоступны рациональному мышлению. А я, как ни странно это может прозвучать, остаюсь рационалистом и материалистом. Да-да, именно так. Или слишком хорошо меня учили в университете «начетчики-марксисты», или таков уж склад моей личности, но вся эта «фантастическая сага» не заставила меня пересмотреть свои взгляды, превратиться в идеалиста-мистика.

Просто я убедил себя, что СПВ, дубликатор, Великая сеть, параллельные миры, Ловушки, выходы в астрал с помощью дзен-буддистских заклинаний – не более чем проявление непознанных законов природы. Именно, как писал, кажется, Энгельс, «нет непознаваемого, есть только непознанное».

Меня еще отец, успевший пожить в царское время, при Гражданской и нэпе, лично прошедший четыре войны, включая двухлетние бои с басмачами в Средней Азии, Халхин-Гол, Финскую и половину Отечественной, учил, что если воспринимать происходящее вокруг слишком уж всерьез, «задумываться», как он говорил, непременно пропадешь.

Отчего так да почему, справедливо ли, что выдергивают тебя из теплого дома, грузят в теплушки и везут на другой конец страны, чтобы стрелять и махать шашкой и чтобы в тебя стреляли неизвестно кто и зачем, – вопросы из разряда дурацких. Соображай, как сделать порученное дело и не попасть под вражескую пулю или пристальный взгляд начальника Особого отдела, устроиться, не поступаясь честью и не делая подлостей, в предлагаемых обстоятельствах наилучшим образом, – вот и хватит с тебя.

В силу юношеского максимализма «шестидесятника последнего призыва» я одно время удивлялся и даже возмущался временами такой позицией, но хорошо, что вовремя понял правоту отца. Помню, как в наших послевоенных дворах прошедшие войну мужики то пили по-черному, не умея иным способом снять хронический стресс от пережитого, то (кто поумнее и потоньше организован) просто старались не вспоминать, а если уж вспоминали, то на всю катушку негатива, тем более что в хрущевские времена такой взгляд на минувшую войну гласно или негласно, но поощрялся. Отсюда и симоновские, баклановские, быковские книги, и соответствующие фильмы вроде «Живых и мертвых», «Последних залпов», «Третьей ракеты», «Тишины» и т. п.

Дмитрий же Кириллович предпочитал вспоминать из войны только забавные эпизоды, да еще любил рассказывать о всяких невероятных с точки зрения теории вероятности, но неизменно благоприятных для него случаях и встречах. Вроде как с младшим братом на перроне в Волоколамске в сорок первом году, или со старшим в ресторане города Сухуми в сорок третьем. Оба раза эти встречи спасали его от неминуемой смерти.

Я, как всегда, несколько отвлекся. Но чем и хороши мои «записки», что я тут никому и ничем не обязан как в смысле стиля, так и содержания. В самом же кратком изводе суть такова – «есть то, что есть, а остальное – ложь». А жизнь – только краткий миг между прошлым и будущим. На этом и завяжем с психологией и телеологией.

Вернулись мы, значит, в свой мир совершенно так, как возвращаются люди из многолетнего одиночного заключения в тюрьме, как японские солдаты, отловленные в джунглях Тиниана через двадцать лет после капитуляции «божественного Микадо», как экипаж «Таймыра».

И увидели его незамутненными, горящими от любопытства глазами.

Если бы нам хотелось в нем просто продолжить прерванную в незапамятные времена жизнь – ничего нет проще. И жизнь эта могла бы быть приятной. По меркам аборигенов, конечно. В смысле – пятнадцать комнат в центре Москвы, неограниченные средства и полная свобода. По Марксу – «от всего». Но – «для чего»? Жрать, пить, любить самых красивых на свете женщин можно где угодно, и в той же Югории или мире Росткина можно даже с большим интересом.

А в своей Москве, от которой ты отстал на двадцать лет?

Видишь, старик, я только что доказал себе и тебе, что иного смысла, как продолжать идти по когда-то начатому пути, у нас с тобой просто нет. Пусть нам кто-то скажет, да тот же Сашка, когда ему вдруг захочется вспомнить основную профессию, что сверхценная идея – первый признак шизофрении. И что от этого изменится? Были на этом свете Амундсен, капитан Скотт, капитан Чичестер (Колумба, Кортеса и прочих не берем, у них слишком явно превалировала корысть), люди, которые смыслом жизни сделали стремление к невозможному. Да и в нынешней России, я читал, имеется свой такой же, некий Федор Конюхов, который совершенно «от нечего делать», как генерал из преферансных анекдотов, покорил в одиночку оба полюса, все высочайшие вершины и вдобавок пересек, в одиночку же, все океаны всеми мыслимыми способами, разве только вплавь еще не додумался.

Ну вот и мы такие же. Только наш путь осеняет как бы великая идея – спасение как минимум нескольких особо нам нравящихся Реальностей, а там, может быть, и всего нынешнего мироустройства. Цель не хуже прочих.

Одним словом, вернулись мы в свою (увы, увы, далеко уже не свою) Москву и, никому особенно не мешая и не вмешиваясь в установившийся миропорядок, только по мере сил используя не нами созданные условия, начали в ней обустраиваться. И опять же не для того, чтобы спокойно и полноценно жить (мы этого давно не умеем), а создавая плацдарм для броски в самое что ни на есть вражеское логово, недра пресловутой Ловушки Сознания.

Это рискованно, необычно, но ведь и невероятно интересно!

...Завершать решение «квартирного вопроса» мне пришлось уже без Шульгина.

Зато теперь мне помогали две великолепные специалистки. Ирина хоть и отошла демонстративно от дел (вроде валькирии Брунгильды³³), променяв всемогущество и бессмертие на простое женское счастье, но нужные навыки сохранила. Для Сильвии же вообще никаких проблем не существовало. За пару сотен лет она натренировалась так, что адаптация к нынешней московской жизни заняла едва ли больше суток.

³³ См. Вагнер, цикл опер «Кольцо Нибелунгов».

Обе дамы на подсознательном уровне умели работать с автоматикой квартиры не намного хуже, чем я, обученный Антоном. Раньше просто не было случая в этом убедиться. (Вообще-то изначально умели, наверное, лучше, но насчет «вставок» форзейля они знать не могли.)

У Сильвии роль «Столешников» исполнял дом в Бельгравия, и она, как известно, перебрасывала оттуда Шульгина на свою запасную базу в Андах, в Ниневию XIV века до Р.Х., в тридцать восьмой год, и даже на Валгаллу была оттуда дорога. С собой она принесла тот самый пресловутый «шар», необходимый инструмент каждого агтрианского резидента, умелое обращение с которым превращает его в этакую информационную «Лампу Аладдина», позволяющую добывать из мирового информационного поля (или ноосферы) практически любые сведения и вообще делать много интересных и полезных вещей.

Даже Ирина имела, по-советски выражаясь, допуск то ли пятой, то ли четвертой степени, а Сильвия чуть не с девятнадцатого века имела первый. Самое смешное, в порядке компенсации злорадно подумал я, это ей в борьбе с нами не помогло. Она все равно всегда отставала на ход или два. Правда, тут надо учитывать, что техническая мощь поддерживавшего нас Антона была все же повыше. Как у американцев во Вторую мировую в сравнении с японцами.

Для удобства предстоящей деятельности в Москве Сильвия решила, что оставаться англичанкой ей будет правильнее, чем играть россиянку, хотя бы и самого высокого статуса. Тем более выяснилось – в нынешней России выдать себя за кого-то высокопоставленного очень и очень трудно. Ничуть не проще, чем в бывшем СССР. По-настоящему богатые и влиятельные люди частного бизнеса занесены в списки Форбса, дамы, причастные к миру высокой политики, тоже постоянно на виду, в тусовках все знают друг друга, совершенно как «люди света» в царской России.

Максимум, на что можно рассчитывать, – изобразить из себя жену провинциального, никому не известного бизнесмена. Да и то, если привлечешь хоть чуть-чуть внимания «сильных мира сего» или прессы – немедленно «пробьют» по всем компьютерным базам, милицеским, налоговым и прочим, и тут же уличат, представься ты хоть школьной учительницей из Мухосранска.

Тяжелые времена.

А вот если не рисоваться слишком навязчиво в соответствующих посольствах, британской, канадской или новозеландской леди, проживающей то в Индии, то на Лазурном берегу, назваться вполне можно. Благо опыт у нее в этом деле был богатый, и собственную (той самой знаменитой леди Спенсер, память о которой отнюдь не стерлась еще из светских хроник) внучку или правнучку изобразить ей не составляло никакого труда.

Поэтому, присоединив «шар» к специальному, отнюдь не по человеческой технологии сделанному принтеру, она легко изготовила безупречного качества британский паспорт, на две трети заполненный разнообразными визами, штампами бог знает скольких погранпунктов и иммиграционных служб. Сашке б чуть пораньше к ней обратиться...

Ирина предпочла остаться Седовой, дамой без специальной легенды, предположим, профессиональной содержанкой, в данный момент – вольного художника господина Новикова, зарабатывающего на жизнь по заграницам, то – шансонье в русских кабаках, то – консультантом на всевозможных киностудиях, а то и маклером средней руки, организующим продажи и перепродажи чего и где придется, от списанных белорусских танков в Анголу на запчасти до контрафактных DVD, MP-3 и 4 фильмов землякам в Парагвае.

Никому, конечно, в подробностях о своей жизни и деятельности я рассказывать не собирался, да никого это всерьез и не интересовало. Просто, если придется где-то к слову, такая вот легенда. Подтвержденная многочисленными визами в загранпаспорте и разнообразными визитными карточками. А на случай непредвиденных, не слишком глубоких проверок на официальном уровне Сильвия внесла нужную информацию в пограничные и таможенные компьютеры Шереметьева и двух десятков граничных аэропортов.

Честно сказать, все эти тонкости казались мне совершенно излишними, несколько месяцев, год вполне можно прожить, вообще никак себя не позиционируя. Паспорт есть, московская прописка есть – и ладно. Но бывшая аггрианка считала, что все, что делаешь, следует делать тщательно.

– Думаешь, почему я двести лет на Земле продержалась и ни разу у меня с властями недоразумений не возникало? А Ирину твою мы восемнадцатилетней девчонкой в советскую Москву внедрили, и никакие ваши строгости и сверхбдительность не сработали. Так-то вот, Андрей Дмитриевич. Кстати, что там с покупкой квартиры? Есть новости?

– Занимаемся. Риелтор жалуется, как я и опасался, что клиенты упертые попались. Как же – пять комнат в самом центре и дом уж больно хорош. В нашей, как я говорил, бензозаправщик обретается, а в соседней – банкир из какого-то «промстройтрыньбрыньбанка».

Действительно, банков с дурацкими названиями в Москве развелось столько, что мне принципиально не хотелось ломать язык, их выговаривая.

– И?

– На предложение ответил лаконично. Денег, мол, у него достаточно, чтобы купить себе любую квартиру в любом месте, и раз он взял именно эту, значит, она его полностью устраивает. Посему впредь просит не беспокоить, а то...

– Конечно, можно бы и плюнуть, ограничиться заправщиком, – примирительно сказала Ирина, и по-своему она была права.

– Вот еще, – фыркнула Сильвия. – Не говоря о том, что я вообще не люблю каких угодно соседей, так этот ведет себя слишком высокомерно. Не по чину. Таких надо учить, коротко и убедительно. И потом, представь, мы будем то и дело приходить, уходить... Ты, я, Андрей, Александр, еще кто-то из наших придет, просто нужные люди с визитами. А эти – за всем наблюдать?

– А консьерж, он-то все равно...

– Тем более. Такая, как у нас, «шведская семья» в одной квартире выглядит подозрительно. С легендой плохо стыкуется. А если визитеры зачастят, вообще могут пришить нам содержание «Дома свиданий». Опять разборки начнутся, взятки раздавать придется, в любом случае неприятно засветимся. А так – мы с Алексеем жильцы одной квартиры, вы с Ириной – другой. У вас свои гости, у нас свои. Давать ему регулярно на чай, и больше он вашими делами не интересуется. А лучше вообще своего человека оформить. Так что я сегодня к вечеру загляну к господину, как его? А, Прокофьев, загляну и побеседую. А ты, Андрей, к бензиновому барону?

– Давайте лучше я схожу, давно интересной работой не занималась, соскучилась, – предложила Ирина.

Я высказал сомнение, что шантаж – такое уж интересное занятие.

– Ну какой же это шантаж, Андрей? Это – оперативная необходимость. Помнишь формулировку из Кодекса: «Действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, могут носить формальные признаки преступления, но не являются таковым». И вообще, мы к нынешней юриспруденции не имеем никакого отношения.

Спорить тут было не с чем. Мне просто давным-давно не приходилось видеть Ирину «в деле», так давно, что уже плохо представлялось, что эта вполне домашняя женщина еще способна на решительные акции, более подходящие местной «братве», как ее показывают в телесериалах.

И я решил не возражать, а просто посмотреть, как это будет выглядеть на практике. Ну и Ирке на пользу, а то уж слишком она заскучала последнее время.

...Выбрав момент, когда на лестничной площадке и вообще в подъезде не было никого, Ирина вышла из квартиры, затворила дверь и тут же вновь повернулась к ней, нажала кнопку звонка.

Одета она была по погоде, в свою старую «униформу», черное кожаное пальто, высокие сапоги, широкополую шляпу, трехцветный шарфик на шее. Несколько несовременно, но при здешнем либеральном отношении к моде вполне приемлемо.

Ее довольно долго рассматривали на внутреннем телеэкране – камеры слежения тут были укреплены над каждой дверью, – очевидно, удивляясь, почему не сработал домофон из подъезда. Но потом решили, что незнакомка опасности не представляет, хрупкая красивая женщина, причем – одна, и открыли.

– Вы к кому? – не слишком дружелюбно спросила хозяйка, дама лет сорока, одетая явно не для приема гостей.

– К Михаилу Михайловичу. Я из фирмы «Консенсус», по поводу обмена квартиры... Вот, – Ирина протянула визитку, явно смущаясь. Видно было, что работает она недавно и еще не успела приобрести профессиональную бесцеремонность и напор.

– А почему не позвонили заранее?

– Ой, вы извините, конечно, просто я была в этом же доме, по другому делу, и вспомнила, что к вам у меня тоже есть поручение. Ну и вот...

– Ладно, заходите, раздевайтесь. Михаил, иди сюда...

Ирина осматривалась. Действительно, квартира приведена в порядок, но совершенно на любительском уровне. Паркет старый, хоть и заново отциклеванный, обои на стенах так себе, и мебель, насколько видно в открытую дверь гостиной, явно не испанской коллекции.

Хозяйка провела ее в кухню. Указала на мягкий уголок возле стола, но сама садиться не стала.

– Я, собственно, не понимаю, зачем вы пришли? Муж говорил, что он с вашей фирмой переговоры прекратил. Условия нас не устраивают, что же еще?

Тут появился и сам хозяин, мужчина не бандитского, но и не слишком интеллектуального вида. Так, если по советским меркам, что-то вроде заведомо райкома партии или даже райисполкома. Но быть им в прошлом он не мог по причине возраста, тогда он еще в институте должен был учиться, а то и в техникуме. Жены своей он был несколько помоложе.

– Здравствуйте, – скользнул глазами по лицу Ирины, по гораздо выше колена открытой ноге в черных колготках. Да и голени, обтянутые тонкой лайкой голенищ, выглядели, на мужской взгляд, крайне соблазнительно. Хозяин внутренне напрягся, жена это немедленно почувствовала и поджала губы.

«Да, – подумала Ирина, – в нынешнем амплуа и при данном раскладе настоящей риелторше следует застегивать папочку и прощаться без лишних слов. Эта мегера от чего хочешь откажется, чтобы меня поскорее выпроводить и пресечь любые контакты в будущем».

А хозяин, наоборот, присел так, чтобы привлекательные конечности гости оставались в поле зрения под выгодным для обозрения углом.

– Нет, ну действительно, я же с вашим старшим говорил, совсем нас не устраивает. – Он оглянулся на жену, чтобы она подтвердила, что все обстоит именно так. – А ты, Маня, кофейку, может? Будете кофе, девушка?..

– Меня Алла зовут, можно без отчества, кофе – с удовольствием, погода на улице прямо ужасная, лучше бы уж морозы скорее. И можно я закурю? – она увидела на столе пепельницу с несколькими окурками, причем, судя по помаде, курила хозяйка.

Ирине показалось, что та отчетливо скрипнула зубами, хотя это, наверное, паркетная плитка под чьей-то ногой сыграла. Но все же ткнула пальцем кнопку электрочайника, не сводя глаз с мужа и гости, словно считала, что, лишенный присмотра, он тут же перейдет к каким-то предосудительным действиям или хотя бы начнет делать девушке тайные знаки.

Ирина поменяла ноги местами, вытащила из портсигара длинную тонкую сигарету. Радужно протянула драгоценную и явно неуместную в руках девушки на побегушках вещь хозяевам.

– Спасибо, у нас свои, – ответил Михаил, но портсигар глазами оценил и даже взвесил. Вот тут, наверное, в его грудь впервые закралось сомнение и даже тревога. Выжил и даже несколько процвел в бурные девяностые, значит, на такие сигналы чутье должен иметь волчье.

А вот хозяйка этого знака не просекла.

– Мы, девушка, ясно сказали – равноценная квартира в пределах Садового, плюс *пятьсот тонн баксов* наличными. И это последнее слово. Не можете – говорить не о чем.

«Фу, как вульгарно. Она что, на Черкизовском рынке торгует? А почему бы и нет?» – анкету жены хозяина Ирина за ненадобностью не изучала.

Хозяйка залила растворимый кофе кипятком, почти бросила на стол чашки, села на углу стола, тоже закурила, по-прежнему держа в поле зрения и мужа целиком, и ноги Ирины. Как-то они ее слишком волновали. Не лесбиянка ли? А что, обликом на активную похожа.

– Вас-то как зовут? – спросила Ирина. – А то неудобно.

– Мария Михайловна...

Ирина едва-едва сдержала усмешку, а хозяева и бровью не повели, давно привыкли, наверное. Не хватает еще маленькому Мишутке из недр квартиры появиться.

– Вы, Мария Михайловна, – сказала Ирина, сделав деликатный глоточек, – наверное, мою визитку невнимательно прочитали. Фирма «Консенсус» – не риелторская. Она, как следует из названия, помогает хозяйствующим субъектам к взаимному удовольствию разрешать возникающие проблемы, которые со стороны часто выглядят нерешаемыми. В данном случае такая проблема возникла у нашего клиента. Он просто ну очень хочет приобрести именно вашу квартиру, вы же выдвигаете вздорные возражения и неразумные претензии...

Голос ее стал жестким, едва ли не угрожающим. Так старший начальник говорит с нерадивым подчиненным, по какой-то причине желая оставаться до поры спокойным и вежливым.

– Цена, вам предложенная, и так, в общем, превышает пределы разумного. Новая пятикомнатная квартира с отделкой, в хорошем районе и доме стоит намного больше, чем ваше старье...

– Если старье, зачем же она вам так нужна? – решила перейти в наступление хозяйка, а муж ее все больше и больше задумывался. Наконец встал, достал из подвешного шкафчика бутылку виски, налил женщинам по хрустальной рюмке, себе – половину фужера. От сурового взгляда жены отмахнулся.

Интересная семья, две трети общения – на невербальном уровне.

– Мне – совершенно незачем. А клиенту? Не мое дело. Короче, мне поручено передать последнее предложение. Квартира той же площади, если хотите – в новом доме на Сивцевом Вражке, это уж центрее некуда, и пятьдесят тысяч долларов на переезд и обустройство на новом месте. В противном случае...

– Что – в противном? Ты что, пугать нас пришла?! Да ты знаешь, что я с тобой... У меня и префект вот здесь, и начальник милиции... Да я сейчас прямо позвоню...

– Сиди, Маша, – ровным, но слегка подсевшим голосом сказал хозяин, допивая виски. – Что – в противном случае? – повторил он слова жены, но с другой интонацией. – Вы – от кого?

– Я же сказала – фирма «Консенсус», – протянула еще одну визитку. – Вот наши телефоны. Адрес, правда, юридический, реально вы там вряд ли кого-то застанете, люди в разъездах. Но это совсем не существенно. Лучше посмотрите сюда, – она протянула несколько листов распечаток.

– Это ваши балансы для налоговой. Это – реальное положение дел. Это – списки «черных» поставщиков. Вот – ваша «крыша». Кому, когда и сколько. В случае неприятностей прикрывать вас не станет никто, потому что ничьи больше интересы не затрагиваются. Просто

вашей конторой станет руководить кто-то другой, остальное же останется, как было. Дополнительные вопросы есть?

Их, разумеется, не было и быть не могло. Михаилу Михайловичу оставалось благодарить Бога, что неведомый покупатель оказался благородным человеком. Другой бы сразу начал решать свою проблему с предъявленных бумаг, не затрудняя себя благополучием партнера. Но, кажется, капитализм в России все же постепенно становился цивилизованным.

– Так что вот вам задаток, Михаил Михайлович и Мария Михайловна, – Ирина положила на стол заклеенную пачку стодолларовых. – А завтра с утра к вам подъедет человек, отвезет дом показать, квартиру из предложенных сами выберете, ну и начнете бумаги оформлять. Умеючи – это быстро. До свидания, приятно было познакомиться. Если возникнут проблемы по вашему бизнесу – обращайтесь, поможем так же быстро и эффективно...

Сильвия со своим клиентом беседовала, может быть, не столь мягко и деликатно, но в том же ключе. Банкир был мужчина куда более уверенный в себе и упорный, но и компромат Сильвия нашла посерьезнее. Там речь шла уже и о судьбе целой банковской цепочки, о Каймановых островах, Кипре, и вся перспектива сводилась к срокам, длинным, как лагерные бараки. И не только самому Прокофьеву, но и еще немалому числу людей, которые непременно будут поставлены в известность, кто их подставил. Они, может, и отмажутся, но влетит это им в такую копеечку, что весь подъезд дешевле купить.

Сильвия доложила все это с тем же очаровательным выражением лица, с каким обсуждала с вдовствующей королевой итоги вчерашней охоты на лис. И на русского банкира это произвело впечатление, сопоставимое с видом греющегося паяльника.

Так что даже о доплате наличными речь не зашла, сменялись, что называется, «баш на баш». И заодно договорились при необходимости «дружить домами».

И всего через две недели мы праздновали новоселье.

Квартира банкира была зеркальным отражением «основной», и после того, как между ними пробили дверь в капитальной, из «аршинного» камня стене, в распоряжении Братства оказалась обычная десятикомнатная, плюс базовая вневременная. Так хорошо не устраивался даже пресловутый Валентин Лихарев в сталинской Москве. Воланд, конечно, получше, но там – особый случай.

Кстати, Сильвия подтвердила, что тетрадь принадлежала несомненно Лихареву, потому что между техническими описаниями он, ну совершенно вроде меня, вставлял личные заметки. Кризис настиг его, как в свое время Ирину, и он решил прервать не только работу в сталинском аппарате, но и вообще карьеру координатора. Все ж таки наша Россия испускает некие флюиды, вредоносные для инопланетных агентов.

Изобретенный им аппарат (по словам Левашова, каменный век электроники. Да и неудивительно, у самого-то Олега уже компьютеры в распоряжении были и транзисторы в неограниченном количестве, а у Валентина только лампы) позволил ему сбежать из сферы досягаемости агтрианской поисковой техники, а все, чем забавлялся Вайсфельд и что привело к хроносдвигу в южном городе, побочный, причем весьма отсроченный эффект.

О своей дальнейшей судьбе он, естественно, ничего не написал, и пока что она оставалась загадкой. Впрочем, некоторые соображения Левашов высказал, и Сильвия его поддержала. Очень похоже, что сбежал он по оси Главной последовательности или одному из ее паразитных ответвлений. И сейчас существует тоже в качестве пресловутого «межзвездного скитальца».

Кто-то же появлялся на Столешниковом вплоть до визита туда Берестина, блокировав квартиру так, что Ирина не могла ей пользоваться, да и потом с ней не все было ладно. Шульгин, в свою очередь, предположил, а не живет ли в ней по-прежнему Валентин (в каком-то

дополнительном измерении, а здесь как раз и проявляется в должности домового или привидения?).

В целом благожелательного, но со своими заморочками. Разобраться с загадкой при случае было бы интересно.

В квартире банкира поселилась Сильвия, в своем английском качестве, решив немедленно выписать сюда Берестина, своего русского бойфренда, который должен был изображать себя же, некогда довольно известного в Москве художника, сбежавшего на Запад в самом начале перестройки, а теперь решившего вернуться и заняться модным бизнесом галериста. Благо обеспечить свой салон молекулярными копиями бесследно исчезнувших в годы Гражданской войны (и спокойно пребывающих в нынешней Югославии) картин они могли с Сильвией в любом количестве. Вот и еще один источник постоянного верного дохода, особенно если не зарываться и не выбрасывать массово на рынок слишком уж известные и запредельно дорогие полотна.

В «основной» расположились мы с Ириной, а «базу» теперь можно было в любой момент посещать изнутри, не затрудняясь манипуляциями с блок-универсалом на лестничной площадке.

Естественно, для собственного спокойствия пришлось умеренно подмазать «властей предержащих»: кое-кого в мэрии, окружной управе, ЖЭУ (чтобы не препятствовали перепланировке), участкового и начальника отделения милиции. Покороче познакомились с остальными жильцами подъезда, за свой счет взялись сделать его настоящий ремонт, чтобы все было как в царские времена – ковровые дорожки на лестницах, цветы на подоконниках, эстампы на стенах и приличная электроарматура. Почти бесполезного консьержа заменили на бравых ребят из охранного агентства «Цербер», которые стали дежурить по двое, сменяясь каждые двенадцать часов. При оружии.

Соседи поняли, что жизнь начинается совсем другая, но, похоже, приятная.

Поскольку благотворительность снова начинала входить в моду, и считая, что такому направлению умов следует всячески способствовать, я решил взять под свое покровительство единственных уцелевших в подъезде «старых русских» – Василия Михайловича Воробьевского, профессора романо-германской филологии на пенсии, сильно на восьмом десятке, с женой, довольно милой старушкой с приятными манерами. Старики жили на самом верху, в единственной здесь трехкомнатной квартире и по нынешним временам бедствовали на свои скудные доходы, из последних сил удерживаясь, чтобы не сменять родной очаг на однокомнатную в Митино или Жулебино.

Я нанес им визит, с цветами, коробкой конфет и бутылкой настоящего, очень недурного «Шартреза», представился официально, полюбовался десятитысячной библиотекой на Masse живых и мертвых языков, поупражнялся с хозяином в порядочно подзабытом испанском и латыни.

Профессор, крупный и весьма еще крепкий старик с роскошной седой шевелюрой, сообщил, что им крайне приятно, что наконец-то видят по-настоящему культурного, образованного молодого человека, достигшего своего нынешнего положения наверняка благодаря собственным качествам и талантам, а не уголовщине и слепой игре фортуны. И что нынешние перемены в жизни дома им очень и очень нравятся.

Но глаза при этом у него оставались настороженными. Не предложит ли и ему этот «воспитанный молодой человек со знанием языков» выматываться из дома в трехдневный срок? И, пригубив рюмочку, аккуратно осведомился, чему, собственно, обязан приятностью данной встречи?

– Да особенно и ничему специально. Просто я решил, если, конечно, вас это не слишком обидит, отнести вашу квартплату, налог на имущество и прочие коммунальные платежи на

счет общих накладных расходов по моему ремонту, и все такое прочее. Пожизненно и, само собой, без всяких условий насчет завещания в мою пользу и т. п. Мне это совершенно ничего не стоит, а вам, я думаю, принесет некоторое финансовое облегчение. Точно так же, если у вас вообще возникнут какие-то проблемы, любого плана и с кем бы то ни было, обращайтесь ко мне без стеснения. Я же, в свою очередь, буду счастлив, если вы позволите иногда пользоваться книгами из вашей чудесной библиотеки и вообще консультировать меня по неясным филологическим вопросам. Также прошу заходить запросто, у нас с супругой и друзьями из соседней квартиры практически «открытый дом». Для «своих», разумеется, «с улицы» мы не принимаем...

Я ожидал, что профессор начнет отказываться, отнекиваться, что было бы естественно для человека его круга и воспитания, как это представлялось мне самому. Однако вышло иначе.

– Хотите за нас платить? Отлично! Приму с благодарностью. Если государство не хочет или не может – пусть будет меценат. Вы помните, как жила профессура при советской власти? Даже при Сталине, даже в войну? Хотя откуда вам помнить? Вы года семидесятого рождения? Застали самый краешек, тогда мои семьсот рублей уже мало что стоили...

– Вы мне льстите. Я – шестьдесят пятого. И стипендию в сорок рублей получал, и зарплату в сто шестьдесят. Но как-то крутились и мы.

– Конечно, конечно. А вот когда я защитил кандидатскую, в пятьдесят четвертом, сразу стал получать пять тысяч, теми еще деньгами, а автомобиль «Москвич» стоил тогда девять. Девять! – он назидательно поднял палец. – Я понимаю, что вы сейчас на свой месячный доход можете купить, может быть, десять машин, но это же совсем другое дело... Так что я благодарен за ваше предложение, особенно если оно вам необременительно. Мы с Евгенией Алексеевной, конечно, с большим удовольствием станем тратить свои пенсии на что-нибудь полезнее квартирных счетов. Большое вам спасибо.

И супруга его поблагодарила, часто моргая выцветшими до бледной голубизны глазами, причем заметила, что не так уж долго предстоит Андрею Дмитриевичу на них тратить.

– Что вы, что вы! Как говорят в Одессе, живите сто двадцать лет...

Я покинул профессорскую квартиру с чувством облегчения. И того, что, возможно, сделал не совсем то и как-то не так.

Ирина с Сильвией занимались своими женскими делами в глубинах необъятной квартиры, немногим уступающей анфиладам кают на «Валгалле», а я в кабинете, который успел за время моего с ним знакомства претерпеть массу различных трансформаций, устроился напротив подключенного к компьютеру «шара». И положил перед собой чудом сохранившийся во всех коловращениях жизни блокнот. В переплете из кожи ламы, на котором вытиснены неизвестно что обозначающие знаки майя-юкатекского слогового письма. Я купил его в Гватемала-сити в восемьдесят первом году на базаре за три кетсала.

Здесь у меня, кроме разных случайных записок, цитат и тем для романов, содержались адреса и телефоны всех тогдашних друзей и знакомых, в том числе и московских. Обложка здорово потерлась, некоторые страницы пожелтели (скверная бумага), некоторые были покрыты пятнами и разводами от вина и кофе. Нормальный рабочий инструмент бродяги-журналиста.

Что ж, задача несложная, провести ручным сканером по нужным страничкам, потом перебросить файл на компьютер, и пусть чужая техника выясняет, кто из людей «раньшего времени» жив, здоров, обретается в Москве и что собой сейчас представляет. Глядишь, кто и пригодится, неизвестно как и зачем, но все же.

Станные, конечно, в случае чего, могут получиться встречи. Любому из моих прежних друзей-приятелей сегодня от пятидесяти и более. Каково же мне будет представать перед ними во всем блеске здоровых тридцати семи? Разве что срочно завести окладистую бороду, тща-

тельно прослоить ее сединой и надеть темные очки с толстыми старческими стеклами? Голос вот, правда, изменить труднее, так ведь многие люди сохраняют молодой тембр до самых преклонных лет.

Через полчаса я имел перед глазами полную распечатку. С одной стороны интересное, с другой стороны – печальное чтение.

Из двадцати примерно человек, с которыми я поддерживал приятельские отношения того уровня, что мог в случае чего рассчитывать на помощь и поддержку (по нормам восьмидесятих годов, разумеется), пятеро уже умерли. Трое – своей смертью, двое погибли в «горячих точках». Сербия и Чечня. Еще четверо эмигрировали и в той или иной мере прилично существовали в Чехии, Германии, США. Несколько не выдержали столкновения с «прекрасным новым миром» и, выражаясь языком Салтыкова-Щедрина, «впали в ничтожество». Один, кстати, весьма честный и добрый парень, и нужно будет оказать ему достойную поддержку. Лично или иным способом – посмотрим.

А вот те остальные, против фамилий которых я поставил птички, в нашем деле пригодиться могут.

Редактор успешного глянцевого еженедельника; довольно известный политолог; сотрудник президентской администрации; вице-президент Международной академии информатизации (доктор *информациологических* наук, это же надо такое придумать); генерал-полковник в должности заместителя министра чрезвычайных ситуаций (тут – нота бене!); и наконец, начальник департамента Внешних церковных сношений (интересно, а департамент Внутренних у них есть?).

Эти ребята в новые времена времени даром не теряли. Да, думаю, останься я тогда здесь, какую-никакую хлебную должностишку и себе изыскал бы. Не лаптем щи хлебал, могу отметить без лишней скромности. Если б, конечно, по молодой дури тоже не поперся бы освещать абхазо-грузинский или сербо-хорватский конфликт, забыв вовремя надеть каску на свою светлую голову и бронежилет на бречное тело.

Таким образом, на пару-тройку ближайших дней у меня занятие наметилось. Даже без всякого корыстного умысла, исключительно в познавательном смысле интересно будет *общаться* с «друзьями-ровесниками».

Утром звонил Сашка из Бостона. Свои дела он порешал более чем успешно, и мы теперь можем совершенно легально оперировать фактически неограниченными суммами. Кроме того, «особые отношения» с банковской элитой позволяют, как мне кажется, обходить драконовские законы против «отмывания». Не было такого и никогда не будет, чтобы серьезные люди отказывались от солидной прибыли во имя каких-то абстракций или даже страха наказания. Маркс, как известно, писал: «Дайте капиталу триста процентов прибыли, и нет такого преступления, на которое он не пошел бы даже под страхом виселицы».

Гораздо же интереснее то, чего я пока не вижу – для какой именно цели нам здесь могут пригодиться сотни миллионов и миллиарды? Мы ведь не собираемся менять государственное устройство России или любой другой страны, затевать перевороты и революции. Некоторую же корректировку курса текущей реальности вполне можно проводить, не выходя за рамки той самой тактики и стратегии, которую осуществляли форзейли и аггры.

Прав, получается, Шварц со своим «Драконом». Победитель дракона немедленно занимает его место и обречен проводить прежнюю политику, ибо она драконьему племени имманентна³⁴, вне зависимости от образованности и личных качеств субъекта.

³⁴ Имманентный – внутренне присущий какому-либо предмету, явлению, проистекающий из его природы.

Но, с другой стороны, так же имманентно, пожалуй, то, что любая реальность, как мы ее представляем, не может существовать без «ручного управления». Аналогично самолету и кораблю, которые могут двигаться на автопилоте достаточно долгое время, но рано или поздно пилот или капитан обязаны брать управление на себя, чтобы уклониться от рифов, тайфуна и просто ввести судно в порт в сложных навигационных условиях.

Мировая история (не только нашего мира) неоднократно это демонстрировала. Рано или поздно наступает момент, когда требуется великий вождь, славный император, диктатор, наконец, чтобы интеллектуальным или силовым образом снять накопившиеся противоречия и придать государству (или миру в целом) новый импульс развития. Если такового вовремя не находится, наступает мгновенный крах или начинается необратимый процесс эволюционной деградации.

Так что рефлексировать по поводу нашего поведения, скорее всего, незачем. Ушли форзейли, аггры, Игорки – явились мы. Придется уйти нам – появится кто-то другой. А если не появится? Вот не появился бы в Штатах в нужный момент Рузвельт – не возник ли бы там фашизм не хуже нацистского? А умири Сталин не в пятьдесят третьем, а в конце сорокового – начале сорок первого (то есть, когда все предыдущее уже свершилось, отыграть европейские и общемировые процессы назад уже нельзя, а вождя сходного калибра накануне войны не просматривалось)? Справилось бы «коллективное руководство» из тех людей, что имелись в наличии, с катастрофой сорок первого? Уверен, что нет, сам там был, знаю.

Тем не менее, в здешней России мы вмешиваться не собираемся. Не видно, как говорится, точки приложения силы. Вот если возникнет угроза полномасштабной гражданской или внешней войны – тогда, может быть...

Нам сейчас нужно отлаживать связь с «параллелью». Вот там нестабильность нарастает прямо на глазах. А казалось бы, весьма благополучный мирок, не чета нашему. Тот самый эффект парового котла с неисправным предохранительным клапаном. Или же, на языке психоанализа, – с эффектом вовремя неотреагированных эмоций. Наши массированные кровопускания, войны и революции XX века сбили (по крайней мере, у европейцев) накал пассионарности ниже низшего предела. А там наоборот, дело идет к «апоплексическому удару». Очень, кстати, похоже на расклады реальности «2056». Так и причина одна и та же, только Суздалев и Ростокин лучше обстановку контролируют.

Да вдобавок некий мудрец-одиночка затеял собственную игру с пространством-временем, хотя и на иных принципах, чем Левашов (не Лихарев ли, кстати?).

Вот туда нам и следует нанести визит, когда Сашка разберется со своей лондонской «системой» и приступит к акции «двойник» в Израиле. Не помню, писал ли я, что мы обнаружили в близкой перспективе интересную ситуацию с одномоментным «перекрытием» реальностей и возникновением энного количества людей-аналогов там и тут. Этим можно воспользоваться, но при условии, что кое-какие процессы в «ловушечно-химерическом мире» придется слегка подтолкнуть.

На помощь к Шульгину только что вылетела Сильвия. А я, наверное, предприму пока личную рекогносцировку, посмотрю, что там и как у братьев по разуму.

Крайне приятно, что в полумонархическом «2005» нравы попроще, законодательство удобное, сохранившее все прогрессивные черты дореволюционного, да и золотой стандарт³⁵, пусть и в ограниченных масштабах. Но золотые пятерки, десятки и империалы по-прежнему в обращении, а с ними нашему брату дело иметь куда удобнее, чем с нумерованными банкнотами.

³⁵ Наличие в денежной системе государства одновременно золотой и бумажной валюты, взаимно свободно конвертируемых. В Российской империи официально существовал до 1917 г., реально – до осени 1914 г.

А пока возьму-ка я телефон и попробую позвонить старым друзьям. С кого первого начнем?

Глава 16

Из Сан-Франциско Шульгин перелетел в Бостон, затем в Нью-Йорк, там у него тоже были кое-какие дела, уже не финансового плана, а скорее организационного. Требовалось выйти на кого-нибудь из влиятельных лиц Всемирного еврейского конгресса и обзавестись солидными рекомендациями, а то и чем-то понадежнее, чтобы организовать в Тель-Авиве или лучше в Хайфе отделение своего Фонда.

Весьма квалифицированный адвокат «из наших», сумевший правдами и неправдами подтвердить здесь свой эмгэушный диплом и открыть собственную контору не на Брайтоне, что сразу бы звучало подозрительно, а прямо на Манхэттене, специализирующуюся как раз на финансовых делах (не без помощи так называемой «русской мафии», наверное, а может быть, напротив, структур, близких к российским легальным корпорациям), за хорошую плату дал ему несколько крайне полезных рекомендаций. И предложил, если есть желание, стать постоянным клиентом. То есть увидел в нем перспективную фигуру. Главное, до этого нигде не засвеченную, не связанную с одиозными «олигархами» и прочими российскими бизнесгруппами, одно название которых вызывает на Западе аллергию и непреодолимое желание возбуждать по поводу «каждого чиха» прокурорские расследования.

История внезапного обогащения господина Шульгина показалась ему крайне интересной и где-то даже невероятной, но, убедившись по своим каналам, что «Соломон бразерс» все подтверждают и признают претензии совершенно справедливыми, контора «Сорокалетов, Борилов и партнеры» решила не пропускать чужой кусок масла мимо своего куска хлеба.

– Только знаете, Александр Иванович, деньги вы с них запросили совершенно детские, – за бокалом выдержанного виски доверительно сообщил первый в списке владельцев, Максим Григорьевич. – Допустим, для первоначальной раскрутки сойдет, но вообще меньше, чем о ста миллионах в год, говорить просто смешно. И мы это, безусловно, порешаем в нужном направлении. Так что можете быть в полной уверенности. Я посажу на ваше обслуживание целый спецотдел, и мы этих соломонов выдويم, как лучшему мастеру машинного доения в советские времена не снилось...

– Действуйте, Максим Григорьевич, какие вопросы. Только смотрите, чтобы они от расстройств не обанкротились или не сбежали со всеми активами в неизвестном направлении. Зачем нам это?

– Помилуй Бог, Александр Иванович! С них еще наши дети и внуки будут кормиться...

О том, что аналогичные перспективы открываются в отношении еще нескольких столпов мировой экономики, Шульгин Сорокалетову говорить не стал. «Ничего не доводи до крайности», – учил мудрец.

Из Нью-Йорка Шульгин вылетел в Лондон, где его встретила Сильвия. Британская столица ему не понравилась. Нет, она была по-прежнему хороша архитектурно, и он с наслаждением узнавал знакомые кварталы, где ничего не изменилось за восемьдесят лет. Но если Москва за этот же период времени расцвела и процвела до невозможности, то есть просто никакого сравнения, Лондон ощутимо деградировал.

Опять же, наверное, только с Сашкиной точки зрения, кто-то другой с ним, весьма возможно, категорически не согласился бы. Его дело. Но Шульгин-то, бывший рыцарь и человек, который с братьями короля, герцогами Уэльскими и прочими был на самой короткой ноге, помнил совсем другой Лондон. Столицу Империи, над которой никогда не заходит солнце. А что увидел он сейчас? Ну да, приличный европейский город, где магазины чуть получше, чем в Москве, да и то не все, но проигравший все, чем он некогда славился.

Главное – люди. Он всегда обращал внимание на людей. Где гордые персонажи книг Киплинга и Конан-Дойля? Вот эти, суетливо бегающие по улицам? Да у них лица и фигуры другие!

Они, что ли, могут, собрав чемоданчик, завтра отправиться на поиски страны Мепл-Уайта, в вице-королевство Индия на должность носителя «бремени белого человека», или с песнями грузиться на корабли, отправляющиеся на англо-бурскую войну? Совсем не те у людей лица. Даже после жестокой и бессмысленной Первой мировой они были иными.

А сколько здесь всяких представителей бывших «угнетенных народов»? Чтобы в Лондоне 1921 года по улицам шлялись миллионы негров, арабов, индусов и пакистанцев?!

Шульгин уже слышал такой термин – «политкорректность», но был совершенно уверен, что придумать его могли только проигравшие. Ага, вообразите – в 1942 году в России – политкорректность по отношению к немцам! Или немцев – к нам. Пусть там все было грубо, страшно, кроваво, но – по-честному! Вы нас, мы – вас, и весь разговор. А здесь?

Но его ведь это никак не касается? Грустно, но ничего не попишешь!

Зато делать свои дела тут будет наверняка проще. Как в младшей группе детского сада. Только вот не с ними эти дела придется делать.

Они с Сильвией расконсервировали ее особняк. С ним история приключилась почти та же, что и со Столешниками, только поинтереснее. В коммуналку его никто не превратил. Право собственности в Британии настолько свято, что после «внезапного отъезда» леди Спенсер минувшие девятнадцать лет он так и простоял пустым. Согласно заблаговременно отданным распоряжениям (ей ведь и раньше приходилось исчезать надолго), банк продолжал перечислять деньги с ее счета в адвокатскую контору, которая, в свою очередь, обеспечивала поддержание в доме образцового порядка.

Такое, наверное, возможно только в Англии. Жива хозяйка или нет, и куда она девалась, никого не интересовало. Умершей или пропавшей без вести ее никто не объявлял. Наследники претензий также не предъявляли. Банковский счет был в порядке, ни один договор не расторгнут, жалоб на качество обслуживания не поступало. Ну и хорошо.

Кому какое дело, может быть, леди Спенсер предпочитает именно такой образ жизни? Приезжает по ночам, по ночам и уезжает, не считая нужным с кем-то встречаться лично. Один американский миллиардер, Хьюз, кажется, по фамилии, ухитрился прожить пятьдесят лет, и никто его ни разу не видел.

А теперь она вдруг появилась, в полном порядке и блеске неподвластной возрасту красоты. Нанесла деловые визиты, подтвердив факт своего существования и репутацию одной из самых экстравагантных дам столетия.

Подумала, не заглянуть ли к королеве, та по-прежнему правила и, судя по телевизионным изображениям, тоже выглядела неплохо. Но прямой необходимости в этом пока не было. Может, на очередном дерби подойти, поздороваться, просто из вежливости...

По очень удобному изобретению этого мира, сотовому телефону, Александр связался с Новиковым, доложил о предварительных результатах своей миссии, узнал, что происходит у них. А там тоже все было нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.